

**ИЗ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА :
ДИНАСТИЯ
ДЕМИДОВЫХ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИЗ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА :
ДИНАСТИЯ ДЕМИДОВЫХ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Москва 1998

Серия: “ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ”

**Автор обзора -
кандидат исторических наук М.Л.ГАВЛИН**

**Редактор
кандидат исторических наук В.М.ШЕВЫРИН**

© **ИНИОН РАН. 1998 г. Данная публикация не может быть переиздана или воспроизведена любым другим способом без письменного разрешения ИНИОН РАН.**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Дело тульского оружейника.....	10
Приобретатели и расточители, чудаки и самодуры.....	41
“Плоды просвещения”.....	70
Русские европейцы.....	78
Уральские заводчики из Сан-Дonato.....	103
Список литературы.....	117

ВВЕДЕНИЕ

Россия в разные времена вызывала изумление иностранцев сказочными состояниями, нажитыми в такие исторически сжатые сроки, что это и не снилось за границей. В калейдоскопе картин российской истории, сменяющих друг друга, особенно бросаются в глаза эпохи пробуждения от застоя, оцепенения, характеризующиеся бурным развитием, появлением новых исторических групп, новых имен, а также и новых крупных богатств. Одна из таких переломных, бурных эпох русской истории - XVIII столетие, которое “было порою необыкновенно быстрых и вовсе неожиданных возвышений. Тогда в среду старинной русской знати вступали беспрестанно люди с именами прежде неизвестными. Они получали почетные титулы, высокие чины, важные придворные должности и значительное, а иногда даже громадное богатство, и вдобавок к этому они роднились с известными фамилиями” (29, с. 178).

Многообразная хозяйственная жизнь на обширных пространствах России издавна порождала в своем развитии и многообразные формы, и пути накопления богатств, возникновения состояний. А это, в свою очередь, обуславливало многоликость российского предпринимательства, многообразие его типов. Проявлением одной из самых первых, раннекапиталистических форм накопления богатства, восходящих еще к петровскому времени, может служить горно-заводское дело Демидовых. Политика ускоренных преобразований, гигантские военные усилия и крупное городское строительство Петровской эпохи дали мощный импульс к образованию целого ряда промышленных районов страны не только в центре, но и на Северо-западе, в Поволжье, на Урале и в Сибири, и породили целый слой предприимчивых промышленников -

предпринимателей, выходцев из самых разных сословий: крестьян, торговых людей, городских ремесленников, которые образовали первую волну промышленной буржуазии России нового времени. Крупнейшие из этих новых заводчиков-промышленников в течение XVIII - начала XIX в. влились в состав дворянства, а некоторые, как Демидовы, и в состав новой аристократии, породнившись благодаря своему богатству с крупнейшими аристократическими семьями. В судьбах нескольких поколений рода Демидовых, проделавших удивительную эволюцию от выходцев из народных низов до одной из самых громких аристократических фамилий Российской Империи, отразилась одна из характерных для нашей истории линий развития крупного российского предпринимательства. Вливаясь в ряды дворянства и его высшего слоя - знати, - такие династии заводчиков, как Демидовы, чрезвычайно способствовали укреплению экономической силы и энергии дворянского сословия, его жизнеспособности и тем самым на длительное время сняли, в отличие от Западной Европы, проблему противостояния между нарождающимся "третьим сословием" и дворянством, задержав по крайней мере на столетие вытеснение аристократии купечеством с экономических и культурных высот. И кто знает, если бы не роковое для русской аристократии дробление крупных майоратов, быть может, именно она стала бы той ведущей силой, которая бы вытянула Россию на новый путь развития.

В обзоре на основе обширной и разнообразной по характеру литературы (исследовательской, мемуарной, публицистической), материалов документальных изданий, журнальной периодики раскрываются судьбы, жизнь и деятельность представителей замечательной династии российских заводчиков. В числе их не только выдающиеся предприниматели и меценаты, но и государственные и общественные деятели, дипломаты, военные, ученые и деятели культуры, служившие России со времени петровских преобразований и до конца империи.

Первые Демидовы - искусные мастера и энергичные заводчики, замеченные и вознесенные наверх повелением царя-работника, остались, по какому-то трудно объяснимому закону, в самых глубинах народной исторической памяти. Их реальные образы и дела с течением времени переплелись с народными сказаниями, былями и легендами, обросли вымыслами. Замечено, что "там, где молчит история, появляются легенды и предания". В этом смысле "Первые

Демидовы в определенной степени уже канонизированы” (59, с. 7-8). Даже сегодня мы еще с детских лет знакомимся с Демидовыми, их уральскими заводами, их железных, каменных и золотых дел мастерами по историям о Невьянской башне (символе жестокого произвола Демидовых), по уральским сказам П.П.Бажова, художественным романам-эпопеям (6, 56). В уральском фольклоре, отмечает исследователь, тема “о заводчиках Демидовых” обычно выделяется особо. Многие предания и легенды связаны с Невьянской башней (59, с. 8). Поневоле образы реальных, исторических Демидовых до настоящего времени предстают нам в некоем мифическом ореоле, а их действительные судьбы едва проступают сквозь призрачную дымку легенд. Вокруг истории этой династии наросло столько вымыслов, сенсационных гипотез, полуанекдотических повествований, что, несмотря на, казалось бы, большую литературу о Демидовых, до сих пор, рассказывая о них, трудно встать на твердую почву строгих исторических фактов, отделить “зерна от плевел”. Поэтому в обзоре используются многие малоизвестные, но насыщенные документальным материалом работы прошлых и современных авторов. Вместе с тем очень хотелось, чтобы подбор материалов не только не заслонил, а, напротив, подчеркнул крупным планом драматургию судеб, сложность и яркость характеров, значение деяний наиболее выдающихся представителей дома Демидовых в истории России. Вот почему использование точных деталей, черт, характеристик, рисующих во всей сложности и противоречивости облик этих замечательных и оригинальных людей, занимает не последнее место в обзоре.

Несмотря на “тяжкую руку” Демидовых в управлении подданными своей заводской империи (мастеровыми, “работными людьми”, “приписными” крестьянами), они сами в памяти народа долго еще оставались как бы неотъемлемой частью этой коренной, трудной народной жизни. И первые Демидовы были в сущности плотью от плоти ее - такие же корявые, кряжистые, цепкие и грубоватые, как и те простые русские мужики, умельцы и мастеровые, которыми они управляли. Это было самое начало, ранний мглистый рассвет, заря российского капитализма, зажатого еще в сумрачных казенных тисках крепостнического государства. И вместе с тем это было, по словам Мамина-Сибиряка, кипучее время - время сильных людей, как на добро, так и особенно на зло, время, носившее на себе печать, какого-то стихийного разгула сил, когда на каждом шагу проявлялась почти

нечеловеческая энергия” (37, с. 74). И еще долго, весь XVIII в., да и в XIX в. тоже, целые поколения Демидовых сохраняли это свое “мужицкое” обличье, но уже с большой примесью барского крепостнического самодурства, да еще извечного жадного интереса новой русской знати к заманчивой европейской цивилизации - т.е. к тому, о чем они, по странному парадоксу, и слышать не желали у себя в отечестве.

Петровское племя “работников” у трона, “могутных людей”, к которому принадлежали и Демидовы, укрепляло своей жизненной энергией первенствующее сословие. Они прививали ему вкус к предпринимательской деятельности. В XVIII в. дворянство опережало купечество во многих отраслях заводского и фабричного дела. Более того, почти все богатства, составленные первоначально в кругу промышленной или торговой деятельности, делались богатствами дворянскими, если не при первых их преобретателях, то при ближайших их наследниках (29, с. 13; 21, с. 11). Становление и подъем промышленности в России петровского времени и в течение всего XVIII столетия, связанные с укреплением дворянского абсолютистского государства, с задачами развития его экономической и военной мощи, особенно ярко проявились в возникновении отечественного горно-рудного и металлургического дела. Причем поражает такое быстрое развитие в труднейших условиях того времени этих трудоемких отраслей не только в центре, но и в отдаленнейших, еще совсем не освоенных областях государства: на Урале и в Сибири. Пионерами в деле промышленного освоения этих новых, суровых для жизни, местностей, заложившими здесь основы будущих индустриальных районов России, не потерявших своего значения и поныне, стали вместе со Строгановыми, появившимися еще ранее, и Демидовы. “Со времен Петра Великого, - отмечает русский историк Е.П.Карнович, - составление значительных богатств частными лицами на горно-заводских промыслах было явлением весьма обыкновенным, но никто путем этих промыслов не достиг такого несметного состояния, как Демидовы” (29, с. 162). Владея на так называемом “посессионном” праве заводами, они получали в свое полное распоряжение приписанных к этим заводам на вечные времена крестьян, дешевый крепостной труд которых и составил им колоссальные богатства. Постепенно они становились крупнейшими землевладельцами, собственниками многих тысяч душ крепостных крестьян. Схожее положение дел было характерно не для одной

России. Вернер Зомбарт в своей известной работе об основных типах предпринимательства указывает, что и в других странах крупные землевладельцы на первом месте из промышленных предприятий “охотно занимались горным делом и горнозаводской промышленностью”. Во Франции, например, это крупные землевладельческие дворянские роды: Шато-Рено, Вильменан (горные заводы в провинции Невер), позднее герцог Шуазель (сталелитейные заводы) (25, с. 86).

Впоследствии российское дворянство, несмотря на все льготы и привилегии, дарованные ему, для развития промышленной деятельности, упустило из своих рук инициативу в этой жизненно важной для сохранения ее позиций области. Оно утратило энергию и связь с прогрессивными идеями века, что явилось немаловажной причиной быстрой деградации и оскудения основной массы этого сословия, потери им первенствующей роли в экономике. Наследники отказывались большей частью от того, чем занимались их отцы и деды, и проживали на барский лад доставшиеся им богатства. В определенной степени это прослеживается и на примере семьи Демидовых, хотя они дольше других крупных дворянских родов держались своего прибыльного заводского дела, а материальные ресурсы и задел, созданные первыми ее поколениями, - “строителей” и “накопителей”, - были настолько велики по сравнению с доходами среднего дворянства, что целые поколения Демидовых “расточителей” не смогли исчерпать этот сказочный источник обогащения, поступающий с их заводов. Тот же П.Е.Карнович в своей известной работе, опубликованной впервые в 1873 г., отмечал, имея в виду прежде всего Демидовых: “Богатейшими из владельцев посессионных заводов сделались в прошлом столетии те, которым принадлежали чугунные, железные и медно-плавильные заводы. И до сих пор еще самыми богатыми у нас фамилиями считаются те, к которым перешли по наследству или по покупке упомянутые заводы” (29, с. 15). Вместе с тем будет большой несправедливостью не отметить, что и Демидовы - “расточители” в значительной степени реабилитировали себя своей, беспрецедентной по масштабам, целенаправленной благотворительной, меценатской, культурно-просветительской деятельностью.

Первые Демидовы были выходцами из городских ремесленников, мастеровых и представляют сравнительно малоизученную, уникальную социальную группу, представители

которой внесли свой вклад в развитие отечественного предпринимательства. Это явление, характерное для начала петровского времени. Еще существовал значительный слой свободного и зажиточного ремесленничества, мастерского люда в целом ряде промышленно развитых центров старой Московской Руси. Еще крепостническое дворянское государство не наложило свою тяжелую десницу на их деятельность, не закабалило их труд. Но период этот был недолог сравнительно с Западной Европой. Позднее городское ремесленничество, цеховые уже не выдвинули из своей среды промышленных деятелей, строителей частных заводов и фабрик такого масштаба. Кроме Демидовых, мы видим здесь и сподвижника Никиты Антуфьева, оружейного мастера Ивана Баташева, и других тульских оружейников: Лучининых, Мосоловых, Ареховых, Красильниковых. Историк начала XIX в. академик И.Гамель насчитывает 46 бывших тульских оружейников, уже имевших в первой четверти XIX в. свои заводы (14). Можно отметить также других выходцев из ремесленников - будущих полотняных фабрикантов Гончаровых, суконных и кожевенных фабрикантов Тулининых и многих других, позднее влившихся в дворянство. Но никто больше не составил себе такого громадного состояния, какое пробрели Демидовы, возведенные уже Петром I в потомственные дворяне и вошедшие позднее в самые избранные круги российской, а затем и европейской аристократии.

ДЕЛО ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНИКА

Родоначальником рода Демидовых считается Демид Антуфьев (Антуфеев), родившийся в крестьянской семье в деревне Павшино в 20 верстах от Тулы. Сведений о нем немного. Известно, что с 1662 г. он переехал в Тулу, где работал кузнецом или молотобойцем на Тульском оружейном заводе (21, с. 2; 1, с. 363). Демид Григорьевич был женат и имел трех сыновей: Никиту, Семена и Григория. Начало громадному богатству Демидовых положил старший сын Демиды - Никита, родившийся 26 марта 1656 г. По некоторым сведениям отец умер, когда дети были еще малолетними и старший сын, который, как и отец, начал работать кузнецом - оружейником в Туле, приносил свои первые деньги матери на воспитание детей. Большинство исследователей считают, что Никита переселился в Тулу вместе с семьей, обучился ремеслу и вслед за отцом избрал профессию

кузнеца. Есть, однако, и другая версия, согласно которой павшинский крестьянин Никита Демидович не переселился в Тулу со своим отцом, а пришел туда один, избегая рекрутчины, и нанялся там на работу у одного из местных кузнецов с платой по одному алтыну в неделю (21, с. 3; 29, с. 162).

Характеризуя личность Никиты Демидовича, многие отмечают, что он достиг в своем деле высокого мастерства. “Это был человек веселого нрава, - писал один его биограф, - любивший забавлять своих собеседников остроумными шутками” (21, с. 2). “Он отличался деятельностью и искусством от прочих своих товарищей, ставивших в исходе XVII столетия в Московскую оружейную палату готовые ружья, а также ружейные стволы и замки”, - замечал другой автор (29, с. 162). Именно искусность и мастерство Никиты Демидова в своем деле, наряду с другими его качествами, позволили ему выбиться в зажиточные ремесленники. Ко времени своего знакомства с царем Петром I он уже владел собственной мастерской. Как отмечает один из крупнейших исследователей хозяйства Демидовых историк Б.Б.Кафенгауз, при недостатке источников обычно судят о первых шагах Никиты Демидова в предпринимательстве по многочисленным рассказам о знакомстве Петра I с тульским кузнецом, приписывая одному лишь этому знакомству поразительный взлет к успеху и богатству первого Демидова. Однако факты, приводимые исследователем, во многом разрушают эту легенду и позволяют более объективно взглянуть на происхождение богатства Демидовых. “Источники не дают основания, - пишет Б.Б.Кафенгауз, - видеть в Никите Демидове кузнеца - рабочего, а скорее позволяют сделать вывод, что он был богатым тульским предпринимателем по производству и сбыту оружия” (30, с. 83). Никита Демидов принадлежал к богатой верхушке тульских оружейников, выполнявших крупные казенные заказы, владел мастерской и заслужил благоволение царя поставками оружия по низким ценам (30, с. 89). Сомневается в прочно укоренившемся предании, выставляющем Никиту Демидова именно тружеником-кузнецом, и П.Г.Любомиров (35, с. 545).

Сведения о братьях Никиты Демидовича, хотя и крайне скудные, также свидетельствуют о том, что он не был исключением в этой зажиточной семье. Так, в 1710 г., согласно одному из документов, приводимых Б.Б.Кафенгаузом, в Сенате слушалось донесение тульского кузнеца Семена Демидова Евтифеева, признавшегося в

двоеженстве, а также в незаконном беспощадном провозе товаров. Он жаловался на сына Никиты Демидова, Никиту Никитича (также названного Ефтифьевым), говорил о различных обидах, причиненных ему в его наемном дворе в Москве, и о том, что тот “отобрал у Семена в Туле 1100 пудов железа и продал его”. Этот эпизод, кроме того, что характеризует нравы и соперничество, процветавшие в этот период в семье Антуфеевых-Демидовых, указывает и на принадлежность ее представитель к богатым тульским промышленникам, ездившим в Москву и имевшим большие запасы товаров и металла (30, с. 85). Хотя сведения о другом брате, Григории, практически отсутствуют, можно предположить, что и он принадлежал к тому же кругу богатых тульских оружейников.

Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что царь Петр I, искавший повсюду талантливых и энергичных людей, сыграл решающую роль в судьбе Никиты Демидова и восхождении к будущему экономическому могуществу рода Демидовых. Скорее всего, Демидовы так бы и остались промышленниками средней руки, если бы не перст судьбы - личная встреча и знакомство с царем-преобразователем. Конечно же, внимание царя открывало перед предприимчивым и энергичным “тулянином” неизмеримо большие возможности в развертывании его заводского дела, позволяло осуществить планы, о которых он без поддержки государства не мог и мечтать. И он не упустил своего “звездного часа”. За ним дело не стало.

Об обстоятельствах его знакомства с царем рассказывают по-разному. Версий и легенд об этом бытует множество. И трудно сказать, где кончается правда и начинается вымысел. По одной из них приближенный к царю боярин Шафиров, проезжая через Тулу, отдал Никите в починку испортившийся пистолет работы знаменитого немецкого мастера Кухенрейтера, и “Демидыч” не только сумел исправить его, но и будто бы сделал по образцу его другой, ни в чем не уступавший первому. Шафиров был так восхищен искусством Никиты, что обратил внимание царя на умелого мастера. Согласно другому преданию, имевшему хождение на Невьянских заводах, Шафиров не имел самолично дела с Никитою. Он привез пистолет из-за границы в подарок Петру I. Царь сильно дорожил им, но в конце концов сломал курок. В Москве нужного мастера не нашли и посоветовали ему обратиться в Тулу, к известному уже своим умением оружейнику Никите. Будучи проездом в Туле, царь призвал

Антуфьева и наказал ему исправить курок. Никита взялся, но сказал, что требуется время. На обратном пути, месяца через два, Петр призвал Никиту и остался доволен работой. Он похвалил его, прибавив при этом, показывая на пистолет: “Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать”. “Что ж, авось и моя работа супротив немца постоит”, - отозвался кузнец. Бывший под хмелем Петр, ударив его по щеке, крикнул: “Сперва сделай, мошенник, потом хвались”. - “А ты, царь, сперва узнай, потом дерись, - возразил Никита и, вынув из кармана пистолет, продолжал, - “который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой - заморский-то”. Изумленный Петр обнял Никиту и сказал: “Виноват я перед тобой; ты, я вижу, парень дельный”. Поехав к нему в гости, Петр спросил, не возьмется ли он устроить в Туле ружейный завод и много ли на то потребуется денег. Антуфьев попросил 5 тыс. рублей, которые и были выданы ему из казны (21, с. 5; 47, с. 119-120). Это предание очень характерно для народных сказов с их верой в удачу простого мастерового человека и милость сурового, но справедливого к людям труда царя - как источника этой удачи. Такие представления, очень распространенные в народной среде, и обусловили живучесть подобных преданий, проникших даже в серьезные исторические труды. Правда и вымысел здесь тесно переплелись.

Более реалистическим выглядит рассказ, изложенный И.Гамелем: Петр в 1896 г. по пути в Воронеж, остановясь в Туле, пожелал позвать к себе кузнецов, знавших ковку белого оружия. Но из них явился один только Никита, который, к удовольствию Петра, исполнил заказ. Петр похвалил Никиту и на обратном пути, как обещал, заехал к нему в гости и осмотрел тогда небольшую, но уже собственную оружейную фабрику Демидыча, “похвалив его за предприимчивость и ум” (14, с. 30). Рассказ этот совпадает с известными сегодня документальными фактами. Так, в делах Сибирского приказа сохранились ясные указания на существование в 1697 г., но основанного еще годом раньше Демидычем железного завода в Туле. Это был вододействующий завод (или мастерская), т.е. достаточно крупное предприятие. Из текста явствует, что Демидов имеет даже деревни и заводы еще “не довершены”. Таким образом, правительству и, по-видимому, самому Петру Никита Демидов был известен как предприимчивый и умелый заводчик. Он заслужил благоволение царя поставками оружия по низким ценам (30, с. 89). Отзвуки этого благоволения прослеживаются еще в одном предании,

согласно которому Петр хотел сдать Демидова за высокий рост и большую физическую силу в гвардию, но Демидов упросил оставить его кузнецом, обещая выполнить большой заказ оружия для армии (30, с. 82; 60, с. 110). В последнее время обнаружены ранее не известные упоминания о Демидове, относящиеся к 1676 и 1680 гг. (38, с. 8-9). Некоторые новые данные позволяют отнести основание Тульского завода Демидова не к 1696 г., а к 1694-1695 гг. В таком случае он может считаться, наряду с заводом дьяка, выходца из суконной сотни, Кузьмы Борина близ г. Романова, самой ранней металлургической мануфактурой России, основанной лицами непривлеклированных сословий (64, с. 14).

Несмотря на всю противоречивость в описаниях обстоятельств знакомства Никиты Антуфьева с царем, сам факт этого знакомства можно считать установленным. Достоверно известно также, что вскоре после первой встречи с Петром Демидов, узнав, с каким трудом царь доставал солдатские ружья, платя за каждое по 10-12 руб, представил в 1700 г. в качестве образца шесть отлично сделанных им ружей, по 180 коп. за каждое. Искусно приготовленные им образцы ружей понравились Петру I и были как нельзя более кстати, так как началась война со Швецией. Царь делает его поставщиком оружия для армии во время Северной войны. Поставленные Никитой Демидовым ружья были значительно дешевле зарубежных, при одинаковом с ними качестве. Все это усилило расположение к нему царя (1, с. 363). Началось стремительное восхождение тульского оружейника к высотам богатства. Ему было дозволено завести более крупный доменный и пушечный вододействующий завод "о многих молотах" при устье р. Тулицы. Никита Антуфьев построил его не на царские 5 тыс., а на свои деньги без помощи казны, без приписных или крепостных крестьян, с одними наемными работниками. Новый завод поставлял в Пушкарский приказ снаряды и, вероятно, пушки по низким ценам, гораздо дешевле других заводчиков: по 12 коп. с пуда против 25 коп. у других (30, с. 89; 21, с. 12). Правительство в награду за это позволило ему расширить завод и превратило 20-летний срок владения предприятием в бессрочное владение. А указом 2 января 1701 г. за Демидовым признано полное право собственности на его Тульский завод. Ему дано было право покупать крестьян и земли. Петр приказал, в частности, отмежевать в собственность заводчика в том же 1701 г. лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добывания угля дать ему участок в Щегловской засеке. Были даны

Демидовым и другие привилегии, например, исключительное право копать руду в “малиновой засеке” (21, с. 12; 30, с. 89-90; 1, с. 363).

Но, вероятно, если бы Демидовы ограничились только своей деятельностью в Туле, вряд ли они вошли в историю России как создатели целой отрасли государственного хозяйства. Еще в 1896 г. воевода Протасьев представил царю образцы магнита с речки Тагила и железной руды с реки Невьи. Петр передал руду для испытаний Демидову, который приготовил из нее несколько ружей, замков, копий и донес государю, что невьянское железо нисколько не хуже “свейского” (т.е. шведского), пользовавшегося тогда славой по всей Европе (29, с. 164-165). Дальновидный и умный Демидов сразу же понял, какую громадную выгоду можно извлечь из разработки Невьянских рудников. Он отваживается на совершенно новое, исключительное по своему значению предприятие. Непосредственным толчком к его решению послужило лишение Тульского завода топлива, когда у Демидовых отобрали право рубки леса в Щегловской засеке, так как в ней было много дуба и других деревьев, пригодных для кораблестроения. По одному из рассказов, царь был в Москве и сажился за обед со своими приближенными, когда ему доложили о приходе Демидовых - Никиты и сына его Акинфия, которого Петр уже и раньше знал. Кузнецы пришли в простых “кожаных”, но царь-работник посадил “Демидыча” с сыном за свой стол. Никита стал просить об отдаче ему Невьянских заводов, и царь согласился на его просьбу (40, с. 18). Вполне возможно, что рассказ передает действительное событие и Демидов использовал благосклонность царя, чтобы быстрее решить дело в свою пользу. Но и расположение царя не избавляло от необходимости действовать по установленному порядку. В 1702 г. Демидов входит в Сибирский приказ с представлением о позволении, по случаю запрещения рубить лес на уголь в пожалованной ему под Тулой засеке и невозможности литья пушек и снарядов в Туле, производить их и разрабатывать руду на принадлежащем тогда казне Невьянском (Верхо-Турском) заводе на Урале. Челобитие Демидова было, по-видимому, устным. В документах Сибирского приказа, возглавлявшегося в то время известным знатоком горного дела думным дьяком Андреем Винусом, отмечено за 10 февраля 1702 г.: “К сей сказке вместо тулинина Микиты Демидова по его велению кузнецкий сын боярской Гоцевский руку приложил” (30, с. 91). Было ли это по причине неграмотности Демидова или по другой причине, как об этом

заявляют более поздние исследователи, утверждая что он был человек грамотный, но просьба его была удовлетворена, даже свыше того, о чем говорилось в прошении. Этому немало содействовал сам глава Сибирского приказа Андрей Виниус, давний покровитель Никиты, горячо поддержавший его челобитье. Без его понимания и помощи, отмечает автор интересной книги Игорь Шакинко, Демидовы едва ли так скоро и основательно прижились бы на Урале (69, с. 61).

Надо сказать, что предоставление частным лицам казенных заводов, все более приходивших в упадок, совпадало со взглядами царя Петра и его ближайшего помощника в промышленном деле А.А.Виниуса на развитие русской промышленности. Поэтому просьба Демидова не встретила больших затруднений. По указу 4 марта 1702 г. ему были отданы Верхотурские (Нейвянские и Невьянские) железные заводы, устроенные по р. Невее еще при царе Алексее Михайловиче “для снабжения артиллерию военными припасами” с обязательством заплатить казне за устройство заводов железом в течение пяти лет и с правом покупать для заводов крепостных людей. Ему было также предоставлено право разрабатывать руду по р. Невее, р. Тагиле и другим рекам, и у горы Магнитной, кроме того, по мере надобности отводить новые земли. Он мог свободно продавать излишки своей будущей продукции. Его деятельность не подпадала под надзор местного воеводы и была подсудна лишь Сибирскому приказу. Основные положения указа были выработаны, по-видимому, в ходе обсуждения между Демидовым и Виниусом, и результаты его доложены Петру I, о чем есть запись в делах Сибирского приказа. “1702-го марта в 4 день Великий Государь сеи выписки слушав и доношения туленина Никиты Демидова, по именному своему Великому Государя указу указал Верхотурские железные заводы на Нейве реке, и буде приищет по той и иных реках и Тагиле у магнитной руды, Верхотурскому уезду заводы отдать во владение ему, Никите, и ставить ему с тех заводов в его Великому Государя казну на всякие обиходы воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты и что писано выше по именованным его Никитиным ценам перед иноземческими с убавкою, oprичь пушек и мортир, которые ставить по тем ценам, как он уговаривал” (30. с. 93). Так было положено начало созданию важнейшего в судьбах России Уральского горно-заводского района - одной из основных баз металлургии нашей страны - крупнейшего дела Демидовых, их главной заслуги перед отечеством.

Получив во владение Невьянские заводы, Никита Демидов спешно отправляет на место своего поверенного, который в мае 1702 г. принимает новые заводы. А затем туда же немедленно отправился в сопровождении 12 лучших тульских мастеров и старший 24-летний его сын Акинфий, ставший потом единственным полномочным распорядителем заводов на Урале. Сам Никита не мог отправиться в свои новые владения, так как должен был остаться при тульских заводах в связи с крупными поставками оружия (до 20 тыс. ружей) для русской армии, воевавшей со Швецией. Кроме того, необходимо было организовать отправку опытных рабочих на Урал и обеспечить подготовку новых квалифицированных кадров взамен отправляемых. В июне того же года сам Никита ненадолго съездил на Урал и вскоре вернулся. Производство в Туле, так же как и в уральских владениях, не терпело остановок. Шла Северная война. Россия напрягала силы. И вслед за указом о переходе Невьянских заводов к Демидову из Сибирского приказа вдогонку идут предписания по военному времени об отливке сотен пушек и тысяч ружей и снарядов. Поощряя “тулянина” Демидова, Петр I дает Никите 6 декабря 1702 г. новую грамоту на Невьянские заводы, которая давала право и наказывать рабочих “с тем, однако же, чтобы не навести на себя правых слез и обидного в том воздыхания, что пред Господом - грех не простительный” (21, с. 42; 29, с. 166; 40, с. 21-22). Как отмечает один из биографов династии, “это гуманное пожелание не осуществилось: много тяжелых страниц заключает в себе история заводского дела на Руси”, в том числе и на заводах Демидовых (40, с.22).

В одной из грамот того же 1702 г. Никита впервые поименован Демидовым вместо прежнего своего прозвища Антуфьев, и с этого времени начинается собственно родословная Демидовых. В течение всей своей жизни этот предприимчивый заводчик энергично развивал свое горно-заводское дело. Уже при его жизни география и масштабы распространения горно-заводского промысла Демидовых производят большое впечатление на современников. Демидовы усиленно расширяли свою деятельность от центра на окраины. В 1703 г. Петр приказал приписать к разрастающимся Невьянским заводам еще две волости в Верхотурском уезде. А в декабре 1713 г. Демидовым были отданы во владение и остальные имеющиеся в Верхотурском уезде казенные железоделательные заводы с близлежащими волостями. Постепенно из Тулы сердце Демидовского горного и оружейного дела

переносится на Урал. Туда переносится технический опыт центра, там “стремятся работать “по московски” и при помощи же московских же мастеров” (30, с. 129). Работали на Урале и опытные в горном деле пленные шведы, помогшие Демидовым поставить дело на должную высоту (21, с. 40; 40, с. 27). Демидов получает исключительное право на поставку артиллерийских снарядов и проведение геологических изысканий, на строительство - на собственные средства - новых заводов и добычу меди, которую его обязали поставлять на Денежный двор для чеканки медных монет. Именно в это время царь для проверки поступавших доносов на заводчика поручил князю В.В.Долгорукову, управлявшему в то время Сибирским приказом, сравнить цены других подрядчиков с демидовскими. Оказалось, что многие изделия Демидова поставлялись вдвое дешевле и не нашлось ни одного, которое стоило бы дороже. По справке о стоимости железа и изделий, до Демидова подрядчики поставляли железо в казну по 60-75 коп. за пуд, шведское стоило 90 коп., а по объявлении войны дошло до 3 р., но и по этой цене нельзя было его достать; Никита же поставлял разные сорта железа по средней цене 50 коп. пуд. Бомбы, пушки и ядра поставлялись им в казну по 20-25 коп. за пуд (40, с. 31). Торжествующий заводчик в челобитной требовал, чтобы с казенных заказов пошлин с него не брали, деньги выдавали без промедления и просил снова подтвердить за ним право владения Невьянскими заводами и чтобы его надзирали только из Петербурга, канцелярии Долгорукова. Петр согласился и в апреле 1715 г. вновь подтвердил права Демидова на владение заводами со всеми угодьями и крестьянами. Начался новый всплеск предпринимательской активности “тулянина” на Урале и в Сибири. Последнее десятилетие его жизни было очень плодотворным. Он построил четыре новых железных и медных завода на Урале: Быньговский (1718), Выйский (1721), Нижне-Тагильский (1725) и Нижне-Лайский (1726). Один завод был построен им на р. Оке. Он создавал заводы до последних дней своей жизни, и последний из его уральских заводов вступил в строй уже после его смерти. Еще при жизни Никиты были устроены его сыном, Акинфием, на Урале Шуралинский (1716) и Верхне-Тагильский железодельные заводы (21, с. 15; 1, с. 363; 54, с. 24). Получив от Петра земли в Сибири, с правом расширять их покупкою новых участков Никита Демидов и его сыновья построили и здесь несколько не только железных, но и медных заводов и положили

начало заселению заводскими людьми отдаленных районов Восточной Сибири вплоть до глухих Колыванских мест.

К концу царствования Петра I из 22 металлургических заводов России Демидовым принадлежало 8. Эти заводы не уступали государственным ни по размерам, ни по объемам выпускаемой продукции. Большая часть производимого в России металла приходилась на долю “казенных” предпринимателей, среди которых Демидовы занимали особое место. Этот вывод подтверждается следующими данными:

Продукция металлопромышленности России в 20-е годы XVIII в. в пудах

	1724	1725
1. Государст. з-ды Урала и Сибири	212 440	206 882
2. Заводы Демидова	247 717	369 220
3. Частные заводы Центра	120 093	120 061

(32, с. 43)

Не оставил Никита Демидович без своего внимания и других отраслей производства. Он внедрял известное еще с древних времен производство асбеста или горного льна. Месторождение асбеста было открыто в 1720 г. на Тагиле, близ Невьянского завода. В 1722 г. заводчиком был представлен Петру Великому образец “несгораемого” полотна из асбеста. По свидетельству очевидцев, производство изделий из него (кошельки, шапки, перчатки, шнурки) еще долго сохранялось в народной среде на Урале и в Сибири (54, с. 35; 21, с. 84). Никита Демидов вместе со своим сыном Акинфием положил и начало распространению добычи и обработки магнитов. По свидетельству историка Г.Спасского, в архиве Нижне-Тагильского завода найдена даже собственноручная записка по этому вопросу из Тулы к одному из его приказчиков, которая, кстати, доказывает, по мнению исследователя, что заводчик вовсе не был безграмотен, как это заключают на основании подписи вместо него другого лица при слушании известного указа об отдаче ему Невьянского завода (54, с. 36-37).

Еще при жизни Никиты было положено начало одному из самых фантастических начинаний Демидовых - поисков серебряных и золотоносных руд. Переселяющимся в отдаленные места Сибири и Алтая он выдавал от себя пособия. Не забывая, впрочем, кроме “удобного и пристойного пайка” выторговать от правительства право

“ленивых” наказывать, хотя и с определенными пока ограничениями: “Чтоб чрезмерной жестокостью их врознь не разогнать” (48, с. 131-136).

Каким же был по характеру этот недюжинный человек, соиздательной энергии которого хватило на целое столетие? О личности первого из рода Демидовых известно немного. Сведения на этот счет очень скупы. Однако все они рисуют его человеком действительно незаурядным, большой физической силы и энергии, с сильным характером. Исследователь Толычева в публикации в “Русском архиве” за 1878 г. дает описание портрета Никиты Демидова, сохранившегося к тому времени на Невьянском заводе: “Одною из жилистых рук бывший кузнец придерживает кожану (шубу), брошенную на кафтан, другою опирается на костыль. Худощавостью и желтоватым цветом лица он напоминает аскета. Черные глаза впали, губы сжаты, небольшая черная борода опускается на грудь, череп обнажен, вся физиономия носит отпечаток ума и силы. Таким выражением природа одаряет именно тех людей, которые завещают свое имя потомкам” (47, с. 122). Это портрет уже зрелого, знающего жизнь человека. В молодости же Никита был человеком очень живого и веселого нрава, любившим забавлять своих собеседников остроумными шутками (21, с. 2). Современники отмечали также свойственную ему скромность. Петр был очень доволен деятельностью Демидова. Когда генерал-адмирал граф Апраксин сказал однажды Петру: “Хорошо, если бы у тебя было человек десятка два таких каков Демидов”, - Петр отвечал: “Я счастливым бы себя почел, если б имел таких пять, шесть или и меньше”. Царь даже хотел соорудить медную статую Демидова и поставить ее в публичном месте, в ознаменование оказанных им заслуг, но это не осуществилось по скромности Демидова (21, с. 43). Он решительно отказывался также от предлагавшихся ему царем чинов и достоинств. В 1709 г. (по другим сведениями - в 1707 г.) Демидов был пожалован именным указом в правительственные комиссары на Уральских заводах и состоял в том чине до самой своей смерти. В указе от 11 февраля 1709 г. говорилось: “Велено туленину Никите Демидову на Невьянских железных заводах за литье и за поставку к нынешнему воинскому случаю военных припасов быть комиссаром и ведать ему на тех заводах мастеровых и работных людей и крестьян всякою распрavoю и управлять всякое заводское дело и воинские припасы готовить и ставить с кованым железом по-

прежнему с великим радением и правдою” (30, с. 156). До получения чина комиссара Никита Демидов числился как тульский “кузнец оружейного дела, мастер” (21, с. 48; 30, с. 163). Лишь в последние годы жизни его с большим трудом уговорили принять пожалованное ему 21 сентября 1720 г. Петром I дворянское достоинство под фамилией “Демидова”. Бывший тульский кузнец становится потомственным Нижегородским дворянином. Однако указ об этом дошел лишь в ссылках на него более позднего времени и потребовал подтверждения. Диплом о дворянстве был возобновлен 24 марта 1726 г., уже после смерти основателя рода, императрицей Екатериной I. Причем в этом дипломе Демидовым была сделана оговорка: “Чтобы их, и детей их, и потомков, против других дворян, ни в какие службы не выбирать и не употреблять” (21, с. 46). Это исключение несомненно было сделано, чтобы не отвлекать Демидовых от заводских дел, что свидетельствует о том, какое исключительное значение придавало государство их деятельности.

Заводы, устроенные Никитой Демидовым в Туле и на Урале, сыграли немалую роль во время длительной Северной войны в снабжении русской армии огнестрельным оружием и артиллерийскими припасами. Его уральские заводы поставляли всю войну разные орудия, за которые заводчик брал половинную цену по сравнению с другими заводовладельцами (21, с. 20). В 1718 г. он стал единственным поставщиком пушек, корабельного леса, якорей и железа для кораблей и укреплений на острове Котлин (59, с. 69-70). Изъявляя заводчику свое монаршее благоволение. Петр I из Персидского похода прислал ему из Кизляра свой портрет с письмом, заканчивающимся словами: “Лей больше пушкарских снарядов и отыскивай, по обещанию, серебряную руду” (21, с. 42). Но заслуги этого “работника у трона” не ограничивались военными поставками. Он был одним из главных помощников Петра I при основании Петербурга, жертвуя на его строительство деньги, железо и т.д. (1, с. 363). С 1718 г. Демидов получает заказы на поставку фонтанных труб и железа для строившихся дворцов в Петербурге и Ревеле. Стремясь быть полезным в преобразованиях Петра, он брал на себя поставки для государственных ведомств по сниженной стоимости. Так, в 1721 г., значительно понизив по сравнению с другими подрядчиками цены, он взялся за поставку Санкт-Петербургскому Адмиралтейству корабельного леса из Казанской губернии (21, с. 37).

К концу своей жизни Никита Демидов становится одним из крупнейших промышленников России, человеком, не уступавшим по богатству иным знатым вельможам. По некоторым оценкам, ежегодный доход его составлял до 100 тыс. руб. - по тем временам весьма значительный (29. с. 197-198; 40, с. 21). В качестве примера его богатства приводили такой эпизод. В один из приездов Демидова в Петербург, в 1715 г., родился наследник Петра, царевич Петр Петрович. По давнему русскому обычаю “знатные особы” при поздравлении государыни с новорожденным подносили ей “приличные дары”. Никита Демидович по этому случаю, кроме золотых “бугровых” сибирских вещей (т.е. из древних сибирских курганов - М.Г.), поднес императрице громадную сумму в 100 тыс. руб. (21, с. 41; 54, с. 43).

Основатель рода Демидовых умер 17 ноября 1725 г., на 70-м году жизни, лишь на несколько месяцев пережив своего царственного благодетеля. Он был погребен в родной Туле, под папертью церкви Рождества Христова, называемой “Демидовскою”. Пример Демидова лишний раз показывает огромную роль в России государственной власти в первоначальном накоплении капитала. Средства притекали в руки частного заводчика в значительной степени прямо из государственной казны. Демидовы по милости царя приобрели за бесценок заводы и сделались владельцами богатейших рудных месторождений, земель, бесчисленных угодий, сделались собственниками тысяч душ. Можно согласиться с оценкой, которую дает один из старинных исследователей дела Демидовых: “Петр оказался самым крайним протекционистом и не жалел жертв для того, чтобы создать горную промышленность. Жертвы эти были громадны. Лучшие горные места, достояние государства, перешли к частным лицам; сотни тысяч крестьян на многие годы закрепощены заводам. Перед такими льготами кажутся игрушкой самые высокие нынешние протекционистские тарифы” (40, с. 23). К этому можно добавить и другие благоприятные обстоятельства для Демидовых. У них было немного конкурентов. Частных заводчиков до них было мало. А рынком сбыта для их продукции была чуть ли не вся Россия, остро нуждавшаяся в железе, сама казна, а впоследствии и европейские страны, в течение всего XVIII столетия импортировавшие металл из России.

Никита Демидов имел от супруги своей, Евдокии (Авдотьи) Федоровны, трех сыновей: Акинфия, Григория и Никиту. Особое

доверие он питал к старшему сыну, который, по его мнению, намного превосходил по своим деловым качествам младших братьев. Ему он и передал большую часть своих заводов. Берг-коллегия утвердила это завещание отца, опираясь на 2-й пункт Указа о единонаследии от 23 марта 1714 г., согласно которому недвижимость оставлялась только одному из сыновей. Акинфий стал выдающимся продолжателем дела своего отца. Если отец заложил основы родового богатства Демидовых, то сын превратил его в одно из крупнейших состояний России. По оценке современного исследователя, Акинфий “самый одаренный представитель династии Демидовых за всю двухвековую ее историю. Отца он превзошел и организаторскими способностями, и достигнутыми результатами в промышленном строительстве” (41, с. 79).

Личность старшего сына Никиты Демидова - несомненно, одна из самых крупных фигур среди предпринимателей послепетровского времени, - всегда вызвала разноречивые чувства у писавших о нем. Еще его современники отмечали крупность характера и масштаб личности этого уральского заводчика. Петровский деятель Геннин, знавший Акинфия лично, в письме к Петру говорил о нем: “Здесь на Урале, никто не смел ему, боясь его, слова выговорить, и он здесь поворачивал как хотел” (15, с. 123). Более поздние биографы первых Демидовых видели в них “железных людей”, писали о “железном сердце” и “могучей воле”, которыми был наделен Акинфий, подчеркивали, что он “мужик упрям” (40, с. 40, 41, 47, 62; 59, с. 16). Но вместе с тем они отмечали его преданность горнозаводскому делу, заслуги в развитии разнообразных народных и художественных промыслов, известную широту культурных интересов. Писатель Д.Мамин-Сибиряк, помещавший Акинфия среди “сильных людей”, на которых так богато было XVIII столетие, и даже называвший его “гениальным человеком”, вместе с тем говорил о нем как об “истинном сыне” своего жестокого века: “Под его (Акинфия. - М.Г.) железной рукой стонали не только приписанные к заводам крестьяне, но и сами подьячие, разные приставники, приказчики и прочий служилый люд. Кнут, плети, батоги, цепи, застенки - все шло в ход” Подобные Акинфию Демидову “слишком энергичные”, по выражению писателя, люди “не стеснялись себя в выборе средств при преследовании своих целей. По сие время на многих уральских заводах сохранились предания о том, как рабочих бросали в жерла доменных печей или топили в прудах” (37, с. 72). Высоко оценивал

значение Акинфия Демидова в истории горного дела России и уральский писатель П.П.Бажов. В письме к И.И.Халтурину от 16 февраля 1946 г. по поводу романа Е.А.Федорова “Каменный пояс” от замечает: “У меня уж второй год из комнаты не выходит этот кучерявый кузнец в дворянском мундире с его “русским железным делом” (59, с. 16). На жестокие методы обогащения и противоречивость личности этого уральского заводчика обращали внимание исследователи советского времени. Историк Б.Б.Кафенгауз называл Акинфия таким же “хищным приобретателем и эксплуататором”, как и его отец, “жестоким и энергичным дельцом” (30, с. 167, 168, 179). “Жестокость этого человека, подчиненную стяжательству”, отмечал и другой известный советский историк, Н.И.Павленко, вместе с тем характеризуя его “рачительным хозяином и тонким знатоком горнозаводского дела” (41, с. 75). Новейший историк и публицист Игорь Шакинко также отмечает масштаб его личности: “По силе воли и страсти, по целеустремленности, по сложности затеваемых им комбинаций Акинфий Демидов - одна из крупнейших и колоритнейших фигур XVIII столетия” (59, с. 283). Он отмечает высокий уровень знаний и мастерства Акинфия в своем деле и обращает внимание на такую деталь: “В народе извечно высоко ценилось мастерство. И когда предание или легенды говорили о жестокости хозяев Невьянского завода, то назывался просто Демидов, а если отмечалось высокое мастерство, то назывались неизменно - Никита или Акинфий Демидовы. И больше никого” (59, с. 9). Заслуги Акинфия Демидова перед Россией несомненны, делает вывод автор, но несомненны и его преступления (59, с. 291).

Акинфий Никитович Демидов родился в Туле в 1678 г. С детства помогал отцу в кузнечном и оружейном деле. Впоследствии, по некоторым свидетельствам, для усовершенствования своих знаний в горном деле он сумел побывать и за границей и даже приобрел во Фрейбурге, в Саксонии, минералогический кабинет, перевезенный им на Урал и положивший начало ценной коллекции минералов, которая пополнялась постоянно из уральских и сибирских находок (21, с. 52). С 1702 г. по поручению отца он управляет Невьянскими заводами, которые становятся центром его обширных владений и постоянной резиденцией. По разным сведениям к концу жизни Акинфию принадлежало до 22 и более заводов, из них им самим основано не менее 17 (21, с. 84; 40, с. 64). В рукописи Геннина о сибирских заводах, на которую ссылается и один из первых биографов

Демидовых Г.Спасский, указаны следующие железные заводы, принадлежавшие А.Н.Демидову: Невьянский (1698), Шуралинский (1716), Быньговский (1718), Верхне-Тагильский (1718), Нижне-Тагильский (1725), перешедшие еще от отца; кроме того, построенные им самим: Шайтанский (1721), Черноисточинский (1728), Уткинский (1729), Суксунский (1729), Ревдинский (1730); сверх того, по указу Берг-Коллегии 20 декабря 1721 г. еще отцу его было позволено построить медный завод на р. Вые, близ Тагильского завода у Магнитной горы (54, с. 24). Тульские заводы, по сообщению того же Спасского, после смерти отца также достались Акинфию, который владел ими до 1737 г. Затем они, по-видимому, от него отошли (54, с. 26). Он унаследовал и Выревский и Есенковский заводы в Калужском у. (3, с. 210). Но как ни многочисленны были эти предприятия Акинфия, он не мог ограничить свою деятельность пределами одного Урала. Он неизмеримо расширил географию и масштабы промышленного дела Демидовых, постепенно продвигаясь на юг Урала, Алтай, Заволжье и в Сибирь, где он усиленно разыскивал медную руду в Томском и Кузнецком уездах. Еще при жизни отца были посланы доверенные люди на Иртыш, которые открыли там во многих местах следы древних горных работ, или так называемых “Чудских копей”. Последующие поиски, произведенные в одной из таких копей, близ озера Колывани, в глухих таежных местах, увенчались в 1725 г. открытием богатого месторождения медной руды. Открытие было сделано в воскресный день. В ознаменование этого дня и места, где добыта была первая руда, все горные промыслы в тех местах получили название Колывано-Воскресенских (54, с. 27-28). Это были дикие, нетронутые, нехоженые места, которые заселялись собственными людьми Демидова, по преимуществу беглыми и раскольниками. Об этом крае писал поэт: “В густых лесах, где зреет земляника, раскольный скит укрылся. Глухомань. На сотни верст ни топора, ни вскрика. Дремучий край. Седая Колывань”. Убедившись в богатстве открытых месторождений, Акинфий направил в Берг-коллегию ходатайство о разрешении на постройку завода, которое было дано в том же году. Посланные три приказчика с рабочими построили на речке Локтевке небольшой завод с двумя плавильными печами, действующими ручными мехами, и начали доставлять ее по р. Иртыш на Невьянский завод. В 1728 г. по разрешению казны в трех верстах от Локтевского завода на р. Белой, вытекающей из Белого озера, построен Колыванский завод, уже с четырьмя плавильными

печами, пущенный в 1729 г. Впоследствии , после смерти Акинфия, он будет взят в казну, а в 1766 г. вместо него была устроена гранильная фабрика, поставлявшая “колоссальные изделия из Алтайских яшм и порфиров к Высочайшему двору” (54, с. 29).

В 1739 г. на Алтае был заложен Барнаульский завод, а третий, Шульбинский, завод построен в 1744 г. близ прежних старинных месторождений, открытых в верховье Иртыша (54, с. 29). В 30-40-е годы Акинфием были устроены, кроме того, в разных местах Урала, Алтая и Сибири и другие железоделательные, медные и серебряные заводы: Ревдинский (1734), Бымовский (1736), Шакоинский и Висимо-Шайтанский (1740), Верхне-Лайский (1741), Ашабский (1745), Висимо-Уткинский и Рождественский. Последние два начали работать уже после его смерти. Он построил завод и на Волге, в селе Фокино (21, с. 15; 30, с. 177). По мнению историка Б.Б.Кафенгауза, Акинфием Демидовым была достигнута исключительная для мануфактурного периода концентрация производства. У него было 22 завода железных и медных, сверх того три медных завода на Алтае, взятые затем в казну. В его вотчинах, расположенных в 10 уездах, и на заводах насчитывалось 32,6 тыс. крепостных и приписных людей мужского пола и сверх того 5,6 тыс. душ на Алтайских заводах (30, с. 489). Устройство заводов требовало громадных усилий по освоению бескрайних, нетронутых человеком пространств, и Акинфий Никитич основывает поселения по глухим местам вплоть до Колывани, проводит дороги между заводами. По свидетельству современников, посещавших Демидовские заводы, “нигде в России не было лучше тамошних дорог, невзирая на то, что они большей частью были проложены по мокрым лесистым местам”. Дороги эти были обсажены деревьями и по обеим сторонам обведены истоками; низкие места повсюду были засыпаны, болота вымощены; через ручьи и овраги сделаны прочные мосты. Все это они относили к заслуге Акинфия Никитича и “к попечению его о доставлении удобных сухопутных сообщений” между заводами подвластным ему людям при переездах их и перевозках тяжестей (54, с. 18). Но уже в 70-х годах XVIII в., после смерти Акинфия, другой путешественник только при Нижне-Тагильском заводе нашел еще “таковые учреждения в прежнем виде”. Современники именно Акинфию отдавали полную справедливость “за порядок и попечение об устройстве и улучшении заводов”, но усматривали в этом качество, идущее от отца, так как “еще за 25 лет перед тем родитель его поставлялся (Петром I. - М.Г.) уже в образец

всем частным заводчикам” (54, с. 19). При устройстве горных заводов Демидовы не забывали и о принятой на себя обязанности о доставке водою “чугунных и железных припасов” куда указано будет. Акинфию принадлежит заслуга восстановления старинного судоходного пути по р. Чусовой, открытого почти за 120 лет до того Ермаком и потом забытого (54. с. 17; 1, с. 364). Однако устройство водного пути, очень длительного и опасного, складывалось трудно и вначале терпело неудачи. В 1703 г. демидовские пушки и ядра не дошли по назначению, хотя воинских припасов приготовили на Невьянском заводе гораздо больше, чем на казенном Каменском. Сплавить удалось лишь малую часть продукции, приготовленной к навигации. Видимо, и два последующих года оказались для Демидовых не слишком удачными, так как немало груза осталось на речном дне. Но уже с каравана 1706 г. “только на Пушечном дворе в Москве приняли от демидовских работников 19 пушек и 21 817 пудов железа” (59. с. 40). За четверть века было создано, по выражению историка Б.Б.Кафенгауза, “грандиозное дело”. Караваны судов с железом отправлялись с пристаней на р. Чусовой, спускались по Каме, далее шли Волгой до Твери, где зимовали, чтобы весной вновь двинуться по рекам и каналам до Петербурга. Весь путь занимал полтора года. Использовались целые флотилии стругов, коломенок, дощаников и иных судов, сотни пристаней, складов, сложная система шлюзов, каналов, водохранилищ и других гидротехнических сооружений, тысячи лоцманов, сплавщиков, бурлаков и иной obsługi этого “грандиозного дела”. Транспортные расходы, по подсчетам Кафенгауза, составляли около 15-20% стоимости железа (30, с. 491-492).

Расширяя свои горнозаводские владения и все более чувствуя себя хозяином положения в этих отдаленных краях, Акинфий Демидов не стеснялся в выборе средств, о чем свидетельствует эпизод с открытием железной руды на горе Благодать, на Урале. Открывший ее в 1735 г. вогул Чумпин еле успел сообщить горному офицеру Ярцеву об открытии, так как его брат эту же руду пошел объявлять к Акинфию. Офицер, осмотрев гору и убедившись в чрезвычайной ценности месторождения и “из особого к государевой казне усердия” сам со взятою рудую поскакал для объявления ее в главную канцелярию, в Екатеринбург. Во время его проезда через “дачи” и леса территорий Невьянского завода за ним для перехвата была выслана погоня, от которой он еле сумел скрыться. Через два часа

после того, как напуганный и измученный тяжелой дорогой Ярцев объявил о руде, которую и записали “на государя”, прискакал и доверенный Акинфия с просьбой записать гору на имя его господина, но ему было отказано (40, с. 58-59). На этот раз гора Благодать - этот лакомый кусок - ускользнула из его рук и была оставлена за казною. Но и тогда Акинфий не успокоился. Вначале руда из этой горы была предоставлена всем промышленникам, и Демидов, как ловкий и предприимчивый делец, сумел отеснить опасного конкурента - заводчика Осокина. Сыном Акинфия - Никитой очень скоро были построены рядом с горой два завода: Верхне-и Нижне-Салдинские (40, с. 59). Впоследствии по проискам временщика Бирона и не без помощи Акинфия гора Благодать была отдана за бесценно ставленнику всесильного фаворита, саксонскому авантюристу Шембергу, “выписанному для управления всей горной частью России”. Один из исследователей даже называет участие Акинфия в этой сделке “предательской выдачей... на разграбление железной горы Благодать” и “торговлей интересами России для личной выгоды” (59, с. 292).

Как отмечают многие авторы, в своей борьбе с конкурентами Акинфий не придерживался каких-либо этических правил, используя зачастую просто недозволенные методы. Он вел “самую настоящую разбойничью борьбу с конкурентами, например, с братьями Осокиными. Он по-бандитски захватывал земли рядом с их заводами, оставляя без руд, осокинскими же людьми сысканных” (59, с. 292). Не церемонился Акинфий Демидов и со своими братьями и их детьми. Без всякой жалости и милосердия он всю жизнь пытался завладеть их заводами и домами. Попытался он лишить имущества и детей погибшего брата. Григорий Никитич, женатый два раза, имел от первого брака дочь Акулину, а от второго - сына Ивана и дочь Анну. В ночь на 14 мая 1728 г. Г.Н.Демидов по дороге с Верхо-Тулецкого завода был убит выстрелом в затылок в Гончарной слободе Тулы. Следствие установило, что убийцей был его собственный сын Иван, совершивший преступление, как доносила Акулина, “с умыслу за то, что отец наш, как был жив, за непотребства и противности хотел ево, брата моего, лишить наследства, а учинить наследницею меня”. Акинфий решил воспользоваться обстоятельствами семейной драмы и присоединить завод брата (Верхо-Тулецкий) к своему и без того уже обширному хозяйству, несмотря на то, что наследниками оставались вдова убитого и ее дочь Анна. (Старшая дочь, Акулина, была давно

замужем и не могла претендовать на наследство, а Иван, как отцеубийца, по положению 1649 г. подлежал смертной казни и был казнен при Бироне.) Не дожидаясь решения спорного дела, Акинфий явочным порядком захватил завод. И лишь вмешательство другого брата, Никиты, который, видя вдову и племянницу “безгласных и осиротевших, беззаступных”, решил заступиться за них, привело к компромиссному решению. Была достигнута в конце концов “полюбовная” договоренность: вдова и ее дочь отказывались от наследства в обмен на компенсацию в 5 тыс. руб. (41, с. 98). Другой родственник, племянник Василий Никитич Демидов, также слал жалобы на Акинфия, в которых горячо доказывал, что тот неправильно распространяет свои владения в Сибири, стараясь “забрать как можно больше даже и не им принадлежащее” (21, с. 67). Оборотистый Акинфий использовал любую возможность для расширения своих земель. Он как никто другой умел, зачастую почти за бесценок, приобретать земли и разные угодья на Урале, впоследствии стоившие миллионы. Он, например, купил у башкир Енисейской волости за 120 руб. Камбарскую лесную дачу площадью до 40 тыс. десятин (40, с. 60). Его усиливавшиеся с годами алчность, склонность отождествлять свои интересы с государственными, неразборчивость в средствах достижения своих целей привели его к крупнейшей афере, связанной с разработкой потайных серебряных приисков и стоившей жизни не одному десятку демидовских крепостных и работных людей. С этой тягостной страницей истории династии Демидовых связано немало мрачных легенд и загадок.

Фантастические “золотые звери” из древних захоронений, - находки, открытые “бугровщиками” (искателями древних сокровищ в могильниках - насыпных холмах. - М.Г.), - вывели Демидовых на Алтайские месторождения серебряных и золотых руд. Именно Никита и Акинфий первыми в России стали разрабатывать древние рудники, в которых когда-то добывали золото и серебро для фантастических зверей. Но делали они это тайно (59, с. 191). Крупные залежи серебряной руды были найдены на Алтае в 1736 г. на речке Карбалихе. По точным официальным сведениям при плавке руды на р. Карбалихе служащие Демидова получили серебро, но сочли это хитростью пробирщика, подмешавшего якобы в плавку ради получения награды этот металл из “чудских” могил, и не обратили особого внимания на это случай. Рудник был заброшен (54, с. 31; 40, с. 62). И лишь позднее, в 1742 г., живущими при р. Карбалихе промышленниками был открыт

богатейший Змеиногорский рудник. Его руды при самом начале разработок представляли драгоценные металлы в самородном виде. Все это побудило Акинфия позаботиться о переходе к промышленной технологии выплавки металла из руды. Он прислал по контракту на Колыванский завод двух иностранцев: Иоганна Христиани и Юнг-Ганса, которые в 1743 и 1744 г. построили несколько плавильных печей и разделительных горнов. Юнг-Ганс получил даже слиток золотистого серебра весом более 2,5 пудов (54, с. 32). Многие предания указывают, что Акинфий перерабатывал у себя, главным образом на Невьянском заводе, серебро и чеканил в подземельях Невьянской башни собственную монету. Как замечает по этому поводу биограф Демидова, “если в позднейшее время один из Баташевых был пайщиком разбойников и убийц, “работавших” на славу в его владениях, то отчего же и Акинфий не мог быть “фальшивомонетчиком” (40, с. 62). На этой отдаленной окраине империи при взяточничестве чиновников, при праве сильного власть хозяина, особенно такого жестокого, как Акинфий, была почти абсолютной, и болтуны навеки умолкали, а преступления против закона всемогущему заводчику сходили безнаказанно. Тот же биограф рассказывает один любопытный эпизод из жизни Акинфия: однажды во дворце Акинфий, допущенный туда благодаря своим связям, играл за одним столом с императрицей Анной Иоанновной в карты. Заводчик был неуклюж, не обладал лоском придворного, и ему жал плечи французский кафтан, но он был страшно богат, а за это многое прощается. Акинфий рассчитывался по проигрышу новенькими монетами. “Моей или твоей работы, Никитич? - спросила партнера с намеком императрица. “Мы все твои, матушка-государыня, - уклончиво, но ловко ответил Демидов, - и я твой, и все мое - твое!” Государыня и придворные рассмеялись (40, с. 63).

Но в начале 1745 г. один из участников подпольных испытательных работ, иностранец Филипп Трегер, служивший у Акинфия штейгером, внезапно сбежал и, опасаясь доноса о сокрытии найденных в Колыванских рудниках золота и серебра, Демидов поспешил сам сообщить императрице Елизавете Петровне об открытых им рудных богатствах, прося ее об освидетельствовании его приисков (54, с. 33-34; 40, с. 63). При этом было секретно доставлено в Петербург 27 фунтов серебра из Змеиногорского рудника (40, с. 62). Для освидетельствования были посланы бригадир Андрей Бер (Беер) и специалист поручик Улих. В декабре 1745 г. Бер возвратился в

Петербург с планами и описаниями Змеиногорского рудника и других заведений Демидова и привез с собой, представив в казну 44 пуда, 6 фунт., 21 золотн. серебра и в нем золота 12 фунт., 32 золотн., 33 доли (54, с. 33; 40, с. 62). Серебро по повелению императрицы было употреблено на сооружение раки для мощей св. Александра Невского в Большой соборной церкви Александро-Невской лавры (54, с. 33-34; 40, с. 62-63). В 1747 г., уже после смерти Акинфия, Колывано-Воскресенские заводы по выплавке серебра и меди, так же как Барнаульский и Шульбинский на Алтае, были взяты в казну и наследникам Акинфия уплачена за них крупная сумма по оценке (54, с. 34; 21, с. 62-63; 40, с. 63).

Значение этого последнего “дела” Акинфия Демидова несомненно велико. В начале царствования Екатерины II по ее поручению генерал Веймарн тщательно изучил состояние Колывано-Воскресенских рудников и заводов. Он восторженно сообщал императрице, что не только в Российской Империи, но и во всей Европе “в рассуждении изобилия и богатств оных руд” алтайские рудники “бессомненно из всех рудокопных мест богатейшими почтены быть”. Это были самые крупные в мире серебряные копи. Современники стали поговаривать, что для России наступил “серебряный век” (59, с. 180). В Екатерининские и позднейшие времена вместо первоначальных 200-300 пудов выплавка серебра достигла 1 тыс. и более пудов в год, а золото несколько десятков пудов. Караваны судов доставляли их с бывших демидовских Колыванских рудников в Москву и Петербург. До 1839 г. было выплавлено на Алтае более 70 тыс. пудов серебра, были открыты и многие новые места золотоносных россыпей и богатых серебром приисков (54, с. 34-35; 59, с. 180). Теперь, как отмечает один из исследователей, Екатерина-II могла быть очень щедрой к своим фаворитам. В бумагах кабинета ее императорского величества отложился высочайший рескрипт от 6 октября 1767 г. о выдаче Григорию Орлову “пожалованных ему на имянины из колыванского серебра или золота 100 тыс. рублей”. Колыванское серебро пошло и на знаменитый серебряный сервиз Орлова, состоящий из 3275 предметов (59, с. 181).

Нельзя не отдать должное размаху предпринимательской деятельности, масштабу замыслов Акинфия Демидова - этого подлинного титана горно-заводского дела в России послепетровской эпохи. Любопытную гипотезу выдвигает в своей книге о Демидовых

уральский историк и писатель Игорь Шакинко. По его мнению, Акинфий и после того, как вынужден был сообщить об открытии месторождений серебра и золота на Алтае, не отказался от планов разработки серебряных приисков. Еще в начале 1744 г., поняв, что сохранить в тайне добычу серебра и золота в столь обширных размерах ему не удастся, задумал “самую грандиозную за свою жизнь авантюру”, пытаясь создать “серебряную компанию” вместе с бар. Черкасовым (кабинет-секретарем императрицы) и самой императрицей Елизаветой Петровной. И лишь смерть заводчика “разрушила один из самых авантюрных заговоров XVIII в.” (59, с. 179, 278). В целом данная версия вызывает серьезные сомнения. Зачем, например, самодержавной императрице нужно было вступать в совместное предприятие с кем-либо из своих подданных, когда она и без того была полновластным распорядителем богатств всей страны. Однако и сама императрица, и ее приближенные действительно высоко ценили организаторский дар и знание дела, присущие уральскому заводчику, и, видимо, считали, не без основания, что только он может поставить такое важное государственное дело, как производство серебра и золота, и его доставку на должную высоту. Именно этим, по-видимому, а не планами создания некоей тайной “совместной компании” объясняется и несомненное покровительство Акинфию, оказываемое императрицей в последние годы его жизни. Этот факт, приводимый автором в качестве аргумента, действительно имел место. Акинфий находился под личной протекцией государыни. Рассказывая о многолетнем конфликте между Демидовыми и управляющим горными заводами знаменитым Татищевым, начавшимся еще при жизни отца Акинфия, в правление Петра I, один из биографов династии свидетельствует: “Перед смертью Акинфий взял окончательно верх над знаменитым историком и усмирителем башкирских восстаний: Елизавета изъяла его из ведения Татищева и приказала о заводчике доносить прямо себе, “ибо Демидов (говорилось в указе) в собственной нашей протекции и защищении содержаться имеет” (40. с. 65). Но и в дальнейшем, уже после смерти Акинфия, Елизавета проявляет особое внимание к Демидовым. Диктовалось это вполне определенными соображениями о чрезвычайной важности демидовских предприятий для государства, а значит и для нее лично, как самодержицы России. Так, в указе императрицы Елизаветы от 30 сентября 1745 г., последовавшем через два месяца после смерти Акинфия Никитича, прямо подчеркивалось,

что имения его “все суть государственная польза”, и для того, чтобы избежать ссор и тяжб между наследниками, императрица намеренна “о том их разделе собственно своею персоною все милостивейше рассмотреть” (30. с. 237).

Акинфий Демидов был, по-видимому, большим мастером по части проведения различных хитроумных деловых комбинаций. Существуют сведения о еще одном его хитром замысле. По свидетельству секретаря саксонского посольства в Петербурге Пецольта, уральский магнат сделал попытку пуститься в гигантское финансовое предприятие: он предложил уплачивать казне всю подушную подать в обмен на уступку ему всех солеварен и повышение продажных цен на соль. Предложение его, однако, было отвергнуто, несмотря на посредничество Бирона, делавшего у него громадные займы (29, с. 169; 1, с. 364). Вообще, разнообразие и масштаб предпринимательской деятельности Акинфия поражают воображение. Историки оценили Демидовские заводы, демидовскую технику и демидовский металл как лучшие в мире для своего времени. При умеренной цене железа, получаемое с заводов Демидова, отличалось лучшим качеством и лучшей обработкой. Иностранцы купцы Шафнер и Вульф доносили Коммерц-коллегии 16 марта 1733 г.. “что казенное железо делают на заводах не гладко, в иных местах горбовато... весьма неровно и не так мягко, как демидовское, которое делается гладко, подобно как бы писано было, и как в толстоте, так и в широте, весьма ровною препорциею и в доброте и отделке состоит лучше” (27, с. 18). Основным принципом Акинфия, его концепцией было “Дело превыше всего”; он стремился любой ценой и любыми средствами, даже ценой человеческих жизней, всегда и во всем быть первым. Он первый в промышленных масштабах начал в России плавить медь. И у Демидовых длительное время хранился медный стол, сделанный из первой добытой на Урале и в Сибири меди. У Акинфия отлили первые в Сибири колокола, появилась первая в России латунная фабрика, первые в России косы, лучшая в стране медная посуда, железные лаковые подносы не хуже китайских; установлен на Невьянской башне первый в мире громоотвод (40, с. 64; 59, с. 286). Его заводы были хорошей школой и, как отмечают исследователи, первые Демидовы “при всех своих грехах” в отличие от казенных заводов собрали или выучили у себя лучших мастеров России. Их заводы считались образцовыми еще современниками, отвечая требованиям времени. На них производилась самая

разнообразная продукция: кроме отливки воинских снарядов, пушек, ружей очищалась медь, привозившаяся с колыванских заводов, делались листовое железо, жель, якоря, железная и медная посуда, отливались колокола. В рудниках добывались всевозможные руды и редкие минералы. Заводы дали толчок и широкому развитию кустарных промыслов, которые впоследствии “вобрали” в себя десятки тысяч людей. Демидовские мастерские положили начало многим кустарным работам по производству изделий из металла. Сундуки, окованные железом, лакированные, расписанные рисунками подносы, шкатулки и прочие изделия, произведенные кустарями, были известны всей России и сбывались крупными партиями на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. На уральских заводах сохранялся секрет приготовления особого лака, которым покрывались многие железные изделия; при этом получаются красивые узоры - как на замерзшем стекле. Окованные или покрытые этим “мороженным железом” изделия очень красивы, что способствует их продаже (40, с. 52-53; 59, с. 287). С этими старинными промыслами, часть которых, как отмечают исследователи, занесены на Урал беглыми раскольниками из коренной России, связаны и изделия работы “потаенных” невянских ювелиров, малахитовых дел мастеров, которые приобретал Эрмитаж, и знаменитые Невьянские иконы раскольничьих живописцев (40, с. 53).

Не оставлял без внимания Демидов и других отраслей производства. Он расширил начатые еще при отце добычу и обработку малахита и магнита. Ему принадлежал магнит весом 13 фунтов, который держал прицепленную к нему пушку весом в пуд. В одной из церквей Нижне-Тагильского завода, отличающейся богатым куполом и колокольной с курантами, престолы в двух алтарях сделаны из огромных кубических магнитов, которым не было равных в мире (54, с. 37-38; 21, с. 85). Акинфий не удовлетворялся только промышленной деятельностью и положил начало разведению крупной так называемой “тагильской” породы рогатого скота, разведенной от нескольких экземпляров холмогорских быков, присланных его отцу Петром Великим (21, с. 85; 40, с. 54).

Все эти хозяйственные достижения уральского заводчика достигались ценою огромных жертв и лишений зависимого от него “рабочего” люда. Акинфий в неумном стремлении первенствовать во всем, создать свою горнозаводскую империю не щадил ни себя

самого, ни своих приказчиков. В сохранившихся письмах к ним он выступает “жестоким и энергичным дельцом, державшим в своих руках” руководство огромным предприятием и “входившим во все подробности каждого дела”. Он не доверял своим крепостным приказчикам, ругал их за “обманство” и “озорничество” (30, с. 179). Беспощадным было его отношение к “работным” людям и “приписным” крестьянам, сделавшее впоследствии имя Демидовых символом особой жестокости в обращении с заводскими рабочими, а их предприятия - олицетворением жестокой заводской каторги. Как отмечает современный историк, “документы, исходившие непосредственно от Акинфия Демидова, т.е. инструкции заводским приказчикам, деловые письма и распоряжения, характеризуют жестокость этого человека. подчиненную стяжательству. Он требовал, чтобы провинившиеся мастеровые были наказаны “без всякого к ним послабления” и “без упущения, цепью и кучною ломкою”. Впрочем, нередко и спины приказчиков, надсмотрщиков, расходчиков и прочих управителей тоже не были освобождены от наказания плетью (41, с. 75).

Эта тяжелая доля демидовских рабочих нашла свое отражение и в народных песнях, в уральском фольклоре. Образцы его дошли до нашего времени: “/У Демидова в заводе/ Работушка тяжела, /Ах, работушка тяжела/. Ах, спинушки болят/. В рудник-каторгу сажают, /Ах, да не выпускают. /Там нас голодом морят, /Ах, студенцою поят./” (7, с. 273). Очень тяжелым было положение приписных крестьян. Оно было тем более несправедливо, что они были не крепостными, а государственными крестьянами, обрабатывавшими на заводах подати, которые и вносились за них заводчиком в казну. По горькому, но справедливому замечанию одного из историков, этих несчастных людей заставляли работать за ничтожное вознаграждение и сверх отработанных податей; их вопреки закону отдавали в солдаты и переселяли на заводы; подвергали свирепым наказаниям (40, с. 38).

Акинфий широко открывал двери своих уральских и сибирских заводов для “беглых” крестьян, ссыльных и каторжников, становясь буквально полным распорядителем жизни и смерти этих отринутых крепостническим государством людей. Страшные рассказы о подземельях Невьянской башни связаны главным образом с судьбой этих несчастных отверженных. Это была наиболее дешевая и безгласная часть заводских рабочих, приносившая горному властелину огромные прибыли. Участь этих “беглых” и “пришлых”

отверженных людей также отражена в народном фольклоре: “/Уж Вы, горы, да горы высокие, /Уж леса на горах да дремучие! /Добрых молодцев, людей беглых, / Вы укройте разбойников бедных, /Ах, людей да Демидовых./” (7, с. 273). Вопрос о “беглых людях”, составлявших одно из уязвимых мест Акинфия, тянулся, как отмечают историки, около 18-20 лет, и за все это время владелец не платил за большую их часть податей. Он был решен в пользу заводчика указом императрицы Анны Иоанновны в 1738 г., и тогда все “пришлые” были записаны за Демидовым навечно с освобождением от рекрутчины (40, с. 36). На заводах первых Демидовых, кроме беглых и бродяг, работало и немало раскольников. Демидовские заводы в те времена были одним из центров старообрядчества. И впоследствии во всех бывших демидовских заводских поселениях и слободах на Урале и в Сибири большую часть населения составят старообрядцы, что найдет отражение в различных названиях и прозвищах: “старозаводские раскольники” из Невьянского завода; “висимцы-кокурочки” (прозвище раскольников Висимо-Шайтанского завода) и т.п. (37, с. 73-74). Вообще отношения Акинфия с раскольничьим миром занимают особое место в его судьбе, и здесь еще много невыясненных обстоятельств и нераскрытых тайн. Укрывательство беглых старообрядцев было во многих отношениях выгодно заводчику из чисто практических соображений. Но, по-видимому, и многие стороны вероучения и уклада жизни старообрядцев были по душе этому суровому заводчику. Во всяком случае, его отношение к делу как суровому труду и подвижничеству было во многом сродни строгим правилам и нормам жизнедеятельности старообрядческих общин. Исследователи приводят свидетельства о связях Акинфия со старообрядческими общинами и укрывательстве раскольничьих вожаков. Невьянский завод, отмечает И.Шакинко, еще при первых Демидовых стал “раскольничьим гнездом”. А в 1735 г. Акинфий пошел на клятвопреступление, присягнув на Библии в Синоде, и опроверг подозрение, что скрывает в Невьянке раскольничьих вожаков. И только после смерти его Синод выяснил, что заводчик дал ложную клятву (59, с. 221-222). Исследователь приходит к выводу, что версия о принадлежности Акинфия к расколу не лишена оснований (59, с. 232).

К концу своей жизни Акинфий Демидов вошел в силу. Он был обладателем всевозможных богатств: десятки железных, медных и

других заводов, миллионы десятин лесов и земель, бесчисленные угодья и десятки тысяч душ крестьян. Насколько велики были его богатства, видно из того, что одних пошлин в казну он ежегодно уплачивал около 20 тыс. руб. (3, с. 210). В 1738 г. ему дали право из-за опасности набегов башкир построить на заводах крепости с бастионами и вооружить их пушками. На каждую крепость для охраны давалось 60 солдат, содержащихся на его счет (40, с. 57). Невьянский завод - главная резиденция Акинфия, - на котором еще при жизни его отца было 3 тыс. рабочих, теперь стал одним из многоягоднейших поселений на Урале - 15 тыс. жителей. Во времена Акинфия посреди Невьянска стояла четырехугольная крепость. Внутри двора, образуемого стенами крепости, находился большой каменный дом с высокой (28 сажен) Невьянской башней, на которой имелись часы с музыкой. Под башней, пользовавшейся дурной славой в народе, находились кладовые и подземелья со многими ходами. Около селения леса были на несколько верст кругом расчищены и образовавшиеся пустоши окружены изгородью для выпаса скота (40, с. 52, 54). Прежний тульский кузнец стал походить на какого-то феодального сеньора или владетельного князя: у него были подданные, войско и флот. К этому он самовольно и тайно присоединил и право чеканить монету в своих невянских подземельях (40, с. 57).

Однако такое прочное положение было у уральского горного властелина не всегда. В 1733 г. из-за доносов, обвинявших Акинфия в изготовлении оружия для башкир, укрывательстве беглых людей и утаивании металлов от платежа пошлин, положение его ухудшилось. Оно усугублялось тем обстоятельством, что с 1731 г. Берг-коллегия, где сидели приятели Демидова, была упразднена и горные дела были подведомственны Коммерц и Камер-коллегиям. Прежние доброжелатели или умерли, или попали в опалу, или отсутствовали, а новыми покровителями Акинфий еще не успел обзавестись. Самого его задержали в Москве без права выезда ввиду возведенных на него тяжких обвинений. Это был момент, замечает его биограф, "когда могли сразу рухнуть вся его сила, богатство и значение, добытые ценою редкой энергии и, может быть, тяжелых преступлений, а также и долгими годами заводской каторги его крепостных" (40, с. 55). В это же время, в 1734 г., был вновь назначен на смену петровскому деятелю Геннину в качестве главного начальника заводов в Сибири и Перми давний противник Демидовых Василий Иванович Татищев. Он

получил большие полномочия, дававшие право налагать “стеснительные” для Демидовых и других заводчиков меры в отношении уплаты в казну налогов от прибыли и в их отношении со своими рабочими (21, с. 73). Используя свои полномочия, Татищев во время отсутствия Акинфия распорядился взять у него лучшие медные заводы в казну, перевел многих его искусных мастеров на казенные заводы, стал платить за медь дешевле ее себестоимости и провел ряд других мер, вызвавших жалобы на Татищева со стороны главных заводчиков: не только Демидовых, но и Строгановых и др. Все это в короткое время привело в расстройство некоторые из заводов Акинфия Демидова (21, с. 75; 40, с. 55). Но опытный и ловкий борец Акинфий не сдался. Он сумел вскоре завоевать расположение всемогущего временщика Бирона, угодив герцогу тем, что ссужал его деньгами (известно, что Бирон брал займы у Акинфия 50 тыс. руб.), построил его ставленнику, барону Шембергу, нажившемуся на горных богатствах России, великолепные палаты на Васильевском острове. Вероятно, во многом благодаря всемогуществу Бирона, все доносы на Акинфия потерпели неудачу. По поручению императрицы Анны Иоанновны барон Шафилов, давний знакомец Демидовых, расследовал все дела и нашел Акинфия невиновным (видимо, опять-таки небезвозмездно). Высочайшим указом в 1735 г. задержанный заводчик был отпущен в свои владения, а доносчики понесли жестокие наказания. Более того, Акинфий сумел выиграть в спорах с Татищевым и о беглых людях, и о пошлинах с металлов (40, с. 55-56).

Как видим, несмотря на энергичные усилия даже лучших государственных чиновников поставить под контроль предпринимательскую деятельность своенравного заводчика, попытки ограничить, обуздать, подчинить его потерпели неудачу. По одному справедливому наблюдению, “он сумел так поставить себя, занять такое особое место в самодержавном государстве, подобного которому больше никто в России не занимал. Всю свою жизнь он стремился к свободе предпринимательства и старался отринуть любой контроль и вмешательство любых властей в его внутризаводские дела” (59, с. 285). Но достигалась эта видимая свобода, свобода произвола, с помощью привычных ему методов далеко не нравственного порядка. Один из самых глубоких исследователей хозяйственной деятельности Демидовых Б.Б.Кафенгауз отмечал: “Акинфий отлично умел при помощи подкупов ладить с властями, и широкое строительство новых

заводов сопровождалось новыми пожалованиями и привилегиями. События эпохи дворцовых переворотов с их быстрой сменой правительств не помешали дальнейшему обогащению Демидова. Он сумел приблизиться к всемогущим временщикам и использовать к своей выгоде возвышение Миниха, Бирона и его креатуры саксонца барона Шембергга. Они помогали ему замести следы в хищениях, нарушениях указов и в неуплате податей. Императрица Екатерина I, Анна и Елизавета подписывали милостивые указы или ставили на его прошениях многозначительное “быть по сему” (30, с. 167-168).

Умение уральского заводчика быть в дружбе с сильными мира сего не осталось без внимания. В 1726 г. Екатериной I ему и его братьям с нисходящим потомством была подтверждена грамота о возведении в дворянское достоинство по Нижнему Новгороду. В конце жизни, в 1740 г., Акинфию был пожалован чин статского советника “за размножение рудокопных заводов”, а в 1742 г. - чин действительного статского советника с рангом генерал-майора (30, с. 177). Если Никита Демидов, отмечает исследователь, - мог лично писать Петру I, то сын его в конце концов получил “исключительную привилегию находиться под “протекцией” императрицы” (30, с. 180). Он был в “великом фаворе” у императрицы Елизаветы Петровны, “вписавшись в ближайшее окружение” дочери Петра. Его портрет был написан в 1743 г. самым модным портретистом российского двора Г.Х.Гроотом, который пишет портреты императорской семьи и кисти которого добиваются самые знатные вельможи. Акинфий - единственный из гроотовской галереи, кто не имел ни княжеского, ни графского титула. И само появление портрета, по мнению одного из исследователей тайн Невьянского владыки, своего рода символ его высокого престижа, знак высочайшей милости (59, с. 280). На портрете Акинфий изображен в богатом бархатном камзоле с тончайшими кружевами, в парике. Все свидетельствует о том, что по своим привычкам Акинфий представлял уже переход от строгой простоты отца к роскоши и барству елизаветинских и екатерининских вельмож. Отец жил в избе, с кузницей во дворе, сын - в больших каменных палатах. Прародитель рода не брал в рот хмельного, сын задавал “лукулловы пиры”, носил камзол и парик, отлил во славу себе знаменитый чугунный бронзированный барельеф своей персоны (“рудную пирамиду”) работы заводских мастеров (40, с. 65; 36, с. 12). В доме Акинфия Демидова обстановка отличалась богатством и вместе с тем свидетельствовала об известной культуре ее

владельца. Так, наряду с иконами были книги, немало картин, стенные часы, зеркала, даже орган, упоминавшаяся уже коллекция минералов, которую его наследники передали затем Московскому университету. В его имениях и при домах имелось большое количество разнообразных дорожных средств как для торжественных выездов, так и для дальних и близких деловых поездок, путешествий: четыре кареты “под золотом”, четыре “берлина” и “полуберлина”, 52 коляски градские и дорожные, и также одноколки, сани и т.п. Документы описей о наследстве Акинфия обнаруживают большое количество принадлежавшего ему имущества: меха (48 соболей и лисиц, а также шкуры вольчи, белчи шкурки), драгоценности (алмазные вещи, кресты бриллиантовые, алмазные и прочих камней - семь; портрет золотой с розами - 1, складень бриллиантовый - 1). В донесении императрице Елизавете о наследстве заводчика, оставшемся после его смерти, указано 26 фунтов золотых вещей и 43 пуда, 20 фунтов серебра, а также алмазных вещей и жемчуга на 10 тыс. руб. (30, с. 231-232). Как видим, образ жизни Акинфия Демидова уже сильно отличался от привычек и уклада его отца, хотя многое и сохранил от этого уклада (известно, например, что сын почитал отца и боялся его, превыше всего ставил дело и т.д.). Можно согласиться в известной степени с мнением историка, что “роскошь Акинфия была лишь крохами от его громадного богатства и в очень большой степени обуславливалась деловыми соображениями”. Он, как и его отец, был приобретателем, “расточители” и “прожигатели” явились позднее - уже в их потомстве (40, с. 66).

Вместе с тем именно интересы дела, которому он служил всю свою жизнь, те самые “деловые соображения”, которым он все чаще подчинял самую свою душу, обусловили и внутреннюю противоречивость, и трагизм его личности. Нельзя не согласиться во многом со следующей оценкой личности и деятельности этого выдающегося промышленного деятеля России своего времени: “До конца жизни Акинфий Демидов оставался победителем. И эти победы развратили его, разрушили его человеческую сущность, растлили его душу... В последние годы он проявлял особую жестокость к мастеровым и работным людям. Что-то безобразное произошло с Акинфием Демидовым к концу жизни. Этот талантливый человек, гений своего горного дела, творец, создатель явно душевно деградировал” (59, с. 291-292). Обращаясь к причинам, определившим такую метаморфозу духовного облика уральского

заводчика, исследователь выделяет одну из них, но, возможно, самую главную: “Из всех “птенцов гнезда Петрова” Акинфий внешне самый удачливый. Он уцелел во всех передрягах, которые сотрясал Россию первой половины XVIII в... Сумел не только выжить, но и преуспеть. Помогали ему в этом “высокие персоны”, которые постоянно менялись, но по сути своей были похожи друг на друга: Меншиков, Девмер, Шафиров, Бирон, Шемберг, Черкасов. Чтобы осуществлять через них свои замыслы, Акинфию Никитичу приходилось участвовать в самых разных темных аферах этих высоких персон. Он участвовал, или способствовал самым грязным их деяниям. Разлагалась верхушка российской власти и разлагала всех, кто с нею соприкасался” (59, с. 294-295).

Всю свою жизнь этот деятельный, энергичный человек, подвижник своего горно-заводского дела провел в дороге, занимаясь устройством новых заводов, зорко следя за своим обширным хозяйством, собственноручно решая на местах многочисленные вопросы управления. Он и скончался в дороге, возвращаясь из Петербурга в Сибирь. По пути он заехал в Тулу, чувствуя уже себя на старости лет “усталым от жизненной битвы” и желая посмотреть места детства и юности. Затем он повелел, несмотря на недомогание, продолжить путь водой. Он достиг уже Камы, но чувствуя себя нездоровым, пристал к берегу близ села Ицкое устье Мензелинского уезда. Здесь 5 августа 1745 г. он скончался в возрасте 67 лет. Похоронили его с почестями на родине, в Туле (54, с. 43-44; 21, с. 86; 40, с. 67).

ПРИБРЕТАТЕЛИ И РАСТОЧИТЕЛИ, ЧУДАКИ И САМОДУРЫ

От Акинфия Никитича происходит та династическая ветвь, с которой главным образом и связано основное богатство рода Демидовых. Два других его брата - Григорий и Никита - не дали начало крупным династиям Демидовых - заводчиков и промышленников. Об их жизни известно немного. Григорий Никитич, кроме заводов, находившихся в общем пользовании братьев, имел Верхо-Тулецкий завод, Алексинский железный завод в Тульской губернии, а также солеварни на Каме в Пермской губернии. дававшие 264 тыс. пудов соли. После его гибели и смерти его единственного сына, Ивана, казненного за убийство, род его по мужской линии пресекается (21, с. 92). Никита Никитич, как и

Акинфий, был пожалован в 1742 г. за активное устройство заводов чином статского советника. Им основаны заводы: Нижне-Шайтанский (1733), Буйский (на р. Буге, в 50 верстах от Невьянского завода), Давыдовский медный завод (при впадении р. Давыдовки в Каму, в Пермской губернии), Кыштымский (1757) в Оренбургской губернии и Лайский (в Екатеринбургском уезде) железные заводы (21, с. 94). У него было пять сыновей: Василий, Евдоким, Иван, Никита и Алексей. Двое последних умерли, не оставив потомства (21, с. 143). Никита Никитич обладал не менее крутым характером, чем Акинфий, и нередко вступал в острый конфликт с братом. Он получил особую известность жестоким обращением со своими крепостными, приписными и заводскими (посессионными) крестьянами. Не меньшей жестокостью отличались и его сыновья Евдоким и Никита. Так, в 1759 г. на Дугненском заводе Евдокима Демидова по приказу его приказчика высекли кнутом крестьянина Филиппова на горячей чугунной доске, лежащей близ самого устья доменной печи, причем пережгли ему руку. Вследствие такой жестокости на заводах Евдокима - Авзяно-Петровском, Выровском, Людиновском и др. - было множество возмущений рабочих и приписных крестьян, принимавших иногда характер вооруженных восстаний (21, с. 150; 3, с. 215). Слава этих Демидовых была так страшна, что крестьяне покупаемых ими вотчин ни за что не хотели быть их крепостными. В 1752 г. в вотчине Евдокима, селе Ромодановском Калужской губернии, "вспыхнуло упорное и длительное восстание. Крестьяне обвиняли Демидова в том, что он мучил "без упокою" взрослых и детей, заставляя их работать скованными в кандалах, запытал 20 человек и даже повесил двух крестьян" (30, с. 267). Из других сыновей Никиты Никитича известен более других Василий, служивший при дворе Елизаветы в качестве кабинет-секретаря. Сохранилась переписка его с императрицей, свидетельствующая о "близких ее отношениях к Демидову". Умер он в чине действительного статского советника (21, с. 143). Брат его, Иван Никитич, надворный советник, продолжил традицию Демидовых - строителей заводов. Он построил два завода: Нижне-Сергинский и Верхне-Сергинский в 1742-43 гг. Его сын Иван, бригадир, кроме принадлежавших ему заводов: Узянского (1777), Каганского (1769), Сенетско-Ивановского (1791), шелковой фабрики, известен также как владелец знаменитого дома в Москве, построенного архитектором М.Ф.Казаковым в 1780 г., ставшего образцом богатой городской усадьбы Екатерининской

эпохи. Владение в то время находилось на окраине Москвы, в Басманной части. Ныне в нем находится Институт геодезии и картографии (Гороховский пер. 4). Особенную известность получили так называемые “золотые комнаты” дворца, в архитектурном убранстве которых большое место занимали лепной орнамент, деревянная резьба, живопись. Монументальная живопись имела на плафоне. Стены гостиных и спальни были обтянуты штофом в резных золоченых багетах. Все простенки между окнами были заполнены зеркалами в богатых резных рамках, помещавшихся на подзеркальниках с мраморными досками. Для убранства комнат и паркетов применялись ценные породы деревьев. В целом дом свидетельствовал о богатстве и вкусе его владельца (57, с. 8-9). Архитектурный ансамбль дома включал главное трехэтажное здание с шестиколонным коринфским портиком в центре фасада, завершавшимся богатым фронтоном со скульптурным гербом, и два двухэтажных флигеля. Кроме того, на территории усадьбы располагались различные хозяйственные и служебные постройки, конюшни, кладовые, погреба, жилые помещения для многочисленных слуг. Огромная площадь была занята садом и регулярным парком с прудами, павильонами и цветниками. Рядом располагалась колокольня церкви Никиты мученика. К заводскому делу этот потомок Демидовых имел уже мало интереса, о чем свидетельствует и тот факт, что им были проданы основанные его отцом два Сергинских завода именитому гражданину Михаилу Губину (21, с. 144).

В отличие от первых Демидовых - созидателей и приобретателей, - шедших непроторенными путями, их потомкам богатство досталось уже без того упорного труда и подвижничества, которые были присущи основателям рода. История последующих поколений Демидовых - это уже не только история накопления богатства, но и его расточительства и дробления, приведшего к оскудению и угасанию целых ветвей этой выдающейся династии. Однако наряду с примерами расточительства дикого, безрассудного, бессмысленного, она дает яркие примеры “расточительства” совсем иного рода, обращенного к общественному благу, к милосердию, к покровительству наукам, просвещению и искусствам, что выразилось в беспрецедентной по масштабам благотворительной и меценатской деятельности. Из среды Демидовых - благотворителей и меценатов, вышли впоследствии многие общественно значимые деятели России.

Нагляднее всего выразился этот путь эволюции демидовской династии в линии потомков Акинфия Демидова, давшей и более всего ярких имен.

Акинфий Никитич был женат дважды. Первый раз - на дочери купца Коробкова, Евдокии Тарасовне, с которой вступил в брак, видимо, еще до отъезда из Тулы на Урал в 1702 г. От нее он имел двух сыновей - Прокофия (Прокопия) и Григория. Во второй раз он вступил в брак в 1723 г. с купеческой дочерью Евфимией Ивановной Пальцовой (или Малых). От этого брака родились сын Никита и дочь Евфимия, бывшая впоследствии замужем за сыном известного строителя Вышневолоцких шлюзов - Иваном Михайловичем Сердюковым. Шлюзы эти входили в систему водного транспортного пути, по которому в столицу шли и грузы с демидовских заводов (54, с. 38; 21, с. 86). Акинфий оставил после себя громадное - вчетверо большее чем у отца - наследство. По оценке Б.Б.Кафенгауза, оно исчислялось общей суммой в 2,8 млн. руб. (или около 25 млн. руб. в ценах конца XIX в.). В расчет суммы входили: заводы - 2 млн. руб.; вотчины - 400 тыс. руб.; запасы металла - 195 тыс. руб., хлеба - 35 тыс. руб.; денежная наличность и долги - 115 тыс. руб.; драгоценности - 52 тыс. руб. (30, с. 233). В собственности Акинфия Никитича кроме заводов числилось после его смерти 12 750 человек крепостных в купленных им вотчинах - Нижегородской, Тверской, Ярославской, Тульской и Казанской губерниях (22, с. 19). За все это колоссальное наследство развернулась напряженная борьба. Завещание составлялось Акинфием в 1743 г., но впоследствии было им изменено под влиянием второй супруги его, Евфимии Ивановны, в пользу младшего сына, Никиты, находившегося постоянно при отце. По первому варианту завещания, согласно Карновичу, отец оставлял старшему сыну, Прокофию, Невьянские заводы, Вынговский, Шуралинский, Верхне-Тагильский, Шайтанский с Сулемской пристанью и Кожевенный заводы (все с деревнями), а также три завода в Нижегородском уезде: Верхне-Чугусский, Нижне-Чугусский и Корельский, да в купленных вотчинах разных губерний и уездов 3845 душ и заводских крестьян 5730 душ. Кроме того, по дому в Москве, Казани, Чебоксарах, Кунгуре, Ярославле и Тюмени, а также "довольный капитал" на 50 тыс. руб. разных драгоценных вещей и три пуда серебряной посуды. Второму сыну - Григорию - Ревдинская часть (Ревдинский, Уточинский, Рождественский в Казанской губ., Суксунский, Ашанский, Шаквинский и кожевенный завод в

Кунгурском уезде), а также Усть-Соликамский запустелый соляной прииск с угодьями и всего душ 9806, в том числе приписных - 6128. Кроме того, по дому в Москве, Петербурге, Серпухове, Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани и Кунгуре. Третьему сыну - Никите, - Нижне-Тагильская часть (Нижне-Тагильский, Черноисточинский, Выйский, Висимо-Шайтанский, Лайский заводы, все с деревнями). К этому Сулемская пристань и село Покровское. Всего душ - 9832, в том числе заводских - 4391. Кроме того, по дому в Петербурге, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске, Таре и Екатеринбурге. Высокогорская (или Магнитная) гора была разделена на три части, так же как и "место добычи горного камня" при Точильной горе (30, с. 169-170). Последовавшее затем изменение завещания объяснялось, видимо, не только происками, вполне понятными, его второй жены Евфимии в пользу своего единственного сына, но и опасениями самого Акинфия насчет старших сыновей. По его словам, старший сын, Прокофий, и средний, Григорий, не имеют охоты к "размножению и содержанию заводов", несмотря на его увещания они "и поныне в правление оных заводов не вступают", зато третий сын, Никита, вместе с ним участвует в руководстве заводами (30, с. 235). Наибольшее недовольство отца вызывал Прокофий. Письмо Акинфия кабинет-секретарю бар. И.А.Черкасову, написанное за несколько месяцев до кончины, полно жалоб на действия Прокофия, на его непослушание и заканчивается просьбой принять к ослушнику меры принуждения. Особенно огорчил Прокофий отца тем, что не поехал на Урал "в той надежде, чтобы он до приезда моего правил заводскую экономию". Акинфий "слезно" просил барона Черкасова "оного моего сына и з женою ево выслать в сибирские мои заводы" (41, с. 87). Этими сомнениями, усугубленными настояниями жены, и объясняется тот факт, что, опасаясь за судьбу своего заводского дела, Акинфий все больше склонялся в конце жизни большую часть заводов завещать младшему сыну, Никите, изменив с этой целью содержание завещания. Старшие братья, однако, не захотели мириться с таким положением дела и уже через два месяца после смерти отца "возбудили процесс". 30 сентября 1745 г. последовал указ императрицы Елизаветы, в котором объявлялось ее намерение ввиду государственной значимости демидовских предприятий и для того, чтобы избежать ссор и тяжб между наследниками, "о том их разделе" рассмотреть дело "собственно своею персоною" (30, с. 237).

Однако даже и тогда “избежать ссор и тяжб” не удалось. В ход пошли жалобы, интриги. Любопытно своей непосредственной реакцией на “несправедливость” отцовскую письмо Прокофия графу М.И.Воронцову в 1748 г. по поводу наследства, в котором он жаловался: “Учинил мой родитель между братьями разделение, которого от света не слыхано и во всех государствах того не имеется и что натуре противно. А именно пожаловал мне только из движимого и недвижимого 5 тыс. рублей и более ничего, не только чем пожаловать, но и посуду всю обобрал и в одних рубахах спустил... Имею пропитание довольное, однако своего жаль” (29, с. 170). Кроме жалоб были пущены слухи о приверженности некоторых Демидовых к расколу. Предпринимались попытки вообще лишить младшего сына Никиту и его мать наследства. Они получили предупреждение, что будут лишены своей части имущества, если в будущем подтвердится их причастность к расколу (30, с. 237). В конечном счете по высочайшему повелению генерал-фельдмаршал Бутурлин произвел между братьями раздел. Имущество было поделено примерно поровну и раздел утвержден императрицей Елизаветой в 1748 г. Только вдове ее часть была выделена из деревень и дворов, без заводов и приписанных к ним деревень. На первое время были установлены общее управление заводами и общая контора. Но конфликты продолжались еще до 1762 г. (1, с. 364; 30, с. 237).

В новом поколении Демидовых ярко проявились два характерных для второй половины XVIII в. типа предпринимателей той колоритной эпохи. В течение почти всего XVIII столетия, отмечает историк Б.Б.Кафенгауз, среди заводчиков Демидовых остается знакомый нам тип предпринимателя-крепостника, “продолжающего строить заводы, покупать вотчины и угнетать крепостных”. Вместе с тем “отчетливо проявляются новые черты: заводчики входят в состав знати, и с процессом “одворянивания” появляются типичные для той эпохи расточители, тратившие огромные средства на празднества, дворцы, сады и великолепную обстановку” (30, с. 267). Традиции первых Демидовых - строителей заводов, энергичных предпринимателей и приобретателей, наиболее успешно развивал самый младший, но наиболее деятельный из братьев, Никита Акинфиевич - тот самый, кому отец хотел оставить свои заводы. Он родился в дороге 8 сентября 1724 г. на берегу р. Чусовой, на пути из Тулы в Сибирь. При жизни отца Никита безотлучно находился при нем и был его любимцем. Образование он

получил домашнее, но с детства отличался любовью к наукам и считался любителем и знатоком художественных предметов (54, с. 41; 40, с. 70). Вместе с тем это был, по выражению Б.Б.Кафенгауза, “заводчик-делец”. Он значительно расширил свое “дело”, хотя его доля наследства была, по некоторым оценкам, несколько меньше, чем у братьев. К доставшимся ему шести заводам он прибавил Нижне-Салдинский (1760), Висимо-Уткинский (1771) и Верхне-Салдинский (1778) заводы. Впоследствии выпуск чугуна и железа на его заводах превышал продукцию всех заводов его отца до раздела наследства (30, с. 268). Большую известность получила продукция Каслинского завода, а также Кыштымского завода в Оренбургской губернии. Никита Акинфиевич не выделялся какими-то особенностями из общего ряда предпринимателей - крепостников того времени, и эта “ординарность” делает его в своем роде типичным представителем эпохи. Никита Акинфиевич отличался крутым нравом, суровым обращением со своими крепостными. Он держал в страхе заводских и приписных крестьян. Историки приводят один из страшных рассказов о его жестокости, ходивших по уральским заводам. Когда Татищев донес в Петербург о том, что Демидов в нарушение закона принимал на заводы бродяг, как и его отец, то было начато следствие. Но когда ревизор (для которого, кстати, в Невьянске был построен наскоро отлично меблированный дом) прибыл на заводы, то все оказалось в порядке: на людей были крепостные акты и ревизские сказки, дезертиров не оказалось. Только некоторые из наиболее опасных и не открывшихся бродяг, запертые в подземелье, уже не вышли на свет Божий. Дом же, в котором жил ревизор-сенатор, не угодивший Никите при встрече с ним в Петербурге, тот приказал позднее сжечь (40, с. 71). Печальная слава жестокого владельца была так велика, что купленные Никитой в 1756 г. у жены князя П.И.Репнина крестьяне села Русанова Алексинского уезда Тульской губернии, узнав, кто будет их новый владелец, наотрез отказались переходить к нему, взбунтовались и, вооружившись, напали на присланный воинский отряд. При этом погибли более 60 человек (21, с. 137).

Историки отмечают появление к концу XVIII в. новых черт и методов в управлении Демидовыми своими заводами и вотчинами. Жизнь Демидовых к концу столетия “вошла в берега”. Не надо было “беспреданно колесить из Тулы или Москвы на Урал и обратно; не надо сидеть в заводском горном гнезде и самому рыскать по

уральским деревням, хватая непокорных крестьян, бить их нещадно и гнать на работы или понукать и бранить приказчиков и руководить каждым их шагом, как это делали первые владельцы”. Никита Акинфиевич, как и другие Демидовы его поколения, проявляли не меньшую суровость. Один из них, забыв свое происхождение из крестьянства, приказывал за леность, побеги, непорядки, порчу и растрату заводских принадлежностей “рассекать плетьюми в проводку” и грозился “искоренить род и не оставить праху канальского упрямого и нечестивого”. Но управлял Никита своими заводами “издалека, из Москвы, без тревог и шума”. Он уже не жил постоянно на своих уральских заводах, а тяготел к столицам (29, с. 166; 40, с. 70; 30, с. 273). Все это свидетельствовало об укреплении позиций Демидовых в качестве собственников своих заводов, своего имущества. Они уже меньше боялись, что заводы отберут в казну, если владельцы не справятся с поставками продукции на государственные нужды, как это было при Петре I и его преемниках. Содействовали укреплению чувства уверенности в себе и окончательное “одворянивание” Демидовых, вхождение их в привилегированные круги российской знати, неприкосновенность собственности которых была освящена традицией и неоднократно подтверждалась царскими указами. Подобные переходы из низших сословий в высшее, как отмечает Е.П.Карнович, встречались и в других странах Европы, но там они составляли довольно редкое исключение. В России же “подобный переход по прежним узаконениям был вовсе не труден”. А покупка дворянских имений была даже “делом более прочным и прибыльным” (29, с. 14).

Н.А.Демидов жил уже большим баринком в Москве, где у него был дом на месте нынешнего почтамта, на Мясницкой, или в своих подмосковных усадьбах. Москвичи часто съезжались к нему посмотреть дом и обширный сад (30, с. 268). Часто наезжал он и в Петербург, где у него был дом на Мойке. Младший Демидов имел, как и отец, обширные связи при дворе, что помогало ему расширять свое дело. Еще в молодости, Никита Акинфиевич был особенно близок с Великим князем Петром Федоровичем (будущим императором Петром III). Будучи наследником, последний неоднократно занимал деньги у Демидова и пожаловал ему Анненскую ленту с тем, чтобы он “возложил оную на себя по кончине императрицы Елизаветы Петровны”. Вскоре он, правда, был лишен этого знака отличия, потеряв расположение сумасбродного императора, перед которым

был очернен завистниками. Лишь при царствовании Екатерины II ему был возвращен орден св. Анны и пожалован чин статского советника. При этом императрица, как когда-то его отца и деда, “запретила употреблять его на службу без имянного указа”, чтобы он мог целиком посвящать свое время важному для государственной пользы заводскому делу (21, с. 135). Но предпринимательская деятельность уже не заполняла все время этого представителя нового поколения Демидовых. Он больше времени уделял, в отличие от ранних Демидовых, светской жизни, путешествиям за границу, покровительству наукам и искусствам. Пожалуй, именно с Никиты Акинфиевича начинает отчетливо проявляться все более пристальный интерес уральских горнозаводчиков к европейской культуре, просвещению, науке. В нем проявляются уже и черты “расточителя”. Он во множестве покупал картины и статуи, дорогую мебель, редкие растения. Из Петербурга его приказчик посылал ему заказанный у ювелира бриллиантовый перстень, иностранные вина, фрукты, устрицы, голландские сельди и пр. Приказчик справлялся для него о привезенной на иностранном корабле арапке, покупал попугаев и других заморских птиц, перевозка которых в Москву представляет большие трудности. У него был комиссионер по доставке всяких редкостей - голландец Фондершав из Амстердама. Вместе с тем он как человек образованный по тому времени не равнодушен к науке, культуре, “новинкам просвещения”. Этот заводчик-самодур переписывался, видимо, подражая императрице Екатерине II, с Вольтером и даже приобрел знаменитую Французскую энциклопедию XVIII в. (Дидро и Монтескье), которая и ныне хранится в библиотеке Нижне-Тагильского музея (36, с. 12). Он регулярно получал из Петербурга все книжные новинки. Так, согласно дошедшим до нас документам, в феврале 1766 г. Петербургская контора выслала ему в Москву 20 книг, список которых характеризует вкусы людей XVIII в. В их числе названы “Невинные упражнения”, комедия “Недоверчивый”, “Повесть о княжне Жеванке, королеве Мексиканской”, “Побочный сын короля Наваррского”, “Нравоучительные басни Федора Эмина”, “Горестная любовь маркиза де Толедо”. Наряду с этим высылалась и серьезная литература: “Римская история”, “Сокращение естественного права”, “Житие славных в древности мужей”, “Государь и министр”, “Проповеди Феофанова”. Обращают внимание среди этой пестроты и индивидуальные требования Демидова о присылке ему сатирических

журналов известного просветителя и масона Н.Новикова. В ноябре 1777 г. журнал был ему выслан. В 1770 г. он получил из Петербурга знаменитый сатирический журнал “Всякая всячина”, редактировавшийся Екатериной II, 12-й том “Трудов Вольно-экономического общества”, а также книгу “Торжествующее дворянство”, переведенную с французского Фонвизиним. В январе 1767 г. Демидову высланы из столицы четыре экземпляра манифеста “О сочинении уложения и о присылке депутатов” (30, с. 268-269).

Никита Акинфиевич неоднократно выезжал за границу. Весной 1765 г. он отправился в Митаву - столицу герцогства Курляндского. Целью этой поездки было получение денег по знаменитому долгу Бирона, которому его отец, Акинфий, дал займы 50 тыс. руб. в царствование Анны Иоанновны. По дороге он останавливался в городах Нарве, Ревеле и Риге. С Бироном ему удалось заключить соглашение о постепенном погашении долга, и в июне 1766 г. от герцога поступил первый взнос в 10 тыс. руб. (30, с. 268). В начале 70-х годов он предпринимает путешествие в Европу. Вояж продолжался в течение двух с половиной лет, с 17 марта 1771 г. по 22 ноября 1773 г., и был отчасти связан с лечением жены. Заводчик побывал в Курляндии, объездил Германию, Голландию, Францию, Италию, посетил Швейцарию и Англию. Путешествовал он в обществе жены и известного впоследствии скульптора и живописца Федота Шубина, которому покровительствовал. Поездка была обставлена, по выражению одного биографа Демидовых, “большой помпой”, хотя богатый путешественник, “рассыпая золото, иногда торговался из-за грошей и, чтобы не платить таможенных пошлин на возвратном пути, купленный бархат перешил в платя” (40, с. 72). Везде его принимали с большим почтением. Его дом был “местом притяжения находившихся за границей русских и иностранцев”. В Западной Европе он посещал русских посланников, встречался с путешествовавшими представителями русской знати гр. Шуваловым, гр. Разумовским, баронами Строгановыми, был представлен знаменитому папе римскому Ганганелли (54, с. 42; 30, с. 269). Во время своего путешествия Никита Акинфиевич вел дневники, куда аккуратно записывал свои наблюдения и различные события, связанные с пребыванием за границей. Эти дневники с описанием путешествия были изданы им в 1786 г. отдельной книгой (23). Дневники впоследствии характеризовались как типичные путевые заметки веселящегося богатого русского туриста конца XVIII в. (52).

Однако эта малоизвестная книга может представлять и более значительный интерес, в том числе в качестве исторического источника. Из нее мы узнаем многие подробности жизни и быта, времяпровождения богатой русской знати тех лет. Путешествуя по Европе, Демидов имел широкую культурную программу. Он осматривал дворцы, картинные галереи, соборы; покупал картины, статуи, мебель и зеркала (30, с. 269). Посещал он и медицинских светил. Больную жену Никиты доктора послали “париться в теплых ключах в Спа”, а потом доктор Гобиус в Лейдене прописал ей, как сообщает сам автор дневника, “пить ишачье молоко для наведения тела” (40, с. 72). Никита Акинфиевич женат был три раза: на Наталье Яковлевне Евреиновой, умершей в 1756 г., на Марье Сверчковой и на Александре Евтихиевне Сафоновой. Речь здесь идет о третьей супруге сурового заводчика. “Ишачье молоко”, видимо, действительно пошло ей на пользу. В Париже 26 сентября 1772 г. она родила заботливому супругу дочь Екатерину, а на пути домой, за 80 верст от Петербурга, в селе Чарковцах, 9 ноября 1773 г. разрешилась сыном, будущим единственным наследником Нижне-Тагильских заводов, Николаем Никитичем. Затем родилась еще одна дочь, Мария Никитична (54, с. 41). Однако за всем этим времяпровождением развлекающихся и поправляющих свое здоровье богатых путешественников проступает время от времени “заводчик-металлург”, проявлявший большой интерес к заводам и мастерским, не упускавший возможности осмотреть их. В Голландии, например, он не только любовался картинами Рубенса, но и, как отмечено в дневнике, вместе со спутниками посещал фабрики. В Париже он посещал не только ювелирные лавки и студии художников, но и фарфоровый завод и знаменитую фабрику гобеленов. В Лондоне Демидов был в парламенте, нанес визиты некоторым английским аристократам, осматривал английские заводы. Замечания о них являются “едва ли не самым ранним описанием на русском языке крупных предприятий вступавшей в период промышленного переворота Англии”. На обратном пути, в Саксонии, центре горной промышленности, Демидов и его спутники посетили серебряные рудники во Фрейбурге; спускался он и в шахты (30, с. 270). Все эти описания рисуют заботы заводчика, перенимающего передовой опыт Западной Европы.

Наряду с этим дневник содержит и немало любопытных наблюдений русского человека, с интересом присматривающегося к утонченной жизни цивилизованной Европы. Он рассуждает,

например, о секретах красоты парижских женщин. “Красота женского пола в Париже, - записывает он в журнале, - подобна часовой пружине, которая сходит каждые сутки, равным образом и прелесть их заводится всякое утро. Она подобна цветку, который рождается и умирает в один день. Все это делается притиранием, окроплением, убелением, промыванием... словом, надобно до основания переначить лицо и из старого произвести новое” (23, с. 87).

За два с лишним года пребывания в Западной Европе Демидов истратил огромную сумму денег - 75 тыс. руб. Траты делались на средства, полученные через банк, от покупателей демидовского железа Ригеля и Аткинса, кредитовавших заграничное путешествие заводчика. Однако Ригель в связи с этими чрезмерными выплатами на путешествие прекратил уплату денег за железо и тем лишил заводскую администрацию необходимых средств; чтобы выйти из этого затруднительного положения, потребовались займы у русских заводчиков: Турчанинова в Петербурге (20 тыс. руб.) и Походяшина в Москве (60 тыс. руб.) (30, с. 272).

В отличие от первых Демидовых, представителям нового поколения династии пришлось уже жить в новых условиях и при иных веяниях. Воздействие “века просвещения”, усиленное впечатлениями от путешествия по Европе, питало меценатские устремления младшего Демидова, его склонность покровительствовать искусствам и наукам, или, по крайней мере, играть роль такого покровителя. Эти филантропические устремления, однако самым удивительным образом уживались с черствым нравом, деспотизмом и своеволием его натуры. Этот “просвещенный” барин-самодур свободных иностранцев записывал в крепостные, французенку, приехавшую к нему на Урал “веселой гостьей”, рассердившись, повелел выдрать кнутом и выдать замуж за пьяницу-рабочего (40, с. 71). Автор известных воспоминаний А.Т.Болотов видел в последующие годы в московском демидовском доме в Немецкой слободе его собрание картин и любовался “американскими птичками колибри, из которых иные не более пчелы величиною”. О Демидове Болотов говорил, что наряду с любезностью по отношению к гостю в знаменитом богаче “сквозь золото” видна была грубая “подлая природа” (8, с. 818, 862, 1023-1024). Тем не менее, по мнению исследователей, именно он положил начало благотворительной деятельности уральских горнорудных магнатов не только в области науки и просвещения, но

также в сфере искусства, как в России, так и в других странах. Есть сведения, что Никита Акинфиевич не только переписывался с Вольтером, но и вместе с Дидро отбирал для Екатерины II в Париже произведения искусства (18, с. 108). Во время поездки за границу в 1772-1773 гг. он проявил особый интерес к современному ему европейскому искусству. Так, французскому живописцу Жану Батисту Грезу, который жил вместе с Ф.И.Шубиным в парижском особняке Демидовых, он заказал целую серию его полотен. Другой крупный художник, Александр Рослин, тогда же выполнил живописные портреты супругов Демидовых (18, с. 108). Из опубликованных недавно во Франции архивных материалов следует также, что Никита Акинфиевич был знаком с известным французским скульптором Клодом Мишелем, прозванным Клодионом, посещал во время пребывания во Франции его мастерскую, был покупателем его работ и даже являлся заказчиком надгробия. Сохранился договор, “заключенный с бароном (так в тексте. - М.Г.) Демидовым о создании мавзолея...” 15 декабря 1772 г. В договоре, в частности, говорилось: “Я, Клодион, обещаю и обязываюсь делать и выполнить в течение трех лет мавзолей белого мрамора, цветного мрамора и частями из бронзы...” (58, с. 100). Мраморные бюсты Демидова и его жены изваял и путешествовавший с ними выдающийся русский скульптор Ф.И.Шубин, которому заводчик собирался покровительствовать, правда, в свойственной ему скуповатой манере, и после путешествия. В последнем письме из Лондона от 10 июля 1773 г. Демидов извещает петербургского приказчика об отъезде в Россию скульптора Федота Шубина и приказывает отвести скульптору “покоец” в его доме, а также “небольшой сарайчик для его работы” (30, с. 273). По возвращении из-за границы он еще более развернул меценатскую деятельность. В 1779 г. Демидов учреждает при Академии художеств премию-медаль “За успехи в механике”. Свой вклад внес он и в строительство Московского университета. В 1781 г., когда сооружалось новое каменное здание университета в Москве, Никита Акинфиевич прислал для кровли университетского дома 5500 листов “черного аршинного железа” и еще 800 пудов “лучшего связного железа для укрепления стен” (21, с. 140). За свою меценатскую и благотворительную деятельность он был избран почетным членом Санкт-Петербургской академии художеств и Вольно-экономического

общества и награжден еще одним орденом - св. Станислава (21, с. 135).

Скончался этот суровый заводчик и меценат, по одним сведениям, в 1789 г. (10, с. 211; 4, с. 195), а по другим - в 1788 г. (58, с. 100). Он оставил своему единственному сыну Николаю гораздо большее состояние, чем получил сам. Оно было самым крупным среди состояний потомков Акинфия. В его составе было девять заводов, в том числе один из лучших и крупнейших в стране - Нижне-Тагильский. В его владениях большую часть рабочей силы составляли уже не приписные к заводам и посессионные, а крепостные люди вне заводов (5441 человек из 9600, т.е. 56,6%) (22, с. 19). Они стали полной собственностью этого крепостника-помещика и заводчика. Увеличение богатства Демидовых обошлось крайне дорогой ценой страданий, крови и слез подневольных им людей, что было одной из причин, которые обусловили волнения на Урале в 1760-1764 гг. и широкую поддержку здесь отрядов Пугачева. Как замечает один из биографов Никиты Акинфиевича, этот "Почетный член Академии художеств и Вольно-экономического общества, собиратель "раритетов" возбуждал... справедливое негодование своими действиями на заводах, так что в комиссии для составления проекта нового уложения в заседании 23 августа 1768 г. депутат от крестьян Верх-Исетской провинции Минаков жаловался на притеснения Демидова и эти жалобы были найдены справедливыми" (40, с. 73). Таков портрет одного из представителей нового поколения династии Демидовых в конце XVIII столетия.

Полную противоположность младшему брату по свойствам характера представлял его старший брат, Прокофий Акинфиевич, - типичный представитель "чудаков и самодуров" того времени, по мнению многих писавших о нем (21, с. 96; 43, с. 3; 40, с. 79; 61, с. 127). Однако, сходясь на этом образе чудака "екатерининских времен", различные авторы весьма отличаются резкостью или, напротив, снисходительностью своих характеристик, объяснением причин появления таких характеров в то время, подчеркивая в большей или меньшей степени разные стороны характера Прокофия. Он был "неизбежным продуктом существовавших тогда бытовых отношений и нравственной неразвитости общества, - пишет один из авторов, - в сущности добрые и честные, люди эти благодаря совершенной необразованности имели самые узкие и извращенные понятия о

чести, добре и правде; стремления их были мелки, страсти никогда не сдерживались рассудком. Всеобщая поблажка вокруг усиливала в них озорничество и неуважение к правам человека, придавала им смелость и размахистость и приучила ставить личный произвол выше всякого закона, выше всякой логики” (61, с. 127). Похожую характеристику Прокофия дает и другой его биограф: прославился внук основателя рода “уже не трудолюбием и изобретательностью, а благотворительностью и отчасти своим чудачеством, что в те времена было особенностью людей, живших не трудом, а доходами с готовых капиталов. ...В характере его было много мягкости и доброты. Но условия того времени и отсутствие серьезных занятий были причиной, что Демидов жил, как большая часть богатых бар, проводя время в заботах о благотворительности или в забавах, забавляя всю древнюю столицу, а за границей о нем ходили анекдоты даже среди иностранцев” (43, с. 4). Однако, наряду с типичными проявлениями крепостнического барства, чисто отечественной “дури” и своеволия подчеркивается и еще одна сторона непростого характера этого богатого “чудака” - явно обнаруживаемая неприязнь “человека нового времени”, выходца из простолюдинов, к родовитой аристократии, особенно к придворной знати. В отличие от “положительного” младшего брата, Никиты, “чудака” Прокофий “питал недружелюбные чувства к дворянам и знатым и часто проделывал над ними очень неладные шутки” (40, с. 73). В его постоянных дерзостях, эпатаже придворных кругов чувствуется неумное желание богача-плебея бросить им вызов, прощупать на прочность. В нем чувствовалась еще “мужицкая кость”, потомок тульского кузнеца, ощущавший себя чужим среди этой аристократической “дворни”, но уже знавший цену себе и своему богатству. Это был “волтерьянец” на российский манер, персонаж из комедии Бомарше, эдакий “проказник Фигаро”, но в российском исполнении, из обоймы отечественных “чудаков” и комедиантов XVIII столетия. Недаром А.С.Пушкин, интересовавшийся русским XVIII веком и его колоритными деятелями, так и назвал Прокофия в одном из своих писем “проказник Демидов”, скорее всего, именно по аналогии со знаменитым персонажем из комедии Бомарше (11, с. 27).

Родился Прокофий Акинфиевич в Сибири 8/19 июля 1710 г. Сведений о его образовании и воспитании почти нет. Одни авторы говорят о его “совершенной необразованности”, что и определило наряду с окружающей его атмосферой вседозволенности и “всеобщих

поблажек” и грубости, склонность Прокофия к чудачествам и своеволию (61, с. 127). Другие обращают внимание на то, что, “несмотря на свое юродство, Демидов был не глуп и даже в известной степени образованный человек. Он занимался ботаникой, любил растения. и собранная им коллекция редких лавровых и других деревьев ценилась в громадную сумму” (40, с. 78). По-видимому, юный Прокофий получил домашнее образование, но небольшое. И отцу и деду его, занятым всецело своим разросшимся горно-заводским делом и бесконечными разъездами по своим владениям, некогда было заниматься его воспитанием и образованием. И скорее всего, этот недоюженных способностей и оригинального склада характера и ума мальчик, а затем юноша был предоставлен самому себе и окружающей его домашней родне. Нравы же среды, в которой он воспитывался, заслуживают отдельного исследования. К горно-заводскому делу, как это видно из писем его отца. он не имел никакого пристрастия, что и сам не скрывал. Это равнодушие к семейному заводскому делу проявилось и позднее. В отличие от отца, выступавшего организатором производства и как-то заявившего в письме к А.Д.Меншикову, что “заводы яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзирания”, Прокофий за все время владения Невьянскими заводами не удосужился побывать на Урале. И когда Берг-коллегия в 1763 г. попросила всех промышленников изложить, что по их мнению, мешает процветанию заводов и на какие новые льготы претендуют заводладельцы, Прокофий без тени смущения ответил, что он ничего сказать не имеет, ибо не осведомлен о нуждах своих заводов, которых он еще не посетил (41, с. 88). Он не построил ни одного нового завода, хотя попытки этого два или три раза были. Он начал сооружение Верх-Нейвинского завода, но завершил его уже новый владелец Савва Яковлев 13 июля 1772 г. Закономерным итогом этого равнодушия Прокофия Акинфиевича великому делу своих предков была продажа им лучших своих заводов. Но об этом позднее. Вместе с тем его отношение к рабочим было гораздо гуманнее, чем его брата Никиты. В письмах из Москвы к своим детям, бывшим на заводах, он просил не принуждать отказывавшихся работать крестьян насильем к работе и поручал переговорить с “генералом” (Вяземским), посланным для разбора дела, чтобы он не доводил крестьян “до разорения” (40, с. 74).

Вскоре после смерти отца, произведя с братьями раздел отцовского наследства и получив громадное состояние, доходы с

которого он никогда с точностью не мог определить, ощутивший воздух свободы от тяжелой руки Акинфия, непутевый старший его сын отправился по примеру других русских дворян за границу. Целью путешествия было весьма распространенное в России стремление “посмотреть на заморскую роскошь и испытать развлечения и наслаждения, которых нельзя было достать в России ни за какие деньги” (61, с. 128), Прокофию шел 35-й или 36-й год. Он был опьянен доставшимся ему “несметным” богатством, не знал или не хотел знать цену деньгам и, разъезжая по всем главнейшим городам Европы, предавался такой безумной и праздной жизни, делал такие чудовищные траты, что приводил иностранцев в изумление. В Саксонии Демидов удивлял местное население закупкой на их рынках массы ненужных товаров и по-русски широкими угощениями. Сидевшие же за его огромным столом гости говорили друг другу на ухо: “Какой мот! С чем он выедет отсюда?” Демидов же вслух смеялся над бедностью столичного города Дрездена, говоря, что некуда ему девать здесь денег – купить нечего (21, с. 98). В такой же манере издевался Прокофий и над бедностью французов, которые встречали его с особыми знаками уважения и подобострастия. Надо сказать, что этот сибирский богач был абсолютно свободен от чувства поклонения перед иностранцами, которое в таком ходу у нас и поныне. И когда в Англии отнеслись равнодушно, по его мнению, к его сумасбродствам, как он ни старался сорить деньгами, Демидов не мог простить англичанам такого оскорбления и, вернувшись в Россию, решил отомстить (43, с. 6). Правда, по другой версии он решил отомстить англичанам из-за их корыстолюбия, так как торговцы в Англии специально к его приходу вздували цены на товары, которые он покупал, в несколько раз. Как бы там ни было, но по прибытии в Петербург Прокофий скупил всю пеньку, приготовленную русскими торговцами для продажи в Англию. И когда английские купцы прибыли за ней, к кому бы они ни обращались из поставщиков, все указывали, что она имеется только у Демидова. Когда же англичане стали один за другим обращаться к нему, то к ужасу своему услышали цену в пять раз выше обычной. Никакие уговоры не помогли, и английские торговые суда вернулись в свой “туманный Альбион” ни с чем (43, с. 6-7; 61, с. 406). Это повторилось несколько лет подряд. Таким оригинальным способом Прокофий отомстил за “обиду”, нанесенную его персоне иностранцами. Но не щадил он и своих соотечественников.

Первое время после возвращения из-за границы Прокофий Акинфиевич жил в Петербурге, но недолго. Вскоре он переехал в Москву. Этому было много причин. Самолюбивый и избалованный Демидов искал почета и известности, однако в Петербурге ему было трудно рассчитывать на это из-за присутствия двора с его чуждым этому эксцентричному богачу этикетом и церемониалом. Кроме того придворный блеск мог затмить даже ту роскошь, которой он хотел окружить себя. Москва больше соответствовала и его фрондерскому духу. Он мог здесь жить полновластным хозяином, ни в чем себя не стесняя и без ограничений предаваясь самым причудливым капризам и странностям своего характера. Москва елизаветинских и екатерининских времен была средоточием русских бар и отставленных от службы вельмож. “Русских вельмож весьма не много в Петербурге, - пишет о том времени один из очеркистов, - Освободившись от службы, они все переезжают в Москву. Петербург не представляет ни одного примера этих колоссов великолепия и азиатской пышности” (9, с. 37). В Москве, по всей “белокаменной” возвышались великолепные палаты русских бар. Все эти дома были битком набиты редчайшими коллекциями, библиотеками, мраморами, картинами. Можно подумать, говорит английский путешественник Кларк, бывший в Москве в последние годы этого столетия, что обобрали всю Европу для составления богатейших московских музеев (29, с. 55). Московские дома, принадлежавшие Прокофию, были одними из самых богатых. У него было несколько домов в Москве, однако он не находил их удобными и потому выстроил на Басманной, близ Разгуляя, новый дом, причудливой архитектуры, обшив его снаружи железом для защиты от огня. Когда рядом случался пожар, он приказывал закрыть железные ставни и чувствовал себя в безопасности. Внутренняя отделка дома также поражала взор массой золота, серебра и самородных камней, слепивших глаза. На стенах, обшитых штофом и бархатом, красовались редчайшие картины. Зеркальные окна и лестницы уставлены были редкими растениями; мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала тончайшей кружевной резьбой; на потолках развешаны клетки с птицами всех стран света, по комнатам гуляли ручные обезьяны; мелодии органов, искусно вделанных в стены, услаждали слух; на столах фигурные серебряные фонтаны били вином - словом, в его доме были собраны, как в сказочном дворце, чуть ли не все улады мира (43, с. 7; 61, с. 408). В 1756 г.

эксцентричный богач выстроил в Москве еще один великолепный дворец, в Нескучном, и разбил при нем ботанический сад, описание которого дал тогда же академик Паллас. По его словам, при устройстве сада и дома трудились 700 человек, в течение двух лет выравнивая высокий берег Москвы-реки (5, с. 7). Теперь в этом дворце в Нескучном саду помещается Президиум Российской академии наук.

Прокофий Акинфиевич добился того, чего желал. Вся Россия заговорила о его богатствах и причудах. Однако его щедрость привлекала к нему не только бедных и юродивых, но и всяких мошенников, желавших поживиться за его счет. Прокофий не отказывал никому, но не упускал случая позабавиться над ними. Так, он предложил награду тому, кто пролежит у него в доме целый год, не вставая с постели. Желаящему отводили особую комнату и приставляли особых слуг, которые днем и ночью не спускали с него глаз и удовлетворяли все его желания в еде, питье и прочем. Если он выдерживал испытание, то получал в награду несколько тысяч рублей. В противном случае его по уговору секли и выгоняли вон. Кроме постели, человек, согласившийся простоять перед Демидовым целый час не мигая, то время как он беспрестанно махал пальцем перед его глазами, также получал плату, но меньшую. Однако если Прокофий убеждался, что не корысть, а действительная бедность вынуждала человека идти на это испытание, то он выдавал денег больше, чем обещал (21, с. 99; 43, с. 10). Нередко выходки его переходили за рамки приличия. Чтобы наказать московских дам, которые в его ботаническом саду, куда был вход свободный, рвали редкие цветы, Демидов однажды вместо статуй расставил голых мужиков. Странности его увеличивались с годами. По сведениям Карновича, Прокофий устроил в 1778 г. в Петербурге народный праздник, во время которого вследствие громадного количества выпитого вина умерли более 500 человек. А в одно прекрасное июльское жаркое утро ему пришла в голову “счастливая” мысль прокатиться в санях и насладиться зимней дорогой. Для этого он закупил всю находившуюся в Москве соль и велел посыпать ею дорогу на протяжении трех верст, соединявшую его подмосковное имение с заставой. Проехавшись раза два по этому искусственному снегу богач, очень довольный, возвратился домой и через минуту уже забыл о своей забаве. А соль на дороге могли подбирать все кто хотел (21, с. 99; 29, с. 171; 43, с. 11). Эта выходка Прокофия стала своего рода

символом своевольного русского крепостнического барства и разгула в глазах последующих поколений и осталась в памяти людей надолго. Через полтора столетия один из писателей, задумав писать о Сибири, с образом Демидовых связывал представление о всех самодурах, катавшихся летом на санях по усыпанной солью дороге, и о тысячах бесправных, подвластных им крепостных и ссыльных” (12, с. 377).

Свою жажду дурачеств и шутовства Демидов обращал и на прислугу, выставляя ее, а заодно и себя, на посмешище перед всем городом. Ездил он по Москве не иначе как шестеркой цугом (подаренной ему гр. Орловым), в колымаге, окрашенной ярко-оранжевой краской. Цуг состоял из двух маленьких лошадей - коренных, двух огромных в середине, с форейтором-карликом, и двух также небольших лошадей впереди, с форейтором такого высокого роста, что длинные ноги его тащились по мостовой. Лакеев своих он одевал также диковинно: одна нога лакея обувалась в шелковый чулок и изящный башмак, другая - в лапоть; одна половина ливреи вся шивалась из галунов, другая - из самого грубого сукна. Когда вошло в моду носить очки, Прокофий и тут не отстал: он надел их не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собак (21, с. 100; 43, с. 12).

Мы уже говорили о том, что этот потомок тульских кузнецов чувствовал явную антипатию к титулованным и знатым особам. Шутки его, направленные против вельмож и придворной знати, были особенно остры и ядовиты и порой далеко не безобидны. Однажды он пригласил на обед всю дворцовую знать и накануне приказал выбелить у себя все комнаты, кроме столовой, устроив перед каждой дверью леса. Гости должны были несколько раз сгнуться под лесами, пока добирались до столовой. В другой раз он распустил ядовитую сатиру на всех высших особ двора. Узнав об этом, императрица Елизавета Петровна приказала собрать все эпиграммы, отослала их в Москву и распорядилась сжечь их в присутствии автора “под виселицей, рукой палача”. Но Демидов и это унижительное для себя наказание разгневанной императрицы сумел превратить в шутку. Он снял близ виселицы все дома, пригласил в них присутствовать при церемонии московскую знать и привел оркестр с трубами и литаврами, который увеселял присутствовавших, пока палач сжигал его произведения. Удивительнее всего, что полицейские власти, наблюдавшие это, промолчали (21, с. 100, 101). Зачастую тративший деньги без разбору, на пустяки, Демидов был требователен и неумолим к своим должникам, особенно сиятельным. Так, очень

жестоко поступил он с гр. М.А.Румянцевой - первой статс-дамой двора императрицы Елизаветы Петровны. Она нуждалась в 5 тыс. рублей и после многих безуспешных попыток у кого-нибудь занять вынуждена была обратиться за деньгами к Демидову. Прокофий после долгих уговоров дал деньги, потребовав написать расписку под его диктовку. Графиня пришла в ужас, когда ей пришлось подписывать следующее: "Обещаю и обязуюсь честью заплатить Демидову (в такой то срок) 5 тыс. руб., полученные от него наличными деньгами; в случае же если сего обязательства не исполню, то объявляю всему свету, что я самая отъявленная потаскушка". Наступил срок уплаты, а графиня все не имела денег. Демидов приехал к ней с угрозами, и ни жалобы, ни слезы не подействовали на него. Явившись в ближайший праздник во дворец, Прокофий Акинфиевич показал там всем злосчастную расписку. Императрица, заметив смех присутствовавших и предполагая что-либо недоброе при виде Демидова среди смеющихся, спросила в чем дело. Многие с извинениями отказывались отвечать. Когда же о выходке Демидова ей стало известно, она, немедленно уплатив богачу 5 тыс., приказала отобрать у него расписку Румянцевой. Примерно в том же духе Демидов обошелся и с княгиней Анной Александровной Голицыной, которую также пришлось спасать императрице (21, с. 115-116). Дерзкий Прокофий предавался своим чудачествам невзирая на лица. В бытность в Москве австрийского императора Иосифа II генерал-губернатор устроил в кремлевском саду народное гулянье. Все приглашенные явились в самых дорогих и блестящих нарядах, а богач Демидов, притворясь больным, приехал в камлотовой, изношенной шинели и сафьянных сапогах, с толстой, суховатой палкой в руке. Ему, однако, многое прощалось, так как все знали о его странностях, без которых он просто не мог обойтись. Случалось, что с него за иную выходку взыскивали денежный штраф в пользу казны, чему он всегда был только рад и нередко именно для того выдумывал разные проделки. Екатерина II, зная о чудачествах Демидова, называла его "дерзким болтуном", старалась по мере сил исправить его, но как мудрая правительница смотрела на проделки снисходительно, видя его большие жертвования. Кроме того, Прокофий был настолько богат, что и самому правительству приходилось прибегать к займам у него. Причем Демидов и в этом случае не мог удержаться от выходки. В первую Русско-Турецкую войну Россия нуждалась в деньгах, шли переговоры о внешнем голландском займе, но наличных денег еще не

поступило, в то время как от главнокомандующего, гр. П.А.Румянцева, шли просьбы о срочной присылке денег. Тогда Екатерина II поручила гр. Федору Григорьевичу Орлову “уладить у Демидова заем миллионов четырех рублей”. Когда гр. Орлов явился для переговоров, Прокофий призвал конторщика и, узнав, что в кассе только 2,5 млн. руб., велел сходить к “Володимирову” (Владимирову - богатейшему купцу, первому сахарозаводчику в России. - М.Г.) и у него взять 1,5 млн. руб. Получив их, сказал: “Так и будет четыре, только не для императрицы; для нее нет у меня ни алтына. Такой у меня норв; ни гроша тому, кто может посечь меня. Ты, Федор Григорьевич, пожалуй, возьми на перехват 4 млн. руб. и без процентов, только смотри, назначь сам себе день, час и минуту, когда воротишь мне деньги, а для проверки обменяемся часами. Не воротишь деньги в тот день, час и минуту, как назначишь, - деньги твои, я уже не возьму их; за то созову к себе своих, а ты приведешь ко мне своих приятелей, и я при них всех дам тебе три оплеухи за то, что слова не сдержал”. Граф согласился принять условие только по настоянию императрицы. Срок для уплаты был назначен довольно продолжительный. Деньги из Голландии были получены раньше срока, но чудак Демидов не принял их до назначенной условием последней минуты (21, с. 119).

Особенно тяжело было переносить все причуды и капризы характера Прокофия Демидова его родным и близким. Первая жена его, Матрена Антиповна Пастухова (как полагают - вдова, урожденная княжна Мещерская), претерпела много страданий от самодурства и жестокости мужа и умерла безвременно в 1764 г. Рассказывают, что после этого Прокофий сватался к одной молодой, красивой девушке - “московке” и приехал свататься к ее родителям со шкатулкой с бриллиантами. Однако получил решительный отказ от ее отца, видимо, наслышанного о его чудачествах. Неведавший неудач богач был так поражен этим, что повелел “напечатать в газетах, что Прокопий Демидов сватался и получил отказ” (21, с. 123). Во второй раз он женился на юной “тульской уроженке” Татьяне Васильевне Семеновой. С ней Прокофий жил долго не венчанным, имея от нее четырех дочерей. Брак с ней состоялся только в 1784 г., за четыре года до его смерти, когда Прокофию было уже за 70 лет. К дочерям своим, так же как и к сыновьям от первого брака, он относился сурово. Из нелюбви к дворянам он старался выдать их за фабрикантов и заводчиков, иногда и против их воли, а выдавая их замуж дарил по

крупной части своего громадного состояния, но в “рядной записи” не мог обойтись без каверзы: записав, что назначает в приданое своим дочерям только по 99 р. и 9/9 коп. (43, с. 15). Когда одна из его дочерей (Анастасия I), отличавшаяся своенравием, объявила, что выйдет замуж только за дворянина, Прокофий Акинфиевич прибил к воротам своего дома вывеску с объявлением: “У него есть дочь-дворянка, и не желает-ли кто из дворян на ней жениться?” Случайно проходивший мимо мелкий чиновник Сергей Кириллович Станиславский первый прочитал оригинальное объявление, явился к Демидову, сделал предложение и в тот же день был обвенчан с его вздумавшей капризничать дочерью (29, с. 172; 40, с. 79). Вряд ли были счастливы и остальные его дочери: старшая Анна, будучи замужем за промышленником Д.И.Земским, окончила жизнь монахиней Зачатьевского монастыря в Москве; младшая, имя которой осталось неизвестным, была замужем за неким Щепочкиным, видимо, тоже купеческого звания; любимая третья дочь (Анастасия II) в 15 лет была выдана за годившегося ей в отцы бригадира М.И.Хозикова и прожила всего 34 года (1768-1802) (21, с. 122). Попадало от своенравного богача и его многочисленным зятям. Однажды, разгневавшись за что-то на одного из них, он прислал к нему на званый обед наполненный червонцами мешок и живую свинью, приказав угощать ее за столом, как бы его самого. И приказание было исполнено (21, с. 100).

Особенно сильно проявлялось его недовольство на сыновьях, которым были даны не бывшие в ходу в роду Демидовых имена: Акакий, Лев и Аммос. Надо сказать, что Прокофий одним из первых среди Демидовых отступил от традиции воспитывать детей около себя, дома. Его сыновья учились в Гамбурге и, вернувшись в Россию, сначала даже не умели объясняться по-русски. Заграничное воспитание, видимо, еще более усугубило его недовольство сыновьями, к которым он и без того не испытывал почему-то особой родительской любви. Он обделил их наследством и держал почти в нищете. И лишь по настоянию государыни, которой стало известно бедственное положение сыновей миллионщика, Прокофий вынужден был дать каждому из них по 1 тысяче душ крепостных крестьян. Такое вмешательство властей в его право распоряжаться имуществом по своему усмотрению вызвало, однако, озлобление своенравного богача. Он и раньше не особенно любил горное дело и не хотел вникать, в отличие от своего отца и деда, в тонкости заводского хозяйства. Теперь он решил продать доставшиеся ему по наследству

заводы богатому откупщику, содержателю винных погребов в Петербурге, ассесору Савве Яковлевичу Яковлеву - родоначальнику богатой купеческой династии (21, с. 123; 40, с. 79). Сведения о числе проданных им Яковлеву заводов расходятся. По сведениями Карновича, Демидов продал четыре своих лучших завода: Невьянский, Шуралинский, Бынговский и Верхне-Тагильский (29, с. 172, 309). По другим сведениям, он продал шесть (кроме перечисленных, еще Верхне-Нейвинский и Шайтанский) и даже семь (еще Бынговский кожевенный) заводов из десяти принадлежавших ему. Разница в этих сведениях, видимо, объясняется тем обстоятельством, что некоторые из заводов только строились (например, Верхне-Нейвинский) и были завершены уже не Демидовым (21, с. 123; 40, с. 79; 30, с. 268; 41, с. 88). Купчая была совершена 10 января 1869 г. По купчей, из суммы в 800 тыс. руб. за продажу заводов, сразу после подписания сделки выплачивалось 200 тыс. руб., а остальные 600 тыс. руб. - в течение пяти лет (41, с. 89). Результаты этой впечатляющей для того времени сделки оценивались по-разному: если в наше время исследователи считают эту сумму "огромной" (30, с. 268), то историки прошлого считают, что Прокофий продал лучшие Демидовские заводы "крайне дешево" и даже "за бесценок" и удача благоприятствовала Савве Яковлеву (29, с. 172, 309; 40, с. 79). Кроме заводов он продал тогда же девять домов своих: в Москве, Петербурге, В Ярославле, Нижнем, Чебоксарах, Казани, Тюмени, Кунгуре и Лакшеве (30, с. 268). Продавал Демидов свои владения и в дальнейшем. В 1773 г. находившийся в своей казанской деревне камердинер императрицы Александр Игнатъевич Сахаров купил у него деревень на 145 тыс. руб., что по тогдашним ценам составляло весьма солидную сумму, на которую можно было приобрести более 2 тыс. душ крепостных (29, с. 288).

Несмотря на все эти продажи, широкую свою благотворительность и расточительство, а также многочисленные разделы между его потомками, каждая из частей которых стоила миллионы, богатство его оставалось очень велико. Этому способствовало то, что он довольно исправно вел свои дела. По некоторым сведениям, от отдавал деньги в ссуду под проценты и немалое число лиц были его должниками (40, с. 79). Кстати, в 1771 г., возвратившись из очередного заграничного путешествия, он подал правительству мысль об учреждении в России "ссудной кассы" и первое время оказывал кассе существенную поддержку своим

капиталом, “вспомоществуя”, как он сам говорил, ее открытию и деятельности (2, с. 232; 21, с. 111; 43, с. 13). Среди должников Демидова был известный писатель второй половины XVIII в. А.П.Сумароков, в 1770 г. заложивший ему за 2 тыс. руб. (вначале без процентов) свой дом в Москве, близ Пресни, и не сумевший уплатить через три года по векселю. Воспользовавшись этим, Демидов стал требовать уплаты процентов и штрафных и хотел выгнать писателя из дома. Этот незначительный для богача Прокофия долг наделал много шума и вовлек в это дело, длившееся очень долго, многих влиятельных сановников, включая Потемкина, к которому Сумароков обратился за защитой, и саму императрицу. Чем оно закончилось, осталось неизвестным. Должником Демидова был и уже упоминавшийся камердинер Екатерины II М.И.Сахаров, видимо, в связи с покупкой на большую сумму демидовских деревень. По этому поводу императрица даже вела с главнокомандующим Москвы, князем М.Н.Волконским, переписку (21, с. 113-117; 40, с. 79). В целом, несмотря на то, что Прокофий жил в свое удовольствие, на широкую ногу и мало вникал в хозяйственные дела, он все-таки оставил каждому из своих сыновей значительные капиталы, в общей сложности, по некоторым оценкам, превышавшие 3 млн. руб. (40, с. 79).

Эксцентричный и своенравный богач-чудак оказался первым по-настоящему крупным благотворителем из рода Демидовых. Этот “бунтарь” и “фрондер” в среде дворянской знати вписывался в обойму крупнейших дворянских меценатов XVIII в. - Шереметевых, Голицыных, Куракиных. Его дикие выходки и экстравагантность сочетались тем не менее с громадными пожертвованиями на крупные начинания, имевшие часто общенациональное значение. “В те блаженные... времена, - писал один очеркист, - Шереметевы строили странноприимные дома, Куракины - богадельни, Голицыны - больницы, Демидовы осыпали золотом юный Московский университет и только что созданный Екатериною воспитательный дом” (21, с. 97). Характеризуя Прокофия Демидова, известный издатель и историк Петр Бартнев называл его “одним из своеобразнейших лиц чудного XVIII столетия; человеком во всех отношениях достопамятным”, и считал, что при видимой грубости он “одарен был теплым сердцем и тонким наблюдательным умом”. Поездки за границу, в Голландию и Англию, упрочили, по мнению Бартнева, взгляды Демидова на жизнь, “привычку идти прямо,

ценить только труд и достоинства существенные, презирать внешнюю мишуру” (46, с. 2247). Это сказывалось даже в его непосредственной помощи беднякам или попавшим в беду людям. Часто он, узнав о несчастном положении какого-нибудь семейства, тайно посылал крупную сумму денег, прилагая лишь записку (без подписи), что получившие посылку могут спокойно ею пользоваться, так как это добровольное пожертвование неизвестного лица (43, с. 14). Вообще, по мнению осведомленных современников, его благотворительная деятельность и жертвования далеко превышали его видимую расточительность. Они знали о его постоянной благотворительности, которую он почему-то скрывал, и потому относились к нему снисходительно. Дело в том, что по причудливым свойствам своего характера он старался всеми силами обратить на себя внимание проделками, которые ему самому нередко надоедали, а многочисленные жертвования, на которые он тратил миллионы и которым обязаны были многие учреждения и частные лица, оставались для большинства тайной. Екатерина II, правительница мудрая и проницательная, видимо, хорошо поняла внутреннюю искренность и непосредственность его натуры и глядела сквозь пальцы на его так называемое “самодурство”, от которого “терпеть приходилось лишь немногим, тогда как тысячи людей пользовались плодами его умной благотворительности”. Более того, она сделала его почетным опекуном и сенатором (21, с. 124; 43, с. 12-13).

Еще в начале своего царствования Екатерина II “к отвращению погибели, нередко постигавшей незаконнорожденных при первом воззрении их на свет”, предложила основать в Москве “сиропитательный дом” (17, с. 17). Первые жертвования поступили от самой императрицы и наследника цесаревича Павла Петровича. Среди других жертвователей числился и французский философ-просветитель Дидро. Не мог пройти мимо такого “великого, богоугодного дела” и Прокофий Акинфиевич, и, как он отметил в своем сопроводительном письме, “поражая матерним Екатерины Великия в пользу несчастно рожденных детей заведением”, внес на устройство в Москве Воспитательного дома - 1 107 000 руб. Из этой суммы он отделил 205 тыс. руб. на основание при Воспитательном доме коммерческого училища, “в котором на проценты с сея суммы имеют содержаться вечно 100 мальчиков из купеческих детей”. Сумма жертвования была так велика, что даже австрийский император Иосиф II, осматривавший, будучи в Москве 8 июня 1880 г.,

коммерческое училище, удивлялся громадности пожертвований Демидова - “столь рачительного попечителя об общем добре” (21, с. 106). Главным попечителем воспитательного дома, по инициативе которого и было открыто 21 апреля 1764 г. это заведение, был человек незаурядной биографии Иван Иванович Бецкий - президент Российской академии художеств и главный директор императорских строений и садов. Он сам был незаконнорожденным сыном князя И.Ю.Трубецкого, родился в Швеции, в Стокгольме (3 февраля 1704 г.), где его отец пребывал в плену, после Нарвы, целых 18 лет. И.И.Бецкий писал Демидову по случаю сделанного им пожертвования: “Общество находит Вас добрым гражданином; дела Ваши то доказывают, а наименование доброго есть лучшим в свете для человека удовольствием” (21, с. 106). По-видимому, просветительские и филантропические начинания Екатерины II и ее сподвижников произвели большое впечатление и благотворно подействовали на своенравного богача, затронули его душу. В письме к Бецкому в 1771 г. он, признавая, что императрица учреждением Воспитательного дома “многие беззакония и зверские злодейства предупредила и отвратила”, выразил желание и в дальнейшем “иметь о несчастных всякое попечение” и обещал начатое в Москве каменное строение Воспитательного дома “достроить своим иждивением”, “вспомоществовать” открытию ссудной кассы и родильного госпиталя в Петербурге и “не переставать оказывать благотворения вовеки, докуда будет в состоянии покровительствовать этим учреждениям” (43, с. 13). Московский воспитательный дом был обязан Демидову не одними деньгами. Он искренне и горячо заботился о благе этого учреждения. В 1772 г. богатый филантроп посетил воспитательный дом, и опекунский совет, согласно постановлению И.И.Бецкого, поднес ему золотую медаль и благодарственное свидетельство. По распоряжению опекунского совета в газетах были напечатаны хвалебные стихи в честь Демидова. Восхищенный приемом богач не остался в долгу и тут же подарил Воспитательному дому одно из своих больших каменных зданий со всей обстановкой (43, с. 13). За пожертвования на “Императорский Воспитательный для приносных детей дом” Прокофий Акинфиевич, не имевший никакого чина, был произведен сразу в статские советники. Этим милости к нему императрицы не ограничились: Екатерина за щедрые пожертвования сделала его почетным опекуном и сенатором, а впоследствии произвела и в действительные статские

советники, дабы “ознаменовать перед целым светом признательность свою к благонамеренным его подвигам” (21, с. 110). Продолжал свою филантропическую деятельность и Прокофий. Он учредил Петербургское коммерческое училище, на которое пожертвовал 250 тыс. руб. Когда при Екатерине II стали открываться народные училища и главные народные училища, он пожертвовал на них в 1772 г. 100 тыс. руб. (1, с. 364). Кроме того, он внес 20 тыс. руб. на учреждение при Петербургском воспитательном доме, открывшемся в 1770 г., госпиталя для бедных роженец (21, с. 109).

Очень многое Демидов сделал и для поддержки Московского университета. Видя тесноту университетского здания, он купил и подарил университету дом за 10 тыс. руб., а 11 января 1779 г. прислал для нужд университета 10 тыс. руб. на имя его куратора гр. Ив.Ив.Шувалова. 30 июня того же года, когда на годичном торжественном собрании в университете один из студентов обратился к нему с приветственной речью, растроганный Демидов пожертвовал еще 10 тыс. руб. Вся сумма (20 тыс. руб.) была внесена в московский банк, как “демидовский” пансион, и на проценты с нее решено было содержать шесть студентов. Вообще, на его счет содержалось немало студентов, которые ежегодно на “годичных актах” произносили в честь своего покровителя хвалебные речи. Университетское “Вольное российское собрание” в благодарность избрало его в свои члены (21, с. 109; 43, с. 14). Существует свидетельство, что когда Екатерина II приказала знаменитому архитектору Казакову составить план постройки нового университетского здания, меценат изъявил желание построить его “своим иждивением” на “Воробьевых горах” (предвосхитив таким образом почти на 200 лет современную постройку) и назначил для этого огромную сумму в 1,5 млн. руб. Однако императрице не понравился выбор места и пожертвование не состоялось (21, с. 110). К этому можно добавить, что уже после смерти Демидова в 1789 г. сыновья передали “в его память” университету знаменитый гербарий (“травник”) и часть библиотеки отца. А в 1822 г. Московский университет, выбив на двух мраморных досках золотыми буквами “для всегдашней памяти” имена благотворителей университета, в числе первых поместил имя Прокофия Акинфиевича Демидова (21, с. 110, 157).

Можно по-разному оценивать итоги его незаурядной благотворительной и меценатской деятельности. Одни историки считают, что не стоит слишком превозносить филантропию

Демидовых, которые своими пожертвованиями лишь частично искупали несправедливый характер происхождения своего богатства, отдавали долг государству, чрезвычайно способствовавшему возникновению их капиталов. “Если Демидовы и жертвовали миллионы, - замечает один их биограф, - то они, по совести говоря, должны были это сделать уже по самому характеру происхождения своего богатства” (40, с. 80). Тем не менее на это можно заметить, что далеко не каждый готов искупать свое прошлое и отдавать долги, не много найдется богатых людей и сегодня, готовых для блага соотечественников пожертвовать немалой частью своего состояния, и потому Прокофий Демидов, как замечает другой его биограф, “достоин сочувственного воспоминания потомков” (21, с. 124). Прокофий Акинфиевич прожил долгую жизнь. Он любил цветы и с удовольствием занимался их разведением; его увлечение природой, заботы о пчелах (об уходе за которыми он даже написал в 1865 г. специальную работу), о птицах, о садах заменяли ему “внешние развлечения” (46, с. 2247-2284). Он оставил после себя ценную в историческом отношении переписку, дающую сведения о крепостном строе, заводском быте: письма к сыновьям и дочерям, к приказчикам, известному полковнику Михельсону (которому он преподнес адрес от себя с выражением “наивящей” благодарности и с “презентом” за усмирение Пугачева), к своему “любимому” зятю М.И.Хозикову, к известным деятелям той поры - И.И.Бецкому, И.И.Шувалову, Н.И.Рибас (21, с. 11-29; 46, с. 2230-2287). Скончался знаменитый чудаки и меценат в Москве 4 ноября 1788 г. (по другим сведениям в 1786 г.) в 78 лет и был погребен с большой пышностью в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. При его гробе дежурили университетские студенты - его стипендиаты, отдавая ему последние почести (21, с. 130; 43, с. 15). Прокофий не создал известной династии.

Из его прямых потомков известность получил лишь его внук, Василий Львович. Он родился в июле 1769 г. и в 19 лет поступил на службу во флот. Принимал участие под командой адмирала Грейга в сражении против шведов у острова Готланда, а затем перешел на Черноморский флот, где под командой адмирала Ушакова 31 июля 1791 г. на корабле “Вознесение Господне” участвовал в сражении с турецким флотом. Не чувствуя призвания к службе, в 1795 г. в чине капитан-лейтенанта флота он вышел в отставку и навсегда поселился в своем имении, селе Быковке Васильевского уезда Нижегородской

губернии, где вел жизнь, уже далекую от заводской деятельности первооснователей рода. Он целиком посвятил себя уездным общественным делам и сельскому хозяйству. Увлеченный либеральными настроениями первых лет царствования Александра I, потомок заводчиков Демидовых особое внимание «на улучшение быта крестьян». Являясь убежденным сторонником освобождения крестьян с землей и владея тысячью с лишком душ, он образовал особый денежный фонд, посредством которого крестьяне, еще при жизни его, выкупили свой надел. Для своих крепостных крестьян он основал запасные хлебные магазины, упорядочил среди них исполнение рекрутской повинности, организовал пожарную часть и другие новшества. Внук Прокофия прослыл благодетелем своих крестьян. Он умер в глубокой старости, в 1862 г. на 93-м году жизни, все-таки дожив до дня освобождения крестьян, в необходимости которого был убежден. От него осталось 11 человек детей (3, с. 213).

“ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ”

Другой сын Акинфия, Григорий, второй по старшинству и на пять лет моложе старшего брата Прокофия, как и последний, не пользовался особой любовью у отца. Григорий Акинфиевич оказался, однако, более деятельным заводчиком, чем его старший брат. К доставшимся ему по разделу двум железным и двум медным заводам он присоединил еще два основанных им завода: Тисовский (построенный еще при отце в 1730 г.) и Бисертский (1761). Сведения о втором из братьев крайне скудны. Он гораздо меньше своих братьев, по-видимому, проявил себя на поприще благотворительности. Его имя, однако, также вписано золотыми буквами на мраморной доске почетных благотворителей Московского университета, как и имена других Демидовых (21, с. 133). Судьбой ему был отпущен недолгий срок - всего 46 лет. Он умер 15 ноября 1761 г. и погребен рядом с дедом, Никитою Демидовым, в Туле. Через два года там же похоронили и его супругу, Анастасию Павловну Суровцеву (1713-1763), от которой он имел пять дочерей и трех сыновей: Александра, Павла и Петра (21, с. 133). Наиболее предприимчивым из братьев был Александр Григорьевич, имевший чин действительного статского советника. У него уже было семь заводов, и они составляли к концу XVIII в. вторую по мощности, после Нижне-Тагильской

Ревдинскую группу заводов Демидовых. В нее входили два доменных, два железных и три медных завода. В 1787 г. он построил еще один завод - Малевский (21, с. 15). Это был один из последних заводов, основанных Демидовыми в XVIII в. Пять заводов принадлежали младшему сыну Григория - Петру, дослужившемуся до высокого чина тайного советника (21, с. 166). Династические линии обоих братьев не дали громких имен. Известно лишь, что к внуку младшего из братьев, полковнику Николаю Петровичу Демидову, в 1873 г. перешел по линии жены княжеский титул, и ему разрешили именоваться "Демидовым, светлейшим князем Лопухиным" (3, с. 214). Но породнились с титулованной аристократией многие представители Демидовых еще задолго до этого. Самый знаменитый из братьев Павел Григорьевич, о котором речь пойдет ниже, не имел склонности к предпринимательскому делу и поступился своей частью в пользу братьев, однако в начале своего жизненного пути и он принял участие в семейном учредительстве заводов, основав в год смерти отца, в 1761 г., Камбарский завод (21, с. 16; 41, с. 91).

В течение XVIII столетия численность заводов, основанных Демидовыми, достигла цифры, поразительной для России того времени, - не менее 55 заводов (24, с. 2; 30, с. 261). В стране тогда существовало шесть горно-заводских районов: Уральский, Олонецкий, Луганский, Замосковский (первый и второй округа), Алтайский и Нерчинский. И в промышленном развитии почти всех этих районов деятельно участвовали Демидовы (21, с. 89). Целые губернии получили ускоренное промышленное развитие благодаря деловой хватке и энергии представителей этой выдающейся династии. Так, в границах Пермской губернии заводское дело развилось настолько, что во второй половине XVIII в. на ее территории было 65 чугуноплавильных и железоделательных заводов, а самим Никитой Демидовым и его потомками в течение всего XVIII в. был основан 31 железный и медный завод (21, с. 15). Во многом благодаря Демидовым рудный Урал превращается в центр русской металлургии. Уже к 1750 г. из действовавших в России 75 металлургических заводов на долю Урала приходилось 61 предприятие; 3/4 выплавляемого чугуна и большую часть меди поставляла уральская металлургия (28, с. 196). Во второй половине XVIII уральская промышленность стала мировой кузницей, поставлявшей железо не только на русский, но и на европейский рынок. Уральское железо, мягкое в ковке, стало пользоваться устойчивым спросом европейских покупателей, его

вывоз из года в год увеличивался, и в середине столетия почти половина железа шла на экспорт. Швеция и Англия в отношении железа были оставлены далеко позади и гордая Британия, по выражению Б.Б.Кафенгауза, “усердно покупала русское железо, пока промышленный переворот не изменил ситуацию к началу XIX в. (30, с. 489-490). Львиную долю в этих поставках за рубеж давали Демидовские заводы. Около 2/3 сбыта Демидовых во второй половине века шло на экспорт. Железо продавалось крупным иностранным конторам, находившимся в Петербурге (30, с. 491-492). Вместе с тем к концу столетия энергия Демидовых по устройству заводов постепенно ослабевает. Убедительное свидетельство этому – данные табл. о числе заводов, основанных ими, по годам (30, с. 261):

Таблица 2

1697-1725	1726-1730	1731-1740	1741-1750	1751-1760	1761-1770	1771-1780	1781-1800
9	12	8	6	10	4	3	3

Эти данные показывают, что наиболее активная деятельность Демидовых по устройству заводов приходится на период с конца XVII в. по 1760 г., особенно на 1726-1730 гг. Интересно, что это в основном годы межвременья и переворотов. В то время как за период в 1761-1800 гг. за 40 лет, из общего числа 55 было основано всего 10 заводов, т.е. менее 1/5. Во второй половине столетия приходит новое поколение Демидовых, интересы которых, в силу их более высокого социального статуса и образования, принимают совершенно другое направление, зачастую весьма далекое от заводской деятельности их отцов и дедов. Для новых поколений Демидовых их уральские и сибирские заводы, их вотчины не являются уже главным центром их интересов. Они лишь источник громадных доходов, позволяющих удовлетворять все растущие запросы их просвещенных владельцев, вкусивших неведомые им прежде плоды от европейского “древа познания”. Культурные и просветительские устремления Демидовых, как и многих других представителей русской аристократии этого “галантного” века, все чаще обращаются к Западной Европе.

Наиболее громкую известность из Демидовых приобрел своей научной и филантропической деятельностью второй из сыновей Григория Акинфиевича – Павел Григорьевич Демидов (1738-1821). Родился он 29 декабря, получил прекрасное образование и еще с раннего детства проявил отличные способности. Грамотному чтению

его начали учить с трех лет (20, с. 4). На четвертом году он уже умел читать, впоследствии изучил несколько иностранных языков, играл на фортепиано и на скрипке. Продолжил свое обучение Демидов в Европе. Сначала в Ревеле с ним занимался проф. Сигизмунди. Затем до мая 1755 г. юный богач слушал лекции, как и шекспировский Гамлет, в Геттингенском университете. Во время продолжительного своего пребывания за границей он долго учился в знаменитой Горной академии во Фрейберге (21, с. 175; 40, с. 81). Особое внимание он уделял естественным наукам и металлургии. После окончания обучения молодой Демидов предпринял длительное путешествие по всей Европе. Он первый из Демидовых в 1757-1758 г. побывал в Италии. В Швеции будущий меценат познакомился со знаменитым ботаником К.Линнеем, лекции которого он слушал в Упсале и который впоследствии стал его другом. Он слушал также лекции по химии и минералогии другого известного ученого, Валерия. Долгое общение с европейской цивилизацией облагородило его вкусы и внушило ему стремление быть полезным родине. По словам известного деятеля, проф. Московского университета С.П.Шевырева, П.Г.Демидов “представлял зрелые плоды того просвещения, которое смело сеял преобразователь самодержавной рукою своею по лицу всей России” (21, с. 176).

Вернувшись после смерти отца в Россию, молодой выпускник европейских университетов решил полностью посвятить себя наукам. С целью более глубокого изучения природных богатств и состояния горно-заводского дела в России он отправился в новое путешествие, теперь уже по своей стране. Во время поездки он обращал главное внимание на рудники и горные заводы, посетил все екатеринбургские казенные и частные заводы, в 1763 г. побывал в Туле, Петербурге, Шлиссельбурге и Ладого. В этот период он состоял на государственной службе, удостоился высочайшего внимания императрицы Екатерины II, которая отличала образованных людей, и в 1762 г. “за обширные познания в натуральной истории и минералогии” был пожалован ею чином советника Берг-коллегии, а при выходе в отставку - чином статского советника (21, с. 176; 40, с. 82). За его заслуги в изучении природных богатств России Вольное российское собрание 14 января 1772 г. избрало Павла Григорьевича своим действительным членом. В том же году он вторично отправился за границу, побывал в Германии, Франции, Голландии и в 1773 г. возвратился в Россию через Стокгольм. После возвращения он

отошел от государственной службы и всю свою последующую жизнь посвятил “философскому уединению, рассматриванию природы и ученым созерцаниям” (2, с. 207; 21, с. 177). Ему принадлежит немало ценных наблюдений и открытий в области естествознания, по результатам которых он вел постоянную обширную переписку с ведущими учеными того времени Бюффеном, Геллертом, Галлером, Валерием и, особенно, с Карлом Линнеем, ученым корреспондентом которого он был долгое время. Так, он послал Линнею научное описание редкого животного, обитающего в киргизских степях между Яиком и Иртышем, - корсака. Описание это помещено К.Линнеем в его сочинениях, с благодарностью П.Г.Демидову (21, с. 177).

Этот образованнейший человек своего времени был не только физик и наблюдатель, но и, по словам профессоров Шевырева и Покровского, глубокий философ, искушенный литератор и ценитель словесности, автор многих сочинений. Кроме науки он страстно любил музыку, сам играл, на фортепиано и скрипке, и имел у себя в доме хорошие органы (21, с. 201). Во время путешествий за границей и по России он приобрел редкие коллекции в области естественных наук, собрание медалей, монет всех времен и государств, художественных редкостей, библиотеку, кабинет “натуральной истории”. Начало коллекции Демидов положил покупкою (за 16 494 руб. 75 коп.) в Париже “одного из первоклассных кабинетов”, принадлежавшего знаменитой парижской актрисе Клерон. Затем он пополнял ее коллекциями птиц, пресмыкающихся, минералов. Особое внимание он уделял подбору дорогих и редких книг, рукописей на латинском, французском, немецком, русском языках, в том числе собственноручных записок о всех своих путешествиях и прослушанных лекциях. Впоследствии в 1803 г. ученый передал свои богатейшие естественнонаучные коллекции, а также библиотеку и сумму в 100 тыс. руб. Московскому университету. К сожалению его библиотека, музей и гербарий погибли во время московского пожара 1812 г. Все это оценивалось знатоками в 300 тыс. руб. (1, с. 364; 40, с. 84).

Научная и коллекционерская деятельность П.Г.Демидова были неразрывно связаны с его благотворительской и меценатской деятельностью, исключительными по своим масштабам и альтруистическому характеру. Они носили главным образом просветительскую направленность. Все свои ученые доходы, значительную часть имений и большие капиталы подарил он науке,

народному просвещению. Особенно широко эта сторона его деятельности раскрылась с началом новой эпохи, в царствование Александра I, которое отмечено большими успехами в области образования. По данным проф. И.Шульгина, озвученным в речи “на акте Петербургского университета” 25 марта 1838 г., в конце царствования Екатерины II было “учебных заведений общего образования” до 250, преподавателей в них - 500 человек, а учащихся - 12 тыс. человек, а к концу царствования Александра I эти показатели выросли соответственно до 1200, 3500 и 60 тыс. (62, с. 23). При учреждении в начале правления Александра I министерств, в том числе и Министерства народного просвещения, Демидов одним из первых откликнулся на призыв правительства, прозвучавший 24 января 1803 г., содействовать благу народного образования пожертвованиями. В марте того же года Павел Григорьевич отправляет с учителем Московского главного народного училища П.М.Дружининым письмо к министру народного просвещения, гр. П.В.Завадовскому, в котором сообщает о своем решении отдать принадлежавшую ему романовскую вотчину с 1330 душами мужского пола “в пользу назначенной к открытию ярославской гимназии”. Так было положено начало самому громкому почину его жизни - основанию Демидовского лица. Изложив в письме свои предложения, Демидов уполномочил Дружинина вести переговоры с министром и об открытии университета в Ярославле. В случае успеха переговоров Демидов обещал присоединить и угличские свои деревни с 2240 душами и выдать еще на заведение 100 тыс. руб. (21, с. 182). В дальнейшем он, согласно указанию гр. Завадовского, несколько изменил свой первоначальный план и ходатайствовал перед царем лишь о том, чтобы “назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое имело бы одинаковую степень с университетами и все преимущества оных, заведя в нем класс наук университетских”. В прошении он пишет, что с давних лет помышлял “уделить часть от избытков имущества своего на какое-нибудь человеколюбивое заведение, а любя науки и почитая просвещение первым основанием благосостояния государства”, сильнейшим желанием его было “споспешествовать распространению оных” (20, с. 36; 21, с. 183). Александр I, желая показать, как высоко он ставит поступок Демидова, дал следующий указ Сенату: “Утвердив благотворительное распоряжение статского советника Демидова... повелеваем: 1. Выбить золотую медаль с изображением на одной

стороне лица Демидова, а на другой представить приличную надпись, означающую его действие. И таковую медаль, как залог общей признательности, вручить ему, Демидову, в Москве, в общем правительствующего сената собрании. 2. Предать тиснению прилагаемое при сем прошение, издать оно во всенародное известие, дабы добродетель, достойная почтительного внимания, явлена была перед лицом отечества. 3. Привести в исполнение все распоряжения, самым благотворителем учиненные в точной сообразности с его волею..." (20, с. 37, 21, с. 187). В общей сложности правнук основателя рода представил на содержание высшего училища в Ярославле 3578 душ крепостных крестьян. Сначала пожертвованные на лицей крестьяне платили небольшой оброк, но с расширением и развитием учебного заведения этот оброк был возвышен с 10 до 14 руб. с души. Таким образом, и в деле развития высшего образования в России не обошлось без крепостных крестьян (40, с. 83). Кроме этой своеобразной формы российского крепостнического меценатства Павел Демидов непосредственно внес в кредитные учреждения для той же цели "наличный капитал в 300 тыс. руб." (по другим сведениям - 100 тыс. руб.) "для приращения процентами" и особо 20 тыс. руб. "на распространение училища" (21, с. 186; 30, с. 172). По утвержденному 28 января 1805 г. уставу "высших наук училище", названное "Демидовским училищем", занимало среднюю ступень между гимназией и университетом и находилось в ведении Московского университета. Открылось оно 25 апреля 1809 г. (2, с. 203). Одновременно с пожертвованием на училище в Ярославле Павел Григорьевич сделал крупный вклад в 200 тыс. руб., чтобы "употребить в пользу существовавшего уже Московского и предназначенных Киевского и Тобольского университетов"; 100 тыс. из них были выделены Киевскому (открыт 15 июля 1834 г.) и Тобольскому университетам. Последний не был открыт и его деньги (к этому времени 150 тыс.) были использованы при создании в 1880 г. Томского университета в Сибири. Сверх того, он назначил Московскому университету "знатную библиотеку", кабинет "натуральной истории" и мини-кабинет, стоящие, по крайней мере, 250 тыс. руб. Из 100 тыс. руб., прдназначенных Московскому университету, часть процентов шла на содержание студентов, часть - на отправку лучших из них в иностранные университеты и часть - на содержание кафедры натуральной истории, названной "Демидовская кафедра", с "поручением ее иностранному профессору, пока эта

важная часть наук дойдет у нас до большего совершенства”. В мае 1805 г. Демидов подарил обсерватории Московского университета астрономический экваториал работы английского художника Шорта и орган, оцененный в 10 тыс. руб., а в 1806 г. - уже упоминавшийся минц-кабинет - собрание нескольких тысяч древних монет и медалей (золотых, серебряных, бронзовых, оловянных, медных и свинцовых) из разных стран Европы (1, с. 364; 20, с. 78; 21, с. 194). Он делал и другие крупные пожертвования на развитие образования. Так, им было выделено 22 тыс. руб. для покупки здания Института благородных девиц в Харькове. Есть свидетельства, что кроме выдающейся благотворительности на цели распространения народного просвещения, П.Г.Демидов помышлял быть “благотворителем человечеству” через устройство заведений в пользу бедных. С этой целью он поручил известному ученому Г.И.Фишеру составить для него записку о таких заведениях в Гамбурге, Мюнхене, Вальдгейме и т.д., но война 1812 г. воспрепятствовала его намерениям (54, с. 63). Тем не менее в годы Отечественной войны с Наполеоном он сделал вклад на устройство в Ярославле дома призрения ближних (1 тыс. руб.), который был открыт лишь в 1876 г. (21, с. 194).

Личность П.Г.Демидова может считаться образцом для подражания в нравственном и культурном отношении. На его примере можно видеть, какой быстрый путь эволюции к высотам европейской цивилизации прошла эта династия - от тульских мастеровых до просвещенной элиты российского дворянства, не уступавшей по уровню образованности лучшим европейским аристократическим семействам. Это была в высшей степени гармоничная и цельная натура. По отзывам современников, он был всегда тих, кроток, честен, прямодушен, справедлив и во всем чрезвычайно умерен. Строгая жизнь и умеренность сохранили ему и в старости (а он дожил до преклонного возраста) деятельный и живой ум, хорошее зрение и терпение к болезням, продлившее его дни. На стол его в последние годы тратилось не более 6-7 руб. в месяц. Обед его состоял из самого “тонкого бульона” и одной котлетки, из которой он сосал только сок. Он любил труд и ненавидел праздность. Его называли скупым, потому что он не давал обедов, был врагом роскоши, носил несколько лет один кафтан, платил дворовым людям умеренное содержание, “чтобы они трудились для себя, не предаваясь гибельной праздности”. “Всякий должен довольствоваться тем, - говорил он, - чем кого благословил Бог”. И потому он мало помогал

небогатым своим родственникам, но с крестьян брал оброк незначительный - только 5 руб. в год, а с подмосковных не требовал ничего (21, с. 200). Павел Григорьевич овдовел еще молодым. Кто была его жена - неизвестно. Детей после него не осталось. Скончался он в любимой своей подмосковной усадьбе "Леоново", где провел большую часть жизни, 1 июля 1821 г. на 83-м году и погребен в московском Спасо-Андрониевском монастыре. Московский университет почтил его память особым собранием 30 декабря 1821 г., во время которого проф. естественной истории Фишер произнес речь на латинском языке, студент Иовский, воспитывавшийся на счет мецената, - речь на русском языке памяти Демидова, а поэт Мерзляков читал стихи. В университетском музее был поставлен портрет благотворителя, а на второй из двух мраморных досок университета высечено его имя. В 1829 г. ему был сооружен памятник в Ярославле на деньги, собранные по подписке ярославского дворянства (бронзовая колонна на гранитном пьедестале), работы скульптора Крылова (1, с. 364; 21, с. 201; 40, с. 84-85).

Павел Григорьевич был, в сущности, первым из Демидовых, чья просветительская, меценатская, научная деятельность перешагнула национальные границы. Именно с него начинается не поверхностный, а глубинный интерес представителей династии уральских заводчиков к европейской культуре и просвещению, освоение достижений западной цивилизации, "хождение в Европу" российских аристократов, которое так ярко проявилось в судьбах последующих поколений Демидовых. Чрезвычайно показательна в этом отношении история жизни его более молодого кузена - Николая Никитича - единственного сына Никиты Акинфиевича Демидова.

РУССКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

Биография этого блестящего представителя "одворянившейся" династии, члены которой давно забыли о своем "подлом" происхождении, представляет собой яркий образец счастливой карьеры и быстрого восхождения по иерархической лестнице, начавшихся еще в Екатерининскую эпоху. Богатый прожигатель жизни и лощеный офицер в начале своей карьеры; приближенный ко двору сановник - в середине жизни; и просвещенный, скучающий вельможа, странствующий по Европе в поисках отдохновения и покоя и, наконец, обретший на чужбине, в Италии, вторую родину на

исходе лет - вот, основные вехи его жизни. В ней отражена главная линия эволюции потомков некогда отдававших всю свою незаурядную энергию заводскому делу уральских промышленников. Родился Николай Демидов 9 ноября 1773 г. После смерти отца, в 1788 г., ему было всего 15 лет, и заводским делом управляли за него некоторое время знатные опекуны - статс-секретарь Екатерины II А.В.Храповицкий и Н.Д.Дурново. Юный Демидов числился сержантом привилегированного лейб-гвардии Семеновского полка, но по дворянскому обычаю жил в родительском доме и "проходил науки" (30, с. 273). Всесильный князь Потемкин заинтересовался им и взял к себе адъютантом во время второй Русско-турецкой войны. С ним он, как предполагают, выехал в Яссы на переговоры о мире с Турцией. По некоторым сведениям, Николай Демидов сделал свой вклад в создание русской черноморской эскадры, построив и оснастив за свой счет фрегат (1, с. 364). В царствование Павла I имя молодого Демидова неоднократно упоминается в именных указах сумасбродного императора вместе с фамилиями придворной знати. Из камер-юнкеров Демидов был очень скоро пожалован в камергеры двора наследника престола, Великого князя Александра Павловича, что способствовало его дальнейшей придворной карьере. Николай Демидов, видимо, был ловким царедворцем, блестящим светским человеком, прекрасно умевшим использовать свои обширные придворные связи. При молодом императоре он становится гоф-маршалом двора и тайным советником. Так завершилось проникновение представителей рода Демидовых в святая святых российской знати - в дворцовое окружение, в избранный круг приближенных двора российских императоров.

От отца Николай Демидов получил громадное состояние - десять металлургических заводов, в том числе Нижне-Тагильский - один из крупнейших в России и 11 550 душ крестьян при заводах и вотчинах. Но в юные годы он славился расточительством и всевозможными выходками, поэтому над ним была учреждена опека (21, с. 207; 40, с. 86). В последние годы XVIII в. им были произведены типичные для знати того времени огромные траты: на личные расходы, на приданое сестрам (Екатерина вышла замуж за любимца Потемкина, известного острошлова, генерала от инфантерии С.Л.Львова; Мария - за обер-гофмейстера Д.Н.Дурново). Это привело к задолженности и к стремлению поправить дело новыми долгами, залогами или продажей деревень. В приданое он дал сестрам 300 тыс.

руб. деньгами и вотчинами, оцениваемыми в 600 тыс. руб., уплатил долги зятя - 162 тыс. руб. и после всех этих трат еще и просил о выдаче 500 тыс. руб. под залог заводов. Все эти расходы не соответствовали бережливости первых Демидовых, но вполне отвечали дворянским нравам екатерининского времени (30, с. 274). К концу XVIII в. Демидовы уже были знатными вельможами, близкими к императорскому двору. Их образ жизни ничем не отличался от стиля и манер петербургской знати, с которой Демидовых связывали самые разнообразные отношения: экономические, родственные и служебные. Как отмечают исследователи, “интенсификация в конце XVIII - начале XIX в. “одворянивания” заводчиков имела следствием рост непроизводительных расходов, тяжелым бременем ложившихся на все имение Демидовых, в том числе и на их заводы”. Так, бюджет 1794-1795 гг., более половины расходной части которого составляли личные траты заводладельца, был сведен с дефицитом в 612 тыс. руб. серебром. Доход за 1795 г. по предприятиям Н.Н. Демидова достигал 595,8 тыс. руб. (т.е. около 600 тыс. руб.), расход же определен в 1435,8 тыс. руб. Интересны его слагаемые. Свыше половины всего бюджета демидовского предприятия приходилось на “заводское содержание” и на караваны по доставке продукции заводов. Причем большие денежные средства должны возвращаться обратно на производство - особенность, которая отличала демидовский бюджет от бюджета крупных крепостных хозяйств, например, Шереметева (с доходом свыше 600 тыс. руб.), Куракина (около 600 тыс. руб.), не нуждавшихся в значительных вложениях. Несмотря на огромную прибыль демидовских предприятий, получаемую не в последнюю очередь за счет беспощадной эксплуатации заводских рабочих и приписных крестьян, по мере “одворянивания” Демидовых росли, как мы уже видели, траты непроизводительного характера, и личные расходы в 90-х годах поглощали всю прибыль, заставляя прибегать к займам. Задолженность достигла колоссальной суммы - 2 млн. руб. стоял вопрос о продаже Тагильских заводов. Была учреждена, как уже говорилось, опека над имуществом молодого Николая Никитича Демидова (22, с. 21; 30, с. 486). Выходом из создавшегося положения явился залог заводов в Заемном банке, продажа части вотчин, в частности, старейшей Фокинской вотчины, а также женитьба Н.Н.Демидова на наследнице огромного строгановского состояния, баронессе Елизавете Александровне Строгановой (в 1797 г.), присоединившей к капиталу мужа и часть громадных богатств ее рода.

Потомство тульского кузнеца впервые соединилось с потомством давних конкурентов своих на Урале и в Сибири - "именитых людей" Строгановых (22, с. 21; 40, с. 86). К этому же времени относятся и крупные изменения в методах управления обширным заводским и вотчинным хозяйством Демидовых. Еще при отце Николая Никитича управление и руководство хозяйством, как отмечают исследователи, явно бюрократизировалось, делопроизводство в главных конторах было поставлено по образцу казенных учреждений. Оставался лишь шаг, чтобы отделить собственнические функции от непосредственного управления предприятием. Это и было сделано уже к началу XIX в. представителем четвертого поколения Демидовых - Николаем Никитичем. Непосредственное руководство огромным демидовским хозяйством перешло к управляющим, заметно отличавшимся от приказчиков XVIII в. С начала XIX в. Демидовы подолгу жили за границей, лишь получая огромные доходы со своих заводов и деревень (30, с. 274). Начало нового века ознаменовалось и значительным ростом вотчинного землевладения Демидовых в европейской части страны. Приобретение новых вотчин в Звенигородском, Верейском, Богородском уездах Подмосковья, куда была перенесена загородная резиденция Демидовых, было связано с завершением процесса "одворянивания" заводоладельцев. Уже с начала XIX в. население этих вотчин, обслуживавшее самые разнообразные нужды и прихоти владельцев (начиная от содержания господских домов и конюшен до устройства театров и оркестра роговой музыки), было переведено с барщины на оброк. Значительно увеличилась и численность дворовых. Дворянское предпринимательство Демидовых выразилось в расширении барской запашки в их европейских вотчинах, освоении там новых сельскохозяйственных культур и развитии животноводства (в том числе овцеводства и коневодства). Кроме того, в начале XIX в. в Херсонской губернии Н.Н.Демидов приобрел земли и основал образцовые экономии "Заводовка" и "Демидовка". Там проводились опыты по выращиванию племенного скота и производству винограда, сажались тутовые и оливковые деревья, была построена суконная фабрика (22, с. 20, 21). Как видим, после "грехов" своей молодости, опеки и удачной женитьбы, Н.Н.Демидов с годами остепенился и вспомнил о некоторых давних традициях предприимчивости, накопительства и бережливости своих предков. Многие современники отмечали, что в зрелые годы он переменил прежнее

поведение, стал очень бережлив в расходах, искусно управляя своими делами не только в России, но и в Европе, и даже в Америке. Сохраняя традиции рода Демидовых, он обращал большое внимание на горное дело, вводил появившиеся технические усовершенствования (21, с. 208; 40, с. 87). Не ограничиваясь традиционной торговлей с заграницей металлом (спрос на который в первой половине XIX в. резко упал), Н.Н.Демидов принимал участие в торговых операциях по продаже сельскохозяйственной продукции, в том числе из своих заводских вотчин, через порты Черного моря, для чего построил шесть морских судов. На Тагильских заводах по его распоряжению были устроены конный завод и “опытный хутор”, где была выведена местная порода молочного скота. В эти же годы в уральских владениях Демидова появились разнообразные производства, не имеющие отношения к металлургическому: “полуфаянсовая” фабрика, стеклянный завод, литография; он также пытался открыть специальную “подносную фабрику” при Нижне-Тагильском заводе (22, с. 21-22).

Хотя Н.Н.Демидов посетил свои уральские заводы только раз (в 1806 г.) и провел там всего несколько месяцев, он сумел достаточно глубоко вникнуть в заводское хозяйство. Тесную связь с заводами он сохранил и в дальнейшем. Большая часть жизни его прошла за границей, однако советы и “повеления”, которыми наполнена обширная переписка Н.Н.Демидова с конторами, приказчиками и служащими, направляла весь ход заводских дел. Он осуществил переориентацию производства заводов с внешнего на внутренний рынок, активно поддержал новые высокодоходные отрасли заводского хозяйства - медного и приискового “дела”. Именно при нем в Нижне-Тагильском округе были открыты богатейшие месторождения золота и платины и начата их разработка (22, с. 31; 29, с. 171). Н.Н.Демидов поощрял подготовку из крепостных служащих квалифицированных специалистов, сыгравших большую роль в техническом прогрессе на Тагильских заводах. Однако и в этом случае он оставался помещиком-заводчиком, уверенным в праве распоряжаться судьбами и жизнью “своих” специалистов. “Все зависит единственно от собственной моей воли, а не от приказчиков распоряжения”, - напоминал он своим тагильским служащим в 1797 г. Он управлял Тагильскими заводами лично вплоть до самой смерти. “Контора моя, и все мое, и я могу располагать всем как желаю”, - говорилось в “ордере” Н.Н.Демидова его петербургской конторе от 19

ноября 1813 г. “Он воображает, писал Демидов о талантливом крепостном инженере Ф.И.Швецове, получившем высшее образование во Франции, - что его в Москве экзаменуют, и чрез оное он получит отпускную. Пусть льстит себя тщетной надеждою. Баженов и его товарищ, кажется Арефьев, могли быть приняты академиками, но как я на оное не был согласен, то остались в моем владении” (22, с. 31-32).

При Н.Н.Демидове продолжались покупки и новых вотчин. За счет покупки и переводов крепостных крестьян почти вдвое увеличилось население демидовских “экономий” в Херсонской губернии. Был куплен земельный участок в Крыму (в районе Симферополя). Только за четыре года (1824-1828 гг.) были куплены вотчины в семи уездах Рязанской, Новгородской и Черниговской губерний с населением 9694 душ. Это был и резерв рабочей силы для заводского хозяйства. К 1824 г. общая земельная площадь “европейских” вотчин Демидовых вместе с колониями составляла 25 770,9 десятин, что однако, было значительно меньше размеров их заводских “латифундий” на Урале (636 430 десятин), а население вотчин возросло с 4303 душ в 1816 г. до 14 042 душ в 1834 г. т.е. в 3,3 раза (22, с. 22-23).

С началом нового столетия начинается и новый этап истории рода Демидовых. Благодаря их успешному проникновению в самые высшие аристократические круги для них открылись новые возможности поправить и приумножить состояния, воспользовавшись обычной практикой титулованных семей, - с помощью династических браков. Но даже это далеко не всегда покрывало громадные убытки увязавших в роскоши и мотовстве членов нового поколения клана Демидовых. Уровень их непроизводительных расходов оставался высоким, хотя вплоть до 40-х годов XIX в. он во многом компенсировался доходами от хозяйства, в первую очередь от золотых и серебряных приисков, разработки платиновых месторождений. Убытки маскировались также измененной системой бухгалтерского учета (22, с. 21). Отмечавшееся некоторое сокращение расходов на подмосковные вотчины и содержание господских домов в Петербурге и Москве объяснялось в первую очередь переносом главной резиденции Демидовых из России в Италию (22, с. 21). В 20-е годы он купил дома во Флоренции, имение “Лимони” близ Ливорно, а также княжество Сан-Дonato, о чем речь впереди.

В это же время в жизненные пути и судьбы Демидовых все более властно вторгались новые интересы. Наиболее яркие из них - благотворительность и меценатство, стремление служить на ниве культуры и просвещения, причем не только русской, но и европейской. Они становятся "русскими европейцами". Их развитие происходит на перекрестке русской и мировой культуры. Деятельность Демидовых на этом новом поприще, осуществляемая с такой же целеустремленностью, с какой первые Демидовы осваивали неизведанные богатства Урала и Сибири и открывали новые горизонты на границе с Азией, становится одним из мостов, все более прочно связывающих русскую культурную жизнь с европейской. Она содействовала вхождению российской, пока лишь дворянской, образованной элиты в европейское сообщество. "Русское зарубежье" имеет давние корни и один из самых ярких примеров этого - история благотворительной и меценатской деятельности Демидовых в Италии и Франции, начало которой положил Николай Никитич Демидов.

Склонность к благотворительности он проявлял с молодости. Традиции Екатерининской эпохи, да и родовые традиции не остались без отклика в его душе. Колоссальное состояние позволило ему стать одним из виднейших благотворителей и меценатов своего времени. В 1807 г. он пожертвовал дом в пользу Гатчинского сиротского института, а в Отечественную войну 1812 г. продолжил традицию Демидовых помогать государству в годину бедствий и военных испытаний, оснастив на свои средства амуницией и снаряжением целый полк, названный "Демидовским". Он содержал его до конца военных действий. Сразу после войны он, продолжая традицию своих предшественников, передает безвозмездно Московскому университету взамен коллекции его дяди, П.Г.Демидова, сгоревшей в пожаре 1812 г., собственную коллекцию из 3 тыс. минералов (в 14 шкафах было 1250 минералов, 1450 экзотических раковин, 250 чучел животных), положившую начало новому университетскому музею естественной истории. В том же году он строит в Петербурге четыре чугунных моста. Живя с 1815 г. почти постоянно в Италии, Н.Н.Демидов, однако, не оставлял благотворительной деятельности в России. В 1819 г. он пожертвовал 100 тыс. руб. на нужды инвалидов, в 1824 г. выделил 50 тыс. руб. на раздачу беднякам по случаю наводнения в Петербурге, а в 1825 г. - 100 тыс. руб. и собственный дом для "Дома трудолюбия" (1, с. 364).

Имея слабое здоровье, Николай Никитич проживал в основном за границей, более всего во Флоренции. Вначале он жил в Риме, но в этом городе чувствовал себя стесненным чуждыми для него ограничениями, которые накладывала папская власть. В 1819 г. Демидов с семьей переехал в Тоскану с ее более свободным образом жизни. О столкновениях Николая Никитича с папской администрацией сообщает Стендаль в своих очерках “Прогулки по Риму”. В них он приводит сведения, из которых следует, что богатый меценат намеревался произвести за свой счет грандиозные раскопки Римского форума, но это намерение осталось неосуществленным из-за переезда в Тоскану (55, с. 148-149, 242, 248). С этого момента Флоренция и Тосканская область становятся фактически его постоянным местожительством, вторым отечеством. Согласно большинству биографических сведений, он занимал там должность российского посланника или поверенного при Тосканском дворе. Современный исследователь итальянского периода жизни Демидовых, ссылаясь на новейшие данные, считает это утверждение неверным. Русским послом во Флоренции в то время, после отставки в 1819 г. генерала Н.Ф.Хитрово, был А.Я.Италинский - глава русской миссии при папском дворе (18, с. 114). Тем не менее можно говорить, что Н.Н.Демидов был посланником России в другом, более высоком смысле, относящемся к широте и щедрости национального русского характера. И в этом качестве он приобрел среди итальянцев широкую известность и популярность, положив начало исключительной по масштабам благотворительной и меценатской деятельности Демидовых в Италии. Надо сказать, что память об этой деятельности Демидовых на Аппенинах сохраняется и поныне, вызывая значительный интерес и у современных итальянских исследователей, посвятивших ей, особенно в последние годы, ряд специальных работ.

Говоря о роли Демидовых в истории русско-итальянских связей, отмечает историк Ю.П.Глушакова, “нужно иметь в виду их широкую благотворительную деятельность в Италии вообще, строительство бесплатных школ, больниц, вспомоществование бедным, а не только культурные инициативы” (18, с. 107). Неведомый для итальянцев того времени размах этой благотворительности вызывал у них изумление. Такая щедрость была для них внове. По приезде во Флоренцию Николай Никитич основал по русской духовной традиции приют для сирых и престарелых (приют Демидова), неподалеку от палатцо Серрристори на набережной реки

Арно, где первое время жил он сам. На содержание приюта, а позднее и школы при нем он выделил особый капитал. В здании приюта и в наше время располагается детское учреждение, а фасад его украшен горельефным изображением Николая Никитича. Вблизи этого огромного здания, на площади, названной Демидовской, благодарные флорентийцы поставили белую мраморную статую благотворителя (выполненную в 1871 г. по заказу Анатолия Демидова скульптором Лоренцо Бартолини), которая изображает его одетым в римскую тогу и обнимающим ребенка. Памятник живописно возвышается на набережной р. Арно (18. с. 110; 40, с. 87). Не меньше, чем щедрая благотворительность, восхищала экспансивных итальянцев меценатская деятельность Николая Демидова, тесно связанная с коллекционированием им произведений искусства. Его художественное собрание положило начало великолепной картинной галерее Демидовых. Приобретаемые им произведения великих мастеров украшали стены палаццо Серрестори, потом виллы Сан-Дonato и Пратолино. В Италии меценат оказывал широкое гостеприимство и покровительство русским художникам, приезжавшим в эту страну. Он не раз бывал в римской мастерской художника-пейзажиста Федора Матвеева и заказал ему четыре картины с видами Флоренции, Рима, Неаполя и озера Аньяно. Другой известный русский мастер романтического пейзажа, Сильвестр Шедрин, в письме из Рима от 15 декабря 1821 г. сообщал, что Николай Никитич обошел в те дни все мастерские отечественных художников, скульпторов и архитекторов, работавших в Италии. Заказов он, однако, в этот раз не сделал. Ни один из художников не соответствовал его весьма требовательным вкусам (63, с. 172). Демидов был уже известен к тому времени не только как щедрый меценат, но и как тонкий ценитель прекрасного, основатель школы архитектуры, живописи и скульптуры в Петербурге, для которой заказывал в Италии копии античных статуй и ватиканских музеев. Не забывая в своем далеке он и “родные пенаты”. Еще в 1806 г. в сердце заводского Урала - в Нижнем Тагиле - он основал художественное училище, которое постоянно поддерживал. Из его стен вышли целые династии местных художников: Худояровых, Дубасниковых, Перезоловых. В его время всходит звезда выдающегося уральского литейщика Федора Звездина, работы художественного литья которого вызовут позднее восторг на промышленных выставках в Москве (1833), Перми (1837), Петербурге (1839). В Нижнем Тагиле

постепенно накапливаются, как и в Петербурге и в далекой Флоренции, крупные художественные коллекции: мраморные бюсты Николая Демидова работы Кановы и Тадолини, бюсты Наполеона, Шиллера, Гёте, копии греческих скульптур, портрет А.К. Демидовой-Карамзиной (урожденной баронессы Шернваль) кисти К. Брюллова и др. (36, с. 12-14). В это же время заполняются художественными работами роскошные дворцы Демидовых в Петербурге и Москве, их заграничные имения во Франции и Италии. На них тратились, так же как и на широко развернувшуюся в эти десятилетия благотворительную деятельность, огромные средства, добытые тяжелым трудом рабочих Тагильских заводов и крепостных демидовских вотчин. Именно их труд обеспечивал похожую на сказочный “сон в летнюю ночь” волшебную шекспировскую атмосферу праздника искусств, царившую в итальянских виллах Демидовых, и прежде всего в самой известной из них - имении “Сан-Дonato”.

С этим поместьем связана одна из самых увлекательных историй (более похожая на легенду), в жизни Николая Демидова, и без того насыщенной событиями. Вот как передает ее одна из хроник пребывания Демидовых в Италии, составленная их биографами. В начале XIX столетия русский богач, избалованный, скучающий, преследуемый тяжелой бессонницей, путешествовал по Италии и на время поселился во Флоренции, во дворце Серистори. Однажды ночью, томимый мрачной меланхолией, он катался по окрестностям города и, свернув с “шумной Пистоэзской дороги”, заехал в расположенный недалеко от нее уединенный монастырь. Это было аббатство Сан-Дonato, притаившееся под сенью вековых кипарисов. Вокруг него лежали поля долины Арно, а на горизонте виднелись Апеннины, у подножий которых были рассыпаны виллы и старинные замки. Тихая обитель, дремлющая в мягком, благоуханном вечернем воздухе, показалась ему убежищем от мук, преследующих его. Больному воображению путешественника мерещилось, что только тут, под сенью темной церкви, с ее высокой прозрачной колокольной, сквозь которую проглядывают лучи огромной южной луны, к нему вернутся сон и успокоение. Он обратился к настоятелю с просьбой дать ему ночлег. Старый монах отговаривался нищетой своей сельской обители, но богатый иностранец настоял на своем и провел ночь в убогом монастырском помещении для странников. Предчувствие его не обмануло: на него слетел желанный крепкий сон.

Богатый незнакомец был владелиц уральских заводов Николай Никитич Демидов (49, с. 1-2).

Никакая жертва теперь не казалась ему чрезмерной. С большим трудом и за большие деньги он купил у монахов участок благословенной земли, и, как по волшебству, вырос дом подле монастырского здания, разведен сад, высажены редкие деревья, яркие цветы. Но в этом раю неожиданно поднял голову змей раздора. Беспощадная коварная борьба была затеяна против иностранца учениками святого аббата. Монахи, согласившись на продажу, ослепленные ценой, полученной за часть их владений, смотрели на вынужденное соседство “еретика” как на посягательство на их священную собственность. Они начали ряд преследований и домогательств и вели их со всей утонченной хитростью. Демидову приходилось откупаться от монахов все новыми подаяниями. Одна из тысяч каверз особенно раздражала больного “графа Николо” - необъяснимая гибель особенно любимых им растений. Наконец выяснилось, что монахи, мастера в химических составах, по ночам осыпали и обливали растения ядовитыми веществами. Обладатель виллы, положение которого становилось невыносимым, предложил громадную сумму за самый монастырь. Ему было отказано наотрез. Не увенчались успехом и все усилия по примирению. Тогда Демидов решил на крайнюю меру: он выстроил вплотную к монастырю “брандмауэр” таких размеров, что отнял у него столь необходимый зимой в Италии солнечный свет. Монастырь оказался как бы на дне колодца. Оставшись в потемках и сырости, монахи сдались, продали свое аббатство и разбрелись по другим монастырям, рассказывая “чудовищную легенду” про захват своей обители (49, с. 3-4). После их отъезда, пишет хроникер, “начался разгул широкого русского хозяйства”; вилла расширилась и, поглотив старые монастырские здания, преобразилась в настоящий дворец. Сооружались залы и монументальные лестницы, разукрашенные мозаиками, золото уральских руд покрывало густыми слоями потолок вестибюля. Вечно мнительный, хилый “Николо” не покидал более Италии и окончил свой век “грустно и болезненно”. Если верить домашним рассказам, то и умственные его способности перед смертью помрачились: он будто бы содержал двух молодых девушек единственно для того, чтобы нагревать ему каждый вечер постель перед сном, убежденный, что такое “натуральное” согревание гораздо полезнее искусственного для его здоровья. Он не успел завершить начатых построек, и его сын ,

Анатолий, “поставил им последний камень, о чем свидетельствует на мраморе надпись“ при парадном входе дворца: “1 ноября 1844 г.. арх. Николо Матиас” (49, с. 4-5). Скончался богатый меценат 22 апреля 1828 г. во Флоренции. Его супруга умерла за десять лет до этого, в 1818 г. в Париже. Двум сыновьям своим он оставил громадное богатство, увеличенное вдвое по сравнению с полученным им самим (21, с. 208). Если от отца Н.Н.Демидов получил вотчины в пяти губерниях России, то своим сыновьям, Павлу и Анатолию, он оставил вотчины уже в восьми губерниях, разделенные на две части: 4852 души - у А.Н.Демидова и 5423 души - у П.Н.Демидова. Особо были выделены в “раздельном акте” Нижне-Тагильские заводы со всей их продукцией и торговыми конторами (“продажами”). Наряду с экономиями в Херсонской губернии, имением “Кастропуло” в Крыму и земельным участком в Калужской губернии они были оставлены в общем “нераздельном пользовании” обоих наследников (22, с. 23-24).

Сыновья Николая Никитича в гораздо меньшей степени уделяли личное внимание управлению обширным демидовским хозяйством, передоверив его сравнительно хорошо отлаженной отцом системе управляющих. “Тагильские Демидовы, - отмечает в этой связи исследователь, - по-прежнему ощущали себя в первую очередь заводчиками. Однако если еще в первой четверти XIX в., при Н.Н.Демидове, они осуществляли управление своими заводами лично, то в дальнейшем предпочитали передавать эти функции своей администрации, довольствуясь ролью главных распорядителей и потребителей, получавших с заводов доходы” (22, с. 24). Впоследствии сыновья Николая Никитича, в отличие от отца, утратили непосредственную связь с заводами и даже со своими столичными конторами. Все реже бывая не только на Урале, но и в России и сознавая свою некомпетентность в технических и финансовых вопросах, они фактически устранились от личного участия в управлении заводами, передав свои права доверенным лицам из своего ближайшего окружения (22, с. 32).

В гораздо большей степени Павел и Анатолий прославились своей благотворительностью и меценатством. Нерастраченное родовое состояние позволило им с блеском продолжить давние традиции семейства в этой области. Старший из братьев, Павел Николаевич, родившийся 6 августа 1798 г. был, так же как и отец, близок ко двору, имел придворные звания камергера и егермейстера императорского двора. Воспитание и образование он получил в

Париже, в лицее Наполеона (3, с. 227). С 1812 по 1826 г. служил в русской армии, а в 1831 г. был назначен гражданским губернатором в Курской губернии. В этой должности он пребывал несколько лет и прослыл благотворителем края. Во время холеры 1831 г. в Курске он построил четыре больницы, пожертвовал 10 тыс. руб. беднякам города и 3 тыс. загородным слободам. В 1834 г. за свой счет воздвиг памятник поэту Богдановичу. Он учредил в Петербурге детскую больницу, внося вместе с братом Анатолием особый капитал. Если первая в Европе детская больница была основана в Париже на средства правительства, то вторая - в Петербурге - на пожертвования братьев Демидовых (21, с. 233; 40, с. 88-89). Кроме того, Павел Николаевич делал крупные пожертвования в комитет инвалидов, в приют для бедных, в общество садоводства и др. (10, с. 211; 34, с. 183). Но наиболее громкую известность он получил в качестве учредителя ежегодных "Демидовских премий" Российской академии наук. Владея громадным богатством, Павел Николаевич начиная с 1831 г. до своей смерти ежегодно в день рождения покойного императора Александра I (17 апреля) вносил в Академию наук по 20 тыс. руб. ассигнациями (или 5714 руб. серебром) "на награды за лучшие по разным частям сочинения в России" и по 5 тыс. руб. "на издание увенчанных академией рукописных творений". Кроме того, он распорядился выдавать такие же суммы в течение 25 лет после своей смерти. Таким образом, общая сумма, назначенная для этой цели, составляла почти 900 тыс. руб. ассигнациями. Сам император Николай I высоко оценил этот почин и на докладе ему об этом написал: "Объявить особое благоволение". "Демидовские премии" (такое название они получили) назначались Академией наук по всем отраслям знаний и существуют до наших дней. По положению о премиях они подразделялись на "полные" награды и второстепенные; первые - по 5 тыс. руб., вторые - по 2,5 тыс. руб. Среди награжденных премиями в разные годы были известные в научном мире России и за ее пределами имена. Так, в 1833 г. получили премии крупный лингвист Востоков - за учебник русской грамматики; известный историк Устрялов - за труд "Сказания князя Курбского"; в 1836 г. - писатель и историк Михайлов-Данилевский - за "Записки о походе 1813 г." и выдающийся мореплавателю Литке - за книгу "Путешествие вокруг света"; в 1837 г. - другой знаменитый мореплавателю, Крузенштерну, - за картографический труд "Дополнения к изданным в 1826 и 1827 гг. объяснениями, послужившим составлению Атласа Южного моря", а

также известный публицист и литератор Шевырев - за книгу "История поэзии"; в 1840 г. - историк Погодин - за исследование "Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей", физик Якоби - за работу "Гавльванопластика"; в 1841 г. - знаменитый Пирогов - за труд "Хирургическая анатомия"; в 1849 г. - математик Чебышев - за "Теорию сравнений"; в 1850 г. - будущий военный министр Д.А.Милютин - за труд "Военная статистика"; в 1859 г. -И.С.Аксаков за исследование о торговле на украинских ярмарках; в 1861 г. - Менделеев - за книгу "Органическая химия" и т.д. (21, с. 231-238). Этот список славных имен можно продолжать бесконечно. Но и так ясно, что в нем собран цвет российской науки. И многие из этих имен получили признание, всероссийскую и мировую известность не в малой степени благодаря выдающейся инициативе Павла Николаевича Демидова.

Он, как и его отец, слыл человеком, тянувшимся к культуре, ценителем прекрасного. Богатый меценат увлекался античной археологией, был почетным членом не только императорской Петербургской академии наук, но и академий наук и искусств в Ареццо и Сиене (Италия). По его заказу в 1838 г. был издан с посвящением ему один из лучших путеводителей по Риму того времени. Составлен он был Антонио Нибби, сопровождавшим П.Н.Демидова во время осмотра римских античных памятников. Путеводителем, по словам историка Ю.П.Глушаковой, пользовался и высоко ценил его Н.В.Гоголь - большой ценитель и знаток римского и итальянского искусства (18, с. 117). П.Н. Демидов состоял в браке с известной светской красавицей баронессой Авророй Карловной Шернваль, входившей, с родственниками, в близкое окружение А.С.Пушкина. В Нижне-Тагильском музее есть ее портрет кисти Брюллова, великолепно передающий ее красоту (36, с. 12). Дом супругов в Москве, в Газетном переулке, купленный еще в 1821 г. у купца Д.Д.Лаврова, был одним из очагов московской культурной жизни и всегда был открыт для литераторов, художников, ученых (10, с. 211). 25 марта (6 апреля) 1840 г. (по другим сведениям - в 1841 г.) (1, с. 364) Павел Николаевич безвременно скончался в Майнце, в Германии, оставив Аврору Шернваль с годовалым сыном на руках (18, с. 117; 45, с. 41). Через шесть лет она вторично вышла замуж за сына историка Карамзина, Андрея Николаевича - человека высокообразованного, в молодости - друга поэта М.Ю.Лермонтова. Он стал опекуном малолетнего П.П.Демидова и многое сделал для

развития горных уральских заводов, находившихся в его управлении. В Нижнем Тагиле А.Н.Карамзину поставлен массивный чугунный памятник. В 1854 г. он ушел добровольцем на Русско-Турецкую войну и погиб в сражении в Валахии в возрасте 40 лет. Аврора Демидова-Шернваль вновь овдовела и более уже не выходила замуж. Она дожила до глубокой старости и умерла в 1902 г., в возрасте 94 лет. С ее именем связаны бесценные документальные находки, проливающие новый свет на последние годы жизни и обстоятельства смерти Пушкина. Считают, что именно благодаря Авроре в Нижний Тагил попали хранившиеся у нее документы и письма Карамзинского архива, открытие части которых уже в наше время стало событием в истории пушкинистики. Так называемая “тагильская находка”, включающая письма сестер, братьев и матери А.Н. Карамзина ему, когда он путешествовал по Европе в 1836-1837 гг., содержала немало совершенно новых фактов о последних месяцах жизни Пушкина и его смерти, которые вызвали сенсацию среди пушкинистов (44).

Особенно широкую известность своим расточительным образом жизни, оригинальными поступками и меценатством получил младший из братьев Демидовых - Анатолий Николаевич. Он представлял собой полную противоположность своим предками - первым Демидовым. Если они были “люди с определенным мирозерцанием, упорно стремились к цели - приобретению богатств и развитию горного дела”, то он брался за всевозможные дела, “чтобы заглушить свое разочарование жизнью”, и умер измученным, неудовлетворенным. Предки “крепко сидели на своих заводах и копили капиталы”; он исколесил “вдоль и поперек Европу”, тратил “щедрою рукою миллионы”. Предки “были чистокровными русскими людьми”, Анатолий, князь Сан-Дonato “был мужем родной племянницы Наполеона I” (40, с. 85). При всем том, молодой Демидов, как отмечают многие современники, был одаренной, сильной натурой - “физически мощная фигура, не похожая на угнетенного ипохондрий, дряхлого отца. Он и душой был недюжинный человек, с большим характером и своеобразным умом” (49, с. 5). Однако атмосфера вседозволенности и раболепия, с детства окружавшая его, несомненно наложила свою печать на судьбу этого по своему незаурядного человека.

Анатолий Демидов родился во Флоренции в 1812 г. (по некоторым сведениям - в Москве в 1813 г.) (45, с. 44), воспитывался в Париже под руководством патера Брандта, получил блестящее

образование, знал толк в искусствах, говорил на многих языках, кроме русского, который он очень плохо знал (40, с. 87; 45, с. 44). После смерти отца в 1830 г. юный Демидов вернулся на некоторое время в Россию. При вступлении в совершеннолетие он пожертвовал полмиллиона рублей на учреждение в Петербурге “Демидовского дома призрения трудящихся”, а затем еще 500 тыс. руб. на устройство больницы в Москве - одно из многих других пожертвований в пользу благотворительных учреждений. За свои пожертвования он был пожалован в камергеры и причислен к русскому посольству в Вене (45, с. 44). До этого он состоял при русских посольствах в Париже и в Риме (3, с. 211). Впрочем, служил он в российском МИДе недолго и вскоре бросил службу, успев получить - то ли за служебные заслуги, то ли за громадные пожертвования - чин действительного статского советника. Он был назначен также императором Николаем I потомственным попечителем Петербургской детской больницы, за которую выложил вместе с братом Павлом Николаевичем 200 тыс. руб. (1, с. 365; 40, с. 89). Надо сказать, что в этот период молодого Анатолия Демидова, воспитанного на чужбине, тянуло к родным пределам, его обуревали различные грандиозные проекты, которые как он полагал, могли быть полезны его далекой родине. Так, он перевез в Россию многие ценнейшие коллекции отца, собранные в Италии (собрания картин, мраморных скульптур, бронзы и других редкостей), чтобы разместить их в Петербурге. Собрание было так велико, предметов так много, что их привезли в столицу на двух кораблях. Для размещения коллекций в 1833 г. на Васильевском острове было заложено особое здание, так как все собранное Демидовыми в Италии не могло поместиться в обыкновенном доме. Анатолий преумножил собрание новыми бесчисленными приобретениями. В коллекции были и единственные в мире по величине (один в 24 фунта) и чрезвычайно редкие самородки платины, стоившие громадных денег; был в ней и найденный в “дачах” Нижне-Тагильского завода в это время особый минерал, названный в честь владельца завода “Демидовит” (21, с. 239; 29, с. 172; 40, с. 88).

Среди картин, привезенных Демидовым из Италии в Россию, выделялась знаменитая картина Карла Брюллова “Последний день Помпеи”. Это было время “романтизма” и пылкий меценат оказывал, как и отец, большое покровительство русским художникам, оказавшимся на итальянской земле. С его именем связан подлинный

триумф в Европе, особенно в Италии, этой гениальной картины, о которой с таким восхищением сказал Н.В.Гоголь: “Картина Брюллова - одно из ярких явлений XIX века. Это - светлое Воскресение живописи”... Она “может назваться полным, всемирным творением” (19, с. 75, 77). На молодого К.Брюллова, приехавшего в Италию в 1823 г., обратил внимание еще отец А.Н.Демидова. Однако первоначально заказ на картину о гибели Помпеи был сделан графиней Разумовской. Лишь впоследствии, в 1829 г., молодой меценат перехватил заказ на картину, заключив с Брюлловым письменный договор. В 1830 г. горячий покровитель чуть было не порвал его, когда Брюллов нарушил сроки исполнения заказа, но потом, остыв, продлил срок действия контракта. Более того, он очень многое сделал для популяризации картины как за границей, так и в России. Картина Брюллова после завершения была показана в 1833 г. сначала в Риме, а затем на Миланской выставке, вызвав волну восторга по всей Италии. Известный художник, князь Г.Г.Гагарин, отец которого был в то время послом в Риме, вспоминал: “Успех картины “Гибель Помпеи” был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художников. Это великое произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм. Города, где картина была выставлена, устраивали художнику торжественные приемы; ему посвящали стихотворения, его носили по улицам с музыкой. цветами и факелами... Везде его принимали с почетом как общеизвестного, торжествующего гения, всеми понятого и оцененного (13, с. 97). После Италии картина была показана в Париже, а затем в 1834 г. отправлена в Петербург, где Демидов преподнес ее в качестве своего дара императору Николаю I. Огромную раму для полотна Демидов на свои средства приобрел в Париже. Широкая европейская публика итальянская и французская, практически впервые открыла для себя представленное с таким блеском русское искусство. По своему значению триумф картины К.Брюллова в Риме, а затем в Париже, бывших тогда столицами художественного мира, можно сравнить только с Дягилевскими выставками и сезонами русского искусства за границей в начале следующего столетия. Успех Брюллова проложил дорогу к признанию в Европе многим другим молодым художникам из России. И немалую долю “вины” в этом торжестве русского искусства нужно отнести к щедрому меценатству Анатолия Демидова. Благодаря ему, отмечают исследователи, русское искусство прогремело не только в лице брюлловской “Помпеи”, но и по сей

день представлено во флорентийских музеях. В музее современного искусства в Палаццо Патти экспонируется и в наши дни огромный парадный портрет А.Н.Демидова кисти Брюллова, подаренный в 1869 г. принцем Кара Георгиевичем - внуком Павла Павловича Демидова (18, с. 116-117).

Большое впечатление на современников произвела организация А.Демидовым на свои средства в 1837 г. крупной научной экспедиции для изучения южной России и Крыма, в которой приняли участие 22 человека, в том числе несколько выдающихся ученых и художников во главе со знаменитым профессором горной Парижской школы Ле-Пле. Энергичный молодой заводоладелец сам принял в ней личное участие, в чем проявилась его горячая заинтересованность в эти годы в развитии горного дела в родном отечестве. Живое участие принял в экспедиции и еще один выдающийся русский меценат и родственник Демидовых, граф С.Г.Строганов, бывший большим знатоком горного дела (3, с. 212; 21, с. 241; 31, с. 17). Результаты этой одной из первых научных экспедиций, предсказавшей блестящее будущее русской горно-заводской промышленности, были опубликованы в 1838 г. во Франции, в великолепно изданном на средства Демидова обзоре путешествия в четырех томах. Издание было иллюстрировано рисунками художника Реффета и снабжено альбомом с 78 видами и 95 изображениями естественноисторических предметов. Издание было посвящено императору Николаю Павловичу. В 1854 г. по инициативе Демидова в Москве был издан и русский перевод описания путешествия (проф. Г.Е.Щуровского) с атласом географических карт и помещенной в приложении книгой Ле-Пле "Исследование каменноугольного донецкого бассейна, произведенное в 1837-1839 гг. по распоряжению А.Н.Демидова". Молодой меценат дал также средства на путешествие по России французского художника Дюрана (1837), составившего и издавшего в Париже альбом видов. Кроме того, Демидовым были изданы на французском языке в Париже: "Очерк путешествий в южную Россию и Крым в 1837 г." (1838); "Крым", князя Анатолия Демидова, с рисунками Реффета (1855); письма о России (1840). Последние Демидов опубликовал под псевдонимом Ni-Tag (т.е. Нижне-Тагильский) (21, с. 241). Побывал Анатолий Демидов в эти годы и на Урале. К этому времени относится постройка великолепного господского дома Демидовых в Нижнем Тагиле талантливым архитектором А.П.Чеботаревым - сыном

крепостного. Здесь постепенно складывается постоянно пополняемая ценная художественная коллекция, в которой можно было увидеть мраморные бюсты Николая Демидова работы Кановы и Тадолини, Анатолия Демидова - скульптора Дантана, бюсты Шиллера, Гёте, Наполеона, произведения местных художников. В 1834 г. на Нижне-Тагильском заводе были отлиты рельсы для устройства Черепановской железной дороги. Однако уже в это время проявляются многие дурные наклонности и свойства характера молодого Демидова. Более всего он прославился на Урале своими "охотами-монстрами" и "гомерическими попойками" (36, с. 14; 40, с. 87).

Немалую известность этими попойками приобрел Демидов и за границей, куда он вскоре отбыл из России, промелькнув "блестящим метеором на тусклом фоне русской жизни" николаевского времени и щедро "рассыпая свое золото" (40, с. 85). Уже через несколько лет после его отъезда российский императорский двор в лице императора Николая I отвернется от слишком пылкого, романтического и своевольного потомка уральских магнатов. Эта немилость во многом была связана с интригующей женитьбой "Анатоля", о которой ходили самые невероятные слухи и в России, и по всей Европе, и которая сыграла роковую роль в его последующей судьбе.

Европейская жизнь молодого богача была целиком заполнена претворением в жизнь различных его амбициозных планов и проектов, зачастую не слишком продуманных и быстро сменявших друг друга, на которые он тратил громадные средства. В его руках Сан-Дonato, пишет безвестный биограф, "возросло в какое-то чудо роскоши и артистического достоинства". Галереи наполнились произведениями знаменитых художников предыдущих веков, современные знаменитости украсили жилые помещения; образовались коллекции, которые могли бы соперничать с главными европейскими музеями; знаменитые выстроенные им оранжереи и теплицы влекли к себе специалистов, наезжавших со всех краев света изучать их. Эти оранжереи, снаружи похожие на хрустальные дворцы, казались внутри сбывшимся сновидением цветочного рая. Целый зверинец, в том числе тигры и львы, содержался в поместье для его потехи. Как древний языческий бог Перун, катался он по своим садам, перед своей бесчисленной, трепещущей итальянской челядью на лихой русской тройке. Пир следовал за пиром, ночью музыка и песни звучали в садах, освещенных волшебными огнями. А на утро,

ежедневно, экзотические цветы отсылались в дар флорентийским светским красавицам (49, с. 6). В 1840 г. Демидов осуществил свою давнюю мечту стать аристократом. Великий герцог Тосканский пожаловал ему за его крупные пожертвования на нужды Флоренции титул князя Сан-Донато, который позднее был подтвержден итальянским королем (31, с. 17; 45, с. 45). Впоследствии Анатолий окажет своему приятелю, герцогу, ответную услугу: во время народного восстания во Флоренции купит для него, не имевшего в то время под рукой наличных средств, целый пароход, чтобы спасти его от гнева восставших, на котором герцог и уплыл (40, с. 90). Княжеский титул новоиспеченного итальянского аристократа, правда, не был признан в России. Однажды Анатолий приехал к нашему посланнику во Флоренции и, не застав его, оставил свою визитную карточку, где он именовался князем. Посланник потребовал у него доказательств на княжеский титул. Анатолий ответил резким письмом, которое посланник доложил Николаю I. Недолюбливавший Анатолия император сказал: “Ну и пусть только там он будет князем!” (40, с. 91). Получив княжеский титул, Демидов, как истый владетельный князь, завел свою гвардию (2 или 3 тысячи человек), одетую в особые роскошные мундиры. Из Флоренции в Сан-Донато специально ходили дилижансы, чтобы смотреть новоиспеченного князя, его роскошную виллу и сады (40, с. 89-90).

Но к “Анатолю” пришло уже новое увлечение, порожденное не только страстью, но и непомерными амбициями. Честолюбивые замыслы влекли его все дальше и дальше, приближая к жизненной катастрофе. Он был одержим мечтой о женитьбе на принцессе из наполеоновского императорского дома. Его избранницей была юная графиня Матильда де Монфор. И неизвестно, чего больше в этих планах - искренней любви или необузданного, не ведавшего пределов честолюбия. “Когда Анатолий Демидов задумал жениться, - пишет старинный хроникер, - он не искал одной женской прелести в будущей супруге, но и жгучее честолюбие руководило его желаниями. Нетрудно было их осуществить с миллионами в руках. Та девушка, которую он выбрал, не принадлежала к семейству флорентийских патрициев. Несравненно более блестящий ореол окружал ее красоту”. Принцесса Матильда Летиция Вильгельмина де Монфор, дочь короля Вестфальского Жерома (Иеронима), младшего брата Наполеона, и Вюртембергской принцессы Екатерины, могла удовлетворить все его тщеславные грезы. Она родилась в 1820 г. в Триесте. Бывший король

Вестфалии в начале 40-х годов жил во Флоренции изгнанником под именем графа де Монфора; он не имел больших денежных средства, и 17-летняя принцесса лишь недавно вернулась в скромный отчий дом, окончив воспитание при Штутгарском дворе, где ее положение было незавидно. Это была натура незаурядная, “в первом расцвете своей пышной чарующей красоты, страстная, чувственная, одаренная необыкновенными способностями к искусствам”. Со всеми характерными свойствами семейства Бонапартов она сочетала и физическое сходство, напоминая в мягком женском обличе легендарные черты великого дяди. Анатолий, напротив, по свидетельству современников, поражал грубой, почти уродливой наружностью. Избалованный чрезмерным богатством, он славился крутым нравом (49, с. 7-8). Имеющиеся портреты, правда, изображают его в более романтическом виде. Итак, ничто не предвещало прочного и счастливого союза в столь неравном и причудливом браке, и тем не менее племянница великого императора французов 9(21) октября 1841 г. стала хозяйкой Сан-Донато. Но ненадолго. Немногие источники по-разному рассказывают о драме этого недолгого супружества, а большинство из них просто замалчивают это неприглядное событие. Согласно одной версии, вскоре после свадьбы “Анатоль” прямо на балу, на глазах сотен зрителей, закатил пощечину своей юной супруге “в диком порыве ревности и необузданного гнева” (49, с. 8). Согласно другой, “богач-самодур по русскому обычаю прибил жену, ехавшую на бал во дворец” (53, с. 224). Как бы там ни было, уже на другое утро Матильда навсегда покинула Сан-Донато. Она проявила незаурядную сообразительность и не стала обращаться с жалобами к своей семье, а поехала прямо в Петербург искать покровительства у всемогущего императора Николая I, приходившегося ей родственником по линии ее матери. И в этой защите ей не было отказано. Гордого и своевольного Анатолия Демидова не только принудили дать ей свободу, но и назначить 200 тыс. франков годового содержания - громадную сумму по тем временам. Прекрасная принцесса демидовских грез оказалась вполне расчетливым человеком. Графиня Матильда даже во времена Второй империи очень ревниво охраняла свои интересы и архивы Горного департамента хранят немало ее автографов (53, с. 224). Развод между супругами состоялся в 1845 г. Сама принцесса после разъезда жила в Париже, где играла значительную роль в аристократическом обществе, занимаясь

искусствами. При учреждении империи она была принята в число членов французской императорской фамилии и получила титул императорского высочества. Ее салон в Париже собирал многих знаменитостей. Среди ее знакомых была и кн. Зинаида Волконская. Есть свидетельства о переписке между ними (58, с. 453). В дневнике братьев Гонкуров содержится немало занимательных историй о знаменитых вечерах и обедах принцессы, которая не придерживалась исключительно аристократических симпатий и в салоне которой встречались люди всевозможных убеждений. Она покровительствовала начинающим дарованиям, находившим у нее радушный прием. Как с иронией замечает один из авторов, “благодатные недра Урала и привыкшие к работе руки заводских крестьян добывали на все: и на содержание принцессы Матильды, и на ее обеды с цветом французской интеллигенции” (40, с. 89). А другой автор добавляет, что между прочими миллионами, растраченными Демидовым, немало досталось таковых и принцессе Матильде за несколько недель, проведенных с ним. Принцесса прожила долго (умерла в 1904 г.) и за полвека это составило весьма внушительную сумму, вытянутую с уральских заводов (53, с. 224).

Для самого Демидова разрыв стал подлинным жизненным крушением. Претерпевший болезненное унижение честолюбивый владетель Сан-Донато, не ведавший до той поры предела своему самовластию, впервые почувствовал свое полное бессилие и поражение. Наказание для него было ужасно, и даже годы не изгладили последствий этого удара. Восстановление Второй империи, приблизив Матильду к французскому престолу, придало его поражению еще большее значение. От него ускользнула возможность стать членом императорской семьи. В первые годы он старался всеми способами сблизиться с ней и напомнить всему миру о своем родстве. Этим во многом объясняется его необычайно бурная меценатская деятельность. Созданием богатейших художественных собраний и покровительством художникам он надеялся привлечь внимание жены, известной своей склонностью к живописи, к искусству. Демидов беспрестанно пополняет свою художественную коллекцию картинами современных ему художников. Наряду с классикой (Перуджино, Джорджоне, Тициан, Тинторетто, Мурильо, Веласкес, голландцы и др.) виллу Сан-Донато украшают картины лучших французских живописцев: Буше, Греза, Фрагонара, Давида, Энгра, Делакруа, Ораса Верне. Именно благодаря коллекции Сан-Донато

итальянские и приехавшие русские художники были хорошо знакомы с новыми течениями. Двери демидовских дворцов-музеев всегда были широко открыты для них (18, с. 111). Значительные пожертвования он делал и на реставрацию памятников старины и искусства. Он субсидировал во Флоренции Ассоциацию Донателло, выделял сумму в 7 тыс. лир для работ по завершению фасада базилики Санта Кроче, усыпальницы великих людей Италии (где похоронены Микеланджело, Маккиавелли, Россини, Альфиери и др.). Наиболее амбициозным проектом Демидова, тщетно гнавшегося “за царственным призраком”, было создание грандиозного наполеоновского музея памяти императора на острове Эльба. Тайной пружиной безрассудного замысла, стоившего немалых средств, было желание еще раз попытаться привлечь внимание бывшей жены или, по крайней мере, напомнить великосветской знати Европы о своей причастности к наполеоновской династии. В 1851 г. Демидов купил летнюю резиденцию низложенного французского императора на острове, где тот жил с мая 1814 г. до февраля 1815 г., и устроил в нем богатейший музей - мемориал Наполеона. В организации музея и составлении экспозиции большое участие принял молодой В.С.Стасов (будущий известный художественный критик), работавший тогда некоторое время в качестве секретаря А.Н.Демидова. Со временем к старому зданию была сделана обширная пристройка для размещения собранных меценатом наполеоновских реликвий. Главную достопримечательность музея составляла превосходно выполненная колоссальная статуя из карарского мрамора, работы знаменитого Кановы, представлявшая императора в римской тоге. Позднее она была перевезена в Сан-Дonato. К сожалению, наполеоновское собрание, как и многие другие коллекции Демидовых, постигла печальная судьба: они были распроданы впоследствии, большей частью за бесценок (18, с. 111; 49, с. 9).

Неудачное супружество Демидова сказалось и на его взаимоотношениях с царским двором. Вначале неудовольствие Николая I вызвала сама женитьба Анатолия на сестре его политического противника Луи Наполеона, которому Демидов будто бы даже помогал во время его президентства. Затем свою роль сыграли безрассудное поведение самого молодого аристократа и жалобы его супруги, обратившейся с просьбой о защите ко двору. Не по душе царю было и то, что Анатолий Сан-Дonato проживал свои

богатства за границей (40, с. 89). В силу всех этих обстоятельств он стал все реже бывать при русском дворе и в России. Пережив глубокое потрясение за границей, он не получил поддержки и в отечестве и все больше терял связь с родиной. Конечно, ему очень хотелось вернуть расположение Николая I, но делал он это крайне неудачно. Так, однажды он придумал принести ему в дар “царское место”, которое предполагал поместить в строившемся тогда Исаакиевском соборе. Сооружение из малахита, ляпис-лазури, бронзы и золота было сделано аляповато и безвкусно, но обошлось чуть ли не в сотни тысяч. Когда доложили Николаю I об этом “царском месте”, император резонно заметил: “С чего это он выдумал, что я стану в эту клетку?”. Долго эта “клетка” валялась с разным хламом в Таврическом дворце, пока ее не поставили в соборе Александро-Невской лавры (40, с. 90).

В записках известного художника и профессора Художественной академии Солнцева есть много занимательных историй о первом князе Сан-Дonato, в которых говорится, что этот богач, бросавший на ветер миллионы, иногда был “прижимистым” из-за рублей и часто не сдерживал своих обещаний. Однажды он поручил составить свою биографию какому-то молодому человеку за 600 руб. Когда биография была готова, Демидов объявил, что больше 300 руб. не даст за нее. “Вы за стол в Лондоне заплатили 100 тыс., - вспылил биограф, - а мне не хотите дать вами же обещанные 600 руб.”! В конце 40-х годов Анатолий вздумал украсить мощи летописца Нестора в Киеве. Задав великолепный обед, он сказал, что жертвует 27 тыс. руб., и поручил Солнцеву составить смету. Смета была составлена, но богач забыл уже о своем обещании (40, с. 91). В тоже время в свои редкие приезды в Россию, в Петербург, Демидов снимал множество комнат, непременно в отеле “Наполеон” на Большой Морской. Наверху жили секретари, которых у него было с десятков, а средний этаж занимал он сам. Анатолий писал так нечетко, что не мог разобрать своей руки. поэтому и нуждался в секретарях, которым диктовал бумаги и письма (40, с. 90). Должность “французского секретаря” для переводов была в 1846 г. учреждена даже при канцелярии дирекции Нижне-Тагильского заводского управления, так как Демидову легче было вести дела на французском языке.

В середине 40-х годов управление уральскими заводами переходит все больше к иностранным управляющим из ближайшего окружения заводовладельца за границей. В 1846 г. Анатолий Демидов с согласия остальных владельцев Тагильских заводов выдал

доверенность на управление ими поляку А.И.Кожуховскому, обещавшему в короткий срок увеличить вдвое доходы заводов. Он полностью сменил высший состав служащих заводского управления и начал перестройку заводских производств, привлекая к этому иностранных специалистов из числа своих людей (22, с. 32). Однако общее управление заводским производством при братьях осуществлялось сверху; и даже не столько центральным правлением в Петербурге, сколько их доверенным лицом - французом А.О.Жонес-Спонвилем. Сами владельцы утратили к этому времени окончательно интерес к своему "историческому заводскому делу", хотя жили на доходы от него (22, с. 34). Семья французских поданных Жонес-Спонвилей уже не первое поколение служила Демидовым. Анри Жонес-Спонвиль был секретарем Н.Н.Демидова, Октав Спонвиль был директором торгового агентства Н.Н.Демидова за границей. Его сын Анатолий Октавович сделал карьеру от доверенного лица и уполномоченного А.Н.Демидова до главного управляющего делами А.К.Демидовой-Карамзиной и П.П.Демидова. В 70-90-е годы он фактически управлял всем демидовским имением, в том числе и заводами (22, с. 216). Доходы Анатолия Демидова были громадными, - около 2 млн. руб. в год. При нем продолжались расширение и развитие заводского хозяйства, были построены новые заводы: Авроринский (1850) и Антоновский (1853), и даже шелковая фабрика во Флоренции, все больше обособлялись "заводская" и "вотчинная" части демидовского имения. Вотчинные крепостные крестьяне перестали быть резервом рабочей силы и стали для заводов излишней обузой; от них старались избавиться. Когда временные трудности в конце 50-х годов вновь потребовали обращения к "феодалным резервам", обошлись внутренними источниками, без переводов крепостных из вотчин (22, с. 23). Однако громадные непроизводительные траты уральского магната, ежегодные крупные денежные переводы его бывшей жене не могли пройти бесследно. Состояние его дел в это время настолько пошатнулось, что он был вынужден устроить в 1858 г. большую распродажу сокровищ Сан-Дonato, были проданы многие художественные шедевры, распродан зверинец, из которого самые редкие животные подарены королю Виктору-Эммануилу (49, с. 10). После этой распродажи, гонимый отчаянием, Анатолий Демидов пустился в длительное путешествие по Европе и Америке. Он потерпел жизненное крушение, которое продолжало тяготить его душу. Его бывшая жена -

Матильда де Монфор - в которую он, по-видимому, был действительно влюблен, отвернулась от него безвозвратно. И его единственное оружие - деньги не смогли ее вернуть. Сознание этого тайного унижения, вероятно, отравляло всю его последующую жизнь и заставляло лихорадочно искать забвения в наслаждениях и развлечениях. Дурные наклонности его натуры стали брать верх. В путешествии его сопровождали известная балерина и не менее известная певица, которые поочередно пользовались его расположением. После долгих странствий и всевозможных приключений в начале 60-х годов он вернулся "страшно изменившимся, с намеками грозящего паралича, с поврежденным рассудком". Все, что только можно было испытать и получить в жизни богатому человеку, - пишет его биограф, все это досталось на долю Анатолия Демидова. Но конец его был трагичен. Прожив еще две зимы во Флоренции, он переехал в Париж, где скончался 16/28 апреля 1870 г. (по другим данным - в 1869 г.) за несколько улиц от давно чуждой ему жены. Он умер бездетным, вдали от родины, в полном одиночестве, не имея рядом ни родственника, ни друга, не дожив и до 60 лет, хотя крепкое здоровье в молодости обещало ему глубокую старость (40, с. 91; 49, с. 11).

УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ ИЗ САН-ДОНАТО

Не менее интересной и яркой личностью в семействе Демидовых был его племянник Павел Павлович Демидов - представитель нового поколения династии. С его именем связаны не только целенаправленная благотворительность и меценатство, но и активная общественная деятельность. Он один из ярких деятелей городского самоуправления России в 60-70-е годы. Это свидетельствовало о еще одной линии эволюции рода Демидовых. К этой деятельности он был подготовлен всем своим воспитанием и внутренними духовными поисками.

Родился Павел Павлович 9 октября 1839 г. в Веймаре (Германия); очень рано, в 2-летнем возрасте, потерял отца; его воспитывала мать, урожденная баронесса Шернваль. Потомки ее происходили из знатного шведского рода. Аврора Шернваль отличалась "северной" красотой, имела большой успех в свете, была хорошо принята при дворе и участвовала в придворных маскарадах. Изящество и простота ее туалетов вошли в поговорку, хотя судить,

насколько дешева была эта простота, можно по следующему факту: у нее на шею был обыкновенно надет только один бриллиант, на тоненькой цепочке, но это был знаменитый демидовский солитер, принадлежавший когда-то французской короне и купленный Павлом Николаевичем Демидовым за 1 млн. руб. ассигнациями (40, с. 92). Мать горячо любила сына и сама много занималась его воспитанием. Правда, она не хотела, по отзывам, допускать особых поблажек, желая быть даже “строгой”, но известно, что такое “строгость” матери (40, с. 92). С семи лет большое участие в воспитании принимал также его отчим и опекун, А.Н.Карамзин, блестяще образованный человек, имевший на мальчика благотворное влияние. Судьба предназначала ему с детства вращаться в избранном и блестящем кругу титулованных, богатых и талантливых представителей русского общества. Юный Демидов, как и многие его сверстники из знатных семейств, получил прекрасное домашнее образование и был подготовлен к слушанию университетского курса. В 1856 г. он стал студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета - шаг, довольно необычный для семьи Демидовых, представители которой обычно получали заграничное образование. В то время студенты университета делились как бы на два лагеря: различный (либерально-демократический) и аристократический, представителем которого был молодой Демидов. Но он был, по воспоминаниям его сокурсников, “настолько добр, ласков и участлив к товарищам, что его аристократизм даже в знаменитые бурные 60-е годы прощался ему. Свои товарищеские связи он сохранил и позже...” (40, с. 92).

Его особое, выдающееся положение с юности проявлялось, как отмечали современники, скорее в задушевности, чем в заносчивости. В нем было стремление сблизиться с жизнью, узнать бедность и страдание, столкнуться с горем и нуждой ближнего. Университетским друзьям, которые по общественному положению стояли далеко от него, было всегда легко и приятно встречаться с Демидовым. Простота была отличительным качеством его. Порывистый, увлекающийся, он обращал внимание на те стороны людского быта, на которых не останавливали внимания люди, упивающиеся жизнью (42, с. 3-4). Тем не менее юношеский романтизм Демидова не мешал и ему наслаждаться жизнью. Юный племянник князя “Анатоля”, в отличие от него, имел, по отзывам, “очень изящную наружность”, был похож на свою мать. Сохранился портрет князя Павла,

написанный в ранней молодости. На нем он изображен среди снежного ландшафта в снежно-белом охотничьем костюме. Художнику удалось, по словам хроникера, мастерски передать в картине “классически правильные черты” и обаяние “счастливого молодого лица, дышащего здоровьем и силой” (49, с. 12). Юность Демидова, по некоторым свидетельствам, была полна бурных походов, дружеских пирушек и других развлечений, характерных для студенческой “золотой” молодежи того времени. Они продолжались и за границей. Светские хроники парижских газет тех лет были полны “разоблачений” бурной жизни князя Павла и его “веселой юности”. Способствовала этому и дипломатическая служба его после окончания университета в 1860 г. (со степенью кандидата прав) в российском посольстве во Франции. Его богатство, положение, молодость и красота открывали перед ним двери самых аристократических домов и великосветских салонов не только в России, но и в Европе. Развлечения перемежались с серьезными научными занятиями под руководством ученых светил: Лабулэ, Франка, Бодрильяра. Среди удовольствий светской жизни он находил возможность посещать в Париже и Лондоне (как позднее в Петербурге и Киеве) больницы, ночлежные дома, тюрьмы, приюты (42, с. 4). По-видимому, он рано начал задумываться о несправедливости устройства жизни. По этому поводу один из его биографов восклицает: “Не представляло ли это симптома гуманной совести, сознавшей в долге своем перед забитою и угнетенною нищетой? Или Сан-Донатто делал это просто в припадках тоски, угнетавшей его частыми приступами среди невероятной окружающей роскоши?...” (40, с. 93).

Биографы отмечают также его глубокую религиозность, неотъемлемую от поисков истины и справедливости. Молодой Демидов еще в Париже сблизился с людьми духовного сана и искал опоры в церкви и евангельской мудрости. Его поиски опоры в религии особенно усилились в связи с трагическими событиями, произошедшими в его жизни. Весной 1867 г. он женился по любви на княжне Марии Элимовне Мещерской из знатного и высококультурного рода. Отец ее, много лет проживший во Франции, был тем не менее хорошо известен на родине. Брак на девушке, которую он горячо любил, заставил Демидова порвать с бурным прошлым и перевестись из парижского посольства в Вену. Для него это был год короткого, но полного счастья. Обитатели виллы Сан-

Донато, куда молодые приезжали при жизни дяди проводить медовые месяцы, вспоминали, “как любовался женою князь Павел, увидя ее однажды, стоящую в задумчивости, с распущенными волосами, у окна. С немым восхищением смотрел он на нее из сада, скрывшись за деревом, делая знак рукой садовникам, чтобы не выдавали его поклоном. Легкая тень грусти лежала на лице новобрачной. Молва тех лет гласила, что когда отдавала она руку Демидову, ее сердце не было свободно” (49, с. 12). Летом следующего года Мария Мещерская скончалась на следующий день после рождения сына Элима. Павел Демидов тяжело переживал случившееся, оставившее след в его душе на всю жизнь. Близкие его знакомые долго помнили и рассказывали о том ужасном впечатлении, которое произвела на него неожиданная потеря любимой жены (42, с. 16-17). Он долго оплакивал ее кончину и, по рассказам, несколько месяцев не мог видеть первенца-сына. Даже впоследствии, женившись во второй раз и став отцом семейства, он не раз, оставив гостей, уходил в потаенную комнату и там через окно видели его, укрывавшим лицо в складках платьев, сохранявших запахи любимых духов умершей жены (49, с. 13).

Демидов воспринял ее смерть как перст судьбы, как Божье наказание за свои грехи, за свою беспутную молодость. Эта незаживающая душевная рана осталась в нем до конца жизни. На какое-то время он весь отдался скорби. Во вкусах и привычках его произошел резкий перелом. Единственным его занятием и заботой стала благотворительность. В это время он основал в Париже рукодельную мастерскую Святой Марии, где вплоть до времени Парижской Коммуны 1870 г. от 300 до 400 женщин из парижской бедноты находили себе ежедневную работу и безбедное существование (42, с. 17). Бросив дипломатическую службу за границей, где его несомненно бы ожидала блестящая карьера, он в 1869 г. возвратился на родину и поселился в заштатном провинциальном захолустье - губернском городе Каменец-Подольском, поступив на скромное место советника губернского правления по Министерству внутренних дел. Жил он в это время просто, в небогатой квартире со скудным столом. Комфорт был им решительно отвергнут. Лишь постепенно Павел Демидов отходил от этого первого в своей жизни потрясения, найдя излечение от своей скорби в религии, а также в гражданской и общественной службе. Наступившая пора оживления в общественной жизни в России пробудила в нем сознание гражданской ответственности, желание

применить свои знания на выборных должностях общественного и городского самоуправления. Службу по выборам он считал наиболее честной и достойной, как знак доверия общества к своему избраннику (40, с. 93). Вскоре он переехал в Киев, где сначала стал почетным мировым судьей, а затем в 1871 г. был избран на 3 года киевским городским головой. Сложнейшие проблемы общественного самоуправления большого города целиком захватили его и помогли обрести внутреннее душевное равновесие. Киев был одним из крупнейших административных, торговых и культурных центров тогдашней России, и Демидов нашел в нем большое поле деятельности, отвечавшее его постоянному стремлению к практическому реальному делу. Здесь он вновь нашел и личное счастье, возможность создать новую семью. В 1871 г. Павел Павлович вступил в брак с княжной Еленой Петровной Трубецкой (дочерью Санкт-Петербургского предводителя дворянства князя Петра Никитича Трубецкого и княгини Елизаветы Эсперовны, урожденной Белосельской-Белозерской). Однако, его ждал новый удар судьбы. Их старший сын, Никита, родившийся в 1872 г., через два года умер. И Демидов вновь искал и нашел утешение в религии. Киевляне, широко знавшие об общественной деятельности своего городского головы, мало что знали о посещении молодыми супругами келий Братского монастыря, об их частых и долгих беседах со своим духовным отцом - ректором Академии, архимандритом Филаретом (впоследствии епископом Уманским - викарием Киевским). В Киеве родились и остальные дети супругов - дочери Аврора, Мария, Елена и сыновья Анатолий и Павел (42, с. 5).

В Киеве Демидов развернул широкую программу продуманной и просвещенной благотворительности. "Трудно описать все те благодеяния, - пишут современники, - которыми князь осыпал Киев". Он платил постоянные пособия городу и Киевскому университету, основал на свои средства детскую больницу в память скончавшегося первенца, рожденного княгиней Еленой (42, с. 17), жертвовал на стипендии при медицинском факультете университета Св. Владимира (25 200 руб.) (21, с. 262) и др. Его деятельность на посту городского головы получила признание в Киеве, и в 1874 г. его избрали на второй срок. Несомненно, в эти годы П.П.Демидов являлся одним из крупнейших деятелей городского самоуправления России. Однако он неожиданно отказался от должности по этическим

соображениям (возможно, из-за смерти сына) и уехал в Петербург, а затем в Сан-Дonato.

Приехав в Италию, новый владелец Сан-Дonato (которое после смерти в 1870 г. его дяди, как и княжеский титул, перешли к нему) занялся обновлением имения. Вилла украшалась с невиданной еще до тех пор роскошью и пренебрежением к затратам. Деньги сыпались на затейливые переделки, не всегда хорошо обдуманые. Как пишет очевидец, за баснословные цены строился и тут же перестраивался подъезд, воздвигалась гигантских размеров лестница. Работа шла и ночью. Но по окончании ступени оказывались настолько узки, что было почти невозможно ходить по ним, и один враждебно настроенный к Демидовым флорентиец в первый же бал поднялся по этой лестнице, под общий смех, ползком. Сам дворец был полон сокровищ ваяния и живописи. Особенно восхитительны были картины Греза, покрывавшие стены большой комнаты. Повсюду залы украшали бронза, серебро, драгоценная мебель, каминные и двери из малахита и ляпис-лазури. В одной из комнат дворца висел и великолепный портрет княгини Елены - новой супруги князя Павла работы Винтергальтера (49, с. 13). Впоследствии портрет был, как и многие другие ценности Сан-Дonato, перевезен в купленное П.П.Демидовым в 1872 г. (по другим сведениями - в 1873 г.) имение Пратолино, когда-то принадлежавшее семье Медичи. Пробыли, однако, Демидовы в Италии недолго. Началась Русско-Турецкая война 1877-1878 гг., и Демидовы сочли своим долгом в час испытаний быть со своим отечеством.

По приезде в Киев Павел Павлович был назначен чрезвычайным уполномоченным от Общества Красного Креста. "Его щедрость и рвение, - говорится в отзывах работавших с ним, - превышали все, чего можно ожидать от человека. Целый год, зиму и знойное лето, владелец прохладных лесов Пратолино и благоухающих аллей Сан-Дonato прожил с женой в гостинице на Крещатике, в центре города, без балкона и сада, в пыли и душном воздухе. Он неутомимо работал, организовывая перевозку больных и раненых с места военных действий и устройство помещений для их размещения. Он отдавал личные распоряжения по всему Киевскому району, щедро расходовал собственные средства на нужды раненых и больных. Он был главным деятелем в деле снабжения солдат всем необходимым и во временных бараках, и в санитарных поездах, и при отправлении воинов на родину. Демидов сам лично, и днем и ночью, встречал и

проводил санитарные и пассажирские наскоро переделанные поезда с больными и ранеными, вникая во все детали. Многие оценивали это как “широкий подвиг благотворительности” истинного гражданина” (42, с. 6-7). Но более прав, видимо, другой биограф, который заметил по этому поводу: “Эта война, напрягшая все силы общества, заставила и князя Сан-Дonato усердно работать. Обладая громадными средствами, он не щадил их. И было бы, конечно, непростительным эгоизмом жалеть деньги там, где тысячи жертвовали жизнью” (40, с. 94).

Деятельность Демидова во время войны была особо отмечена императором Александром II и его семьей, патронировавшей Общество Красного Креста. По окончании войны Демидов поселился с семьей в Петербурге и состоял в звании егермейстера двора его величества, пожалованном ему еще в 1873 г. Здесь он вращался в высшем придворном кругу. Во время приезда в Россию итальянского наследного принца Умберто (впоследствии короля Италии) с супругой Демидов неотлучно состоял при них все время пребывания их в России, причем уже в качестве князя Сан-Дonato, признанного не только в Италии, но и в России. Еще в 1872 г. с разрешения Александра II он принял пожалованный ему королем Виктором-Эммануилом титул и два ордена: Св. Маврикия и Лазаря и Итальянской короны, а 20 января 1877 г. был высочайше утвержден в России и герб князей Демидовых-Сан-Дonato (3, с. 209; 42, с. 19).

После смерти Александра II П.П.Демидов вновь поступил на службу в Министерство внутренних дел, где деятельность его затрагивала чрезвычайно широкий круг государственных вопросов. Он, к примеру, деятельно изучал сложный еврейский вопрос, который пытался решить на почве объективности, для чего встречался и с рядом крупных еврейских деятелей, в частности, с председателем Московского еврейского общества и крупным банкиром Лазарем Поляковым (51, с. 138, 145). Результатом была написанная в 1883 г. обстоятельная работа на эту острейшую для России того времени тему. Его все более привлекали пресса и публицистика, и на его средства издавалась одно время в Петербурге газета “Россия”, однако она не имела успеха, и вскоре издание ее прекратилось. В это время Демидов был председателем Общества для поощрения промышленности и торговли, и, владея большим количеством различных ценных бумаг, был очень видным лицом в банковской и торгово-промышленной среде; состоял в правлении ряда

акционерных обществ, был председателем правления одного из банков (40, с. 94; 42, с. 19). С годами он приобретал все больший управленческий опыт руководства в различных областях общественной и государственной жизни и, если бы не ранняя смерть, без сомнения, стал бы видным государственным и общественным деятелем России либерального направления. Большую часть времени у него отнимали и заводские дела. Еще по “раздельному акту” 1861 г. молодой заводчик с согласия остальных наследников был признан “полным и исключительным владельцем нераздельного состояния на Урале со всеми строениями, землями, промышленными заведениями, движимым и недвижимым имуществом (22, с. 24). Демидовым принадлежал фактически весь Нижне-Тагильский заводской округ с заводами: Висимо-Уткинским и Шайтанским, Выйским, Лайскими (Верхним и Нижним), Салдинскими (Верхним и Нижним), Черноисточинским и, главным из них, Нижне-Тагильским, находящимся в 150 верстах от уездного города, в Верхотурском уезде. В 1863 г. на нем работали 1838 человек. Демидову пришлось ввести прогрессивные технологии и усовершенствования на заводах и рудниках, во многом даже опередившие правительственные требования в этой области. Он основал первую на Урале фабрику бессемерования стали, в 1873 г. построил новый Исинский завод. Но главное, Демидов на свой страх и риск занялся разработкой каменного угля на Северном Урале, предвидя, что с вырубкой лесов уголь станет основной топливной базой его заводов. С этой целью в 1884 г. он приобрел в собственность Галашкинскую дачу и округ Луньевских заводов общей площадью 868 700 десятин. Смысл этого приобретения коренился в природных богатствах округа. Богатая каменным и древесным углем Луньевская дача, расположенная близ Луньевской ветки железной дороги, имела исключительное значение для Нижне-Тагильского округа, богатого рудой.

Все больший размах приобретала благотворительная деятельность Демидова. Большое внимание он уделял пожертвованиям на общественные нужды. К такого рода пожертвованиям относились учреждение им собственных благотворительных организаций и помощь сторонним благотворительным организациям. Только за последние девять лет жизни он пожертвовал на различные пособия и пенсии по России (за исключением собственных заводов) 1 167 840 руб., что составляло 129 300 руб. в год, в том числе ежегодные пожертвования: Демидовскому

дому - 15 тыс., Николаевской детской больницы - 2,5 тыс., Киевскому ун-ту - 2 тыс., Петербургскому ун-ту - 3750 руб., Обществу дешевых квартир - 5 тыс. руб. и т.д. Крупные средства выделялись им в виде пожертвований на содержание благотворительных и учебных заведений, основанных при Нижне-Тагильских заводах. На его счет содержались в эти годы: реальное училище на 100 чел., с шести летним курсом (начало ему положено открытием "цифирной школы" в 1709 г. Никитою Демидовым по велению Петра I на Невьянском заводе), два мужских народных училища для 300 детей, два женских училища для 200 человек, классы грамотности при заводах и рудниках в десяти пунктах (с безвозмездным и обязательным обучением, как и в других училищах), два приюта для детей, две больницы и несколько приемных покоев с аптеками при них, фельдшерская школа, библиотеки при училищах, школах грамотности и госпиталях. По его инициативе на заводах были учреждены 10 ссудо-сберегательных товариществ. Общий годовой расход на все указанные учреждения, а также церковные причты, пенсии и пособия равнялся 125 891 руб. (42, с. 15). Помимо этого П.П.Демидов был назначен попечителем всех демидовских благотворительных учреждений, основанных его предками, и эта должность отнимала немало времени и средств. Крупную благотворительную и меценатскую деятельность вел он и за границей, прежде всего, в Италии, во Флоренции. Он открыл там много школ, дешевые столовые, ночлежные приюты, и не было случая, как свидетельствуют его биографы, чтобы кто-нибудь получал отказ, если обращался за помощью (42, с. 20). Значительные суммы денег Демидов выделял на реставрацию старинных памятников культуры во Флоренции. Так, он пожертвовал 38 тыс. лир на реставрационные работы в знаменитом кафедральном соборе Санта Мария дель Фьоре, в строительстве которого принимали участие Джотто и Брунеллески. В приобретенном им Пратолино он полностью восстановил сохранившиеся там здания XVI в. архитектора Буонтагенти и других флорентийских мастеров, затратив немалые средства на реставрацию этих великолепных памятников старины. И это не считая бесчисленных культурных инициатив, вроде устраиваемых Демидовыми театральными представлений, показа желающим обширных домашних коллекций нового и классического искусства, щедрых заказов европейским и русским мастерам, пенсий молодым художникам и др. Все эти формы культурной, меценатской деятельности Демидова, как и его предшественников, способствовали

росту симпатий между двумя народами (18, с. 107). Население Флоренции высоко оценило его благотворительность. Особая депутация жителей города, в которую входили представители всех рабочих корпораций поднесла ему в 1879 г. в знак особых заслуг золотую медаль с изображением его и княгини и благодарственный адрес, а муниципалитет города избрал по этому случаю супругов Демидовых почетными гражданами Флоренции. Крупные пожертвования осуществлялись Демидовым и в любимой им Франции. Французское правительство в благодарность за щедрые пожертвования, выделенные им в трудное для этой страны время Франко-Прусской войны 1870 г., пожаловало ему командорский крест ордена Почетного легиона. Не был обойден он монаршими милостями и в России, получив за свои заслуги орден Св. Станислава I степени (42, с. 20). Значительно большие трудности испытывали Демидовы в общении с итальянской знатью. Флорентийское высшее общество завидовало богатству Демидовых и, несмотря на щедрую благотворительность и гостеприимство последних, все более недоброжелательно относилось к чужестранцам. Старинные местные семейства Строчи, Корсини, Джирарделли и др. в годы обретения Италией независимости все в большей мере желали играть эту первую роль сами. Видимо, этим настроением неудовлетворенности своим статусом во флорентийском аристократическом обществе и объясняется неожиданное и необъяснимое для многих решение Павла Павловича в 1883 г. продать Сан-Дonato. Вместе с именем распродавались с аукциона многие редчайшие произведения живописи и скульптуры, ценнейшие коллекции, собиравшиеся поколениями Демидовых, в том числе и часть наполеоновских реликвий, включая так удивившую итальянскую королеву Маргариту, продажу зуба Наполеона Бонапарта. Это было в буквальном смысле слова разорение Сан-Дonato. Еще много лет спустя в Париже, Лондоне и Нью-Йорке предлагали коллекционерам сан-донатовские вещи. Финансовый результат торгов оказался ничтожным. Затраты по аукциону с выплатами процентов парижским фирмам, которые им заведовали, публикации иллюстрированных каталогов, роскошно изданные описания зданий и садов поглотили миллионы. Шесть недель под музыку трех оркестров разорялось Сан-Дonato, преимущественно в пользу французских и итальянских перекупщиков. Событие это в свое время возбудило много толков: говорили и о семейных обстоятельствах, и о несоразмерности

расходов по содержанию имения, но главная причина, видимо, крылась все же в неудовлетворенности Демидовых своим положением в местном обществе (49, с. 14).

Сам меценат, видимо, тяжело переживал продажу Сан-Дonato, которая надломилась его душевно. Перед отъездом в Россию он, по рассказам очевидцев, был мрачен и молчалив, и когда вернулся умирать в Италию, то отдаленное от Флоренции Пратолино не могло заменить ему утраченное Сан-Дonato. Всю жизнь богатство, как какая-то волшебная сила, толкало его от холода и печалей родины к югу в благословенную Италию, с ее художественными сокровищами и благодатным небом. Но даже в этом он был типично русским человеком. Заботясь о памятниках культуры Италии, он проявил характерные для многих образованных русских людей широту мироощущения и понимание значения ценностей мировой культуры. С высоты медийской террасы, на которую он заставлял себя выносить в солнечные дни южной зимы, он смотрел в свои последние дни на долину, где вдали блистал золотой купол покинутого Сан-Дonato. Не в его силах было вернуть прошлое. “Человеческой жизни, - замечает хроникер, - не достало бы, чтобы восстановить собрание бесценных сокровищ искусства, рассеянных невозвратно...” (49, с. 16).

Демидов умер от болезни печени, которой страдал много лет. В последние месяцы у него наступило улучшение и, казалось, появилась надежда на полное выздоровление. Последние его дни были посвящены исключительно семье, детям, с которыми он не расставался. 12(24) января он внезапно потерял сознание, успев сказать жене одно лишь слово: “Прощай”. 14(26) января 1885 г., в 3 час. 30 мин. пополудни он скончался. Его останки были временно погребены в Пратолино, откуда в июне того же года перевезены, согласно завещанию на Урал, где и захоронены среди его необъятных владений (40, с. 95; 42, с. 20).

Павел Павлович был последней крупной исторической фигурой в более чем двухсотлетней истории демидовской династии, но им она не заканчивается. После его смерти наследником княжеского титула Сан-Дonato, но не заводского дела был его старший сын Элим (1868-1843). Родился он 25 июля 1868 г., сразу же потеряв при рождении мать, а в 16 лет и отца. С ранней юности он вращался при дворе и, осиротев, был усыновлен известным богачом и меценатом, владельцем завода в Гусь-Хрустальном и гофмейстером двора

Ю.С.Нечаевым-Мальцевым. Именно Мальцев, по мнению некоторых авторов воспоминаний, устроил весьма выгодный брак молодого Элима Демидова с дочерью министра двора графа Воронцова-Дашкова фрейлиной Софьей Илларионовной. Заключение брака состоялось 30 апреля 1893 г. (26, с. 7; 31, с. 27-28). Элим Павлович служил в Министерстве внутренних дел, как и его отец. Перед революцией имел чин статского советника. Получал он и придворные звания: камер-юнкера, егермейстера двора его величества. Был почетным попечителем демидовского Дома призрения трудящихся в Петербурге, а также попечителем Нижне-Тагильского реального училища, преобразованного в 1896 г. в горно-заводское училище для всего уральского края (31, с. 28; 39, с. 103). Умер он в эмиграции 28 марта 1943 г., не оставив после себя детей. Хотя титулом князя Сан-Донато владел Элим Павлович, как старший в роду по мужской линии, имение Пратолино в Италии перешло по завещанию ко второй жене его отца, княгине Елене Петровне, а от нее к дочери - Марии Павловне Демидовой (1877-1950?). В Италии с именем Марии Павловны связаны многие легенды. Так, в опубликованной в Милане в 1993 г. книге Д.Черветти "Золото Москвы" утверждалось, что она была балериной. В действительности, как пишет современный итальянский исследователь наследия Демидовых, княгиня жила почти всю жизнь то в своем имении Пратолино, то на вилле своего покойного мужа (кн. С.С.Абамелек-Лазарев - ее муж с 1897 г. - М.Г.), известной как вилла "Абамелек" в Риме, и благодаря ее поддержке сотни русских эмигрантов в различных странах Европы смогли выжить и не умереть от голода (33, с. 422). Под ее покровительством находился "Национальный дом для помощи инвалидам, князя Абамелек-Лазарева", который содействовал спасению жизни многих русских семей и инвалидов и деятельность которого отмечалась в итальянской печати. Княгиня Мария Павловна поддерживала и другую организацию русских эмигрантов - "Русская колония в Тоскане" (33, с. 425). Своим законным наследником княгиня оставила своего племянника - сына старшей сестры Авроры (1873-1904?), вышедшей в 1892 г. замуж за светлейшего князя Арсения Карагеоргиевича (брата Сербского короля Петра). Племянник, принц Павел Карагеоргиевич (регент Югославии с 1834 по 1940 г. и претендент на трон объединенного королевства Югославии), получив наследство в 1969 г., продал все достояние виллы Пратолино со всем ее убранством и угодьями с аукциона при посредничестве фирмы

“Сотби”. На аукционе, неслыханном по богатству, были представлены на продажу предметы антиквариата и произведения искусства, способные украсить любой национальный музей. Аукцион 1969 г., как отмечают исследователи, завершил драматическую историю демидовских собраний в Италии, которым не суждено было в целостном, неразделенном виде влиться в национальные музеи Италии или России, как многим другим коллекциям (18, с. 119). Сама вилла Пратолино была в 1970 г. приобретена за 1 млрд. лир провинцией Флоренция. На вилле в полном беспорядке была найдена часть переписки Марии Павловны, переданная в Архив провинции Флоренции (33, с. 425). О других наследниках демидовского состояния известно совсем немного. Сестра Марии, Аврора Павловна, после развода в 1895 г. с сербским князем Арсением вышла вторично замуж за итальянского графа Ногера, но прожила недолго, скончавшись 5 июня 1904 г. в возрасте 30 лет. Младшая сестра, Елена Павловна, родившаяся 29 мая 1884 г., в 1903 г. вышла замуж за гр. А.П.Шувалова, а в 1909 г. вышла замуж вторично, за помещика Н.А.Павлова. Мало что известно и о сыновьях Павла Павловича, Анатолии и Павле. Первый (1874 г. рождения) в 1894 г. женился на дочери директора банка Евгении Клементьевне Подменер; второй (1879-1909) безвременно умер, не прожил и 30 лет (31, с. 28-29).

После смерти Павла Павловича стали приходить в упадок и уральские заводы Демидовых. Особенно ухудшилось их состояние во время кризиса 1900-х годов. Характеризуя положение Нижне-Тагильского округа, Совет Министров констатировал в 1909 г., что “некогда прочно поставленное горно-заводское предприятие Демидовых давно уже находится в состоянии полного упадка. Заводы ведутся крайне нехозяйственно, чрезвычайно задолжали, запущены в смысле технического оборудования и дезорганизованы в отношении управления. Рудники затоплены, платина расхищается на глазах у заводоуправления в невероятном количестве”. За три-четыре года было похищено 40 пудов стоимостью до 1 млн. руб. Сами владельцы заводов старались извлечь из них возможно больше доходов и использовали их “на посторонние предприятия цели”. Дело дошло до того, что в 1908 г. наследники стали добиваться разрешения на продажу своего “платинового промысла” французским компаниям. И правительство, считая эту сделку невыгодной, вынуждено было выдать заводам две казначейские ссуды в 750 тыс. руб. Даже в годы предвоенного подъема одворянившиеся и европеизировавшиеся

Демидовы, следуя традиции последних поколений рода, старались присвоить себе максимальную прибыль, оставляя заводы без средств и заставляя их прибегать к правительственной помощи (16, с. 161-162). Демидовы все больше теряли чувство исторической реальности и перспективы, как и значительная часть титулованного дворянства, становясь все более чуждыми сформировавшему и обеспечившему их восхождение национальному историческому контексту и став, задолго до 1917 г., частью “русского зарубежья”.

История династии Демидовых как нельзя более ярко отразила исторические устремления новой русской аристократии, стремительно поднявшейся на дрожжах петровской “индустриализации” из глубин провинциальной России, торгово-промышленных сословий. Ее отличало в последующих поколениях и даже в начале восхождения к богатству и власти поразительное тяготение ко всему европейскому: образу жизни, культуре, технологии. Лишь первые два-три поколения Демидовых сопротивлялись более-менее успешно напору этого мощного европеизма. Однако сделало ли это “хождение Демидовых в Европу их счастливее и богаче духовно? Многие из них болезненно восприняли удары, обрушившиеся на них в Европе. И если сравнить суровые, но крупные и цельные характеры первых Демидовых с гораздо более утонченными, “европейскими”, но какими-то надломленными и мятущимися натурами последних их представителей, то положительный ответ на этот вопрос вызывает сомнение. Демидовым действительно удалось стать своеобразным “мостом” между русской и европейской культурой, но дорогой ценой. Не сказалось положительно это “хождение” в Европу и на их историческом заводском деле. Обосновавшись в Европе, они все дальше отходили от него, переключаясь на новые формы далеко не производительной, хотя и нравственно оправданной деятельности: коллекционерство, меценатство, благотворительность. Однако и эти новые стремления не смогли наполнить их жизнь, дать им полноту мироощущения. Вместе с тем, история Демидовых убедительно показывает неотделимость истории России от европейской истории, Европы от Средиземноморья до Урала, потому что сами Демидовы стали для нас сегодня олицетворением не только суровых уральских и “сибирских руд”, но и щедро напоенных солнцем тосканских виноградников.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Эфрона. - Спб., 1893. - Т. 10 (19). - С. 363-365.
2. Энциклопедический словарь Т-ва "Бр. А. и И. Гранат и Ко". - М., 1914. - Т. 18. С. 203-207.
3. Русский биографический словарь. - Спб., 1805. - Т. 6. - С. 209-215.
4. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. - Спб., 1847. - Т. 2. - 579 с.
5. Александров П. Прошлое Нескучного сада: Историческая справка. - М., 1919. - 40 с.
6. Бажов П.П. Избранное. - Свердловск, 1976. - 383 с.
7. Бирюков В.П. Дореволюционный фольклор на Урале. - Свердловск, 1937. - 292 с.
8. Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1737-1796. - Спб., 1873. - Т. 3. - Стб. 5-1244.
9. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских, графы Алексей и Кирилла Григорьевичи: Осьмнадцатый век. - Спб., 1869. - кн. 2. - 254 с.
10. Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во 2-ой половине XVIII века. - Спб., 1846. - Ч. 1.
11. Встречи с прошлым. - М., 1982. - Вып. 4. - 478 с.
12. Встречи с прошлым. - М., 1984. - Вып. 5. - 447 с.
13. Гагарин Г.Г. Воспоминания... о Карле Брюллове: К 100-летию со дня рождения Брюллова 1799-1899. - Спб., 1900. - 54 с.
14. Гамель И.Х. Описание тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. - М., 1826. - 372 с.
15. Геннин Вильгельм. Описание уральских и сибирских заводов, 1735. - М., 1937. - 656 с.
16. Гиндин И.Ф. Правительственная поддержка Уральских магнатов во 2-ой половине XIX - начале XX веков // Ист. записки. - М., 1968. - Т. 82. - С. 120-162.
17. Глинка С. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою. - М., 1823. - Ч. 9. - 263 с.
18. Глушакова Ю.П. Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сб. ст. - М., 1993. - С. 105-127.
19. Гоголь Н.В. Последний день Помпеи (картина Брюллова) // Собр. соч.: В 6 т. - М., 1950. - С. 75-82.
20. Головшиков К. Павел Григорьевич Демидов и история, основанного им в Ярославле училища (1803-1880). - Ярославль, 1883. - 224 с.
21. Головшиков К. Род дворян Демидовых - Ярославль, 1881. - 144 с.
22. Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. - Челябинск, 1995. - 233 с.
23. Демидов Н.А. Журнал путешествий его высочества Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга марта 17 дня 1771 по возвращение в Россию ноября 22 дня 1773. - М., 1786. - 164 с.
24. Дичковский С.В. Современники и последователи заводчика Никиты Демидова. - Тула, 1996. - 78 с.

25. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. - М., 1924. - 336 с.
26. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. - М., 1988. - 752 с.
27. Историческое начертание горного производства в Российской империи. - Спб., 1834. - Ч. 1.
28. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. - М., 1967. - Т. 3.
29. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. - Спб., 1885. - 330 с.
30. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Опыт исследования по истории Уральской металлургии. - М; Л., 1949. - Т. 1. - 524 с.
31. Краснова Е.И. Демидовы. Родословная роспись. - Екатеринбург, 1992. - 40 с.
32. Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. - М., 1995. - 185 с.
33. Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. - М., 1994. - Кн. 2. - С. 422-426.
34. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. - Спб., 1895. - Т. 1. - 385 с.
35. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности, XVII, XVIII и начало XIX вв. - М., 1947. - 763 с.
36. Малеева Л.П. Нижне-Тагильский музей-заповедник горно-заводского дела Среднего Урала. - Екатеринбург, 1993. - 32 с.
37. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи и очерки. - Свердловск, 1947. - 408 с.
38. Могильников В.А. Происхождение Демидовых (генеалогические заметки) // Тульский металл: четыре столетия истории. - М., Тула, 1995. - С. 8-9.
39. Нижне-Тагильские и Луньевские заводы наследников П.П.Демидова, князя Сан-Донато, находящиеся в Пермской губернии, в Верхотурском, Соликамском и Пермском уездах. - Пермь, 1896. - 118 с.
40. Огарков В.В. Демидовы. Их жизнь и деятельность. Биографический очерк. - Спб., 1891. - 95 с.
41. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. (заводы и заводовладельцы). - М., 1962. - 566 с.
42. Памяти Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато. - Спб., 1885. - 20 с.
43. Прокофий Акинфиевич Демидов (богач-чудак). - Спб., 1885. - 15 с.
44. Пушкин в письмах Карамзина 1836-1837 годов. - И; Л., 1960. - 436 с.
45. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. - Житомир, 1910. - 42 с.
46. Русский архив. - М., 1873. - Кн. 11. - С. 2230-2287.
47. Русский архив. - М., 1878. - Кн. 2. - С. 119-120.
48. Русский архив. - М., 1880. - Кн. 1. - С. 130-131.
49. Сан-Донато. Хроника. - М., 1903. - 18 с.
50. Свиньин П.П. Воспоминания о тайном советнике Николае Никитиче Демидове // Отечеств. записки. - Спб., 1829. - ч. 39. - № 111. - с. 129-160.
51. Семья Поляковых. - М., 1995. - 303 с.
52. Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. - Спб., 1914. - 134 с.
53. Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому) 1843-1869. - Спб., 1906. - 410 с.
54. Спасский Г. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. - Спб., 1832. - 103 с.

55. Стендаль. Собрание сочинений. - М; Л., 1949. - Т. 12. 595 с.
56. Федоров Е.А. Каменный пояс. роман-трилогия. - М., 1987.
57. Харламова А.Н. Золотые комнаты дома Демидовых в Москве. - М., 1995. - 15 с.
58. Частное коллекционирование в России: Материалы научной конференции. "Випперовские чтения. - 1994". - М., 1995. - Вып. 27. - 256 с.
59. Шакинко И.М. Невьянская башня. Предания, История, гипотезы, размышления. - Свердловск, 1989. - 304 с.
60. Шишонко В.Н. Пермская летопись, 1269-1881. (5 период). - Пермь, 1889. - Ч. 3. - 680 с.
61. Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. - Спб., 1869. - 228 с.
62. Шульгин И.Н. О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета. - Спб., 1838. - 30 с.
63. Щедрин С. Письма из Италии. - М; Л., 1932. - 408 с.
64. Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых (1695-1782): Из истории развития доменной металлургии России. - М., 1996. - 240 с.

ЛР № 020990 от 15.05.95 г.

Подписано к печати 17/IX-98 г.

Формат 60x84/16

Печать офсетная

Бум.кн.-журн.

Свободная цена

Усл. печ.л. 7,5

Уч.-изд.л. 7,0

Тираж 300 экз.

Заказ № **109**

©

ИНИОН РАН, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21

042(02)9

38582

26-00

18